

Г.М. КУЧИНСКИЙ

ПСИХОЛОГИЯ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УНИВЕРСИТЕТСКОЕ»

Г. М. КУЧИНСКИЙ

ПСИХОЛОГИЯ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА

Минск
Издательство «Университетское»
1988

ББК 88
К 95

Рекомендовано кафедрой психологии
Белорусского государственного университета
имени В. И. Ленина;
заведующий кафедрой, кандидат психологических наук
Р. И. В о д е й к о

Р е ц е н з е н т ы:
доктор психологических наук Н. Н. О б о з о в,
кандидат психологических наук Н. Б. Ш у м а к о в а,
кандидат психологических наук Н. П. Щ е р б о

К 0304000000—033
М 317(03)—88 — БЗ-48—88

ISBN 5-7855-0012-4

© Издательство
«Университетское», 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема внутреннего диалога привлекла наше внимание в ходе исследования процесса совместного решения мыслительных задач двумя испытуемыми в условиях их непосредственного речевого общения друг с другом. Эту работу мы начали под руководством А. М. Матюшкина, который одним из первых показал теоретическую и практическую значимость подобных психологических исследований¹. Изучение совместных решений поставило нас перед необходимостью уделить особое внимание диалогу испытуемых. Ведь только он и может превратить индивидуальные мыслительные процессы в действительно совместное решение.

Оценка особенностей диалога и их влияния на совместное решение потребовала осуществить анализ формы и содержания диалога, а также сравнить индивидуальные и совместные решения одних и тех же задач. Именно такое сравнение и привело к выводу о том, что в отдельных случаях речь испытуемого при индивидуальных решениях мыслительных задач представляет собой настоящий диалог. Так появился вопрос о функциях внутреннего диалога как особой формы общения человека с самим собой в индивидуальном мыслительном процессе. Но чем больше крепла уверенность в необходимости внутреннего диалога для успешного протекания индивидуального мыслительного процесса, тем яснее становилось, что сложные формы общения человека с человеком в ходе совместного решения мыслительной задачи включают в качестве своих компонентов и внутренние диалоги участников совместного ре-

¹ См. в связи с этим работы [77; 78]. Здесь и далее в квадратных скобках первая цифра обозначает номер источника в списке литературы, вторая и последующие после запятой — страницу источника. В случае использования нескольких источников соответствующие им цифры разделены точкой с запятой.

шения. И наконец, анализ проблемы «внутренний диалог и мышление» на материале индивидуальных и совместных решений достаточно быстро обнаружил скрывающуюся за ней более широкую и более фундаментальную проблему. Стало очевидно следующее: внутренний диалог далеко выходит за пределы познавательных процессов человека, принимая активное участие в саморегуляции поведения личности. В результате внутренний диалог оказался в центре пересечения таких сфер, как «мышление», «общение», «личность».

Теоретической основой проводимой нами работы по изучению диалога в процессе решения мыслительных задач, а затем и собственно внутреннего диалога стало развернутое Б. Ф. Ломовым исследование общения как общепсихологической категории. Изучение внутреннего диалога как особой формы общения человека с самим собой составляет, на наш взгляд, важную линию разработки проблемы общения в общей психологии.

Из непсихологических исследований диалога наибольшее влияние на нас оказали работы М. М. Бахтина прежде всего теми реальными возможностями, которые они открыли для изучения подлинного единства общения человека с другим человеком и его общения с самим собой. Вместе с тем прямо переносить идеи М. М. Бахтина в область психологии нельзя. У нее своя система понятий, свои цели и методы. Работы М. М. Бахтина в силу указанных причин могут быть лишь отправным пунктом психологического исследования диалога.

В проведенном изучении внутреннего диалога основное внимание было уделено теоретическим вопросам. Поэтому первостепенное значение имеет анализ аргументов, дающих возможность рассматривать некоторые формы общения человека с самим собой как подлинные диалоги и определять их отличия от других форм общения. Все это потребовало разработать для проводимого исследования такой понятийный аппарат, который позволил бы с единой теоретической позиции рассмотреть все многообразие форм общения, дать содержательную интерпретацию каждому из используемых понятий («внешний диалог», «внешний монолог», «явный внутренний диалог», «скрытый внутренний диалог», «внутренний монолог», «внутренняя речь» и др.).

Учитывая малую изученность внутреннего диалога, было целесообразно создать по возможности полную картину изучаемого явления, выявить все наиболее существенные вопросы, возникающие при его психологическом исследо-

вании, показать наличие связи между исследованиями внутреннего диалога и разработкой других, традиционно важных для психологии тем. Поэтому в проведенном исследовании внутреннего диалога важно было отметить, что он является обязательным компонентом мышления индивида, и самопознания личности, и сложных форм общения человека с другим человеком. Потребовалось также выделить функции внутреннего диалога в мышлении индивида и шире — в жизнедеятельности личности.

Одним из наиболее острых вопросов при психологическом исследовании внутреннего диалога является организация его экспериментального изучения. Так, из известных нам исследователей, пожалуй, лишь один (В. В. Столин) прямо обращается к эксперименту в ходе изучения внутреннего диалога. В нашей работе экспериментальный материал по внутреннему диалогу также представлен. Но мы считаем, что на данном этапе его изучения особое значение имеет привлечение любого, по возможности более обширного, эмпирического материала, не обязательно экспериментального. Поэтому в работу включен не только эмпирический материал, касающийся взрослого, психически здорового индивида, но и такой, который представляет и ранний онтогенез психики ребенка, и область психопатологии.

Автор будет считать свою основную цель достигнутой, если независимо от отношения к тем или иным положениям, развиваемым в данной работе, у читателя останется глубокое убеждение в перспективности психологических исследований внутреннего диалога.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ?

Внутренний диалог, исследованию которого посвящена данная книга, не относится к числу явлений, активно изучаемых психологами. Почти невозможно отыскать научную работу, в которой использовался бы такой термин. Более того, устоявшегося, общепризнанного термина «внутренний диалог» просто не существует. Убедиться в этом легко, если обратиться к имеющимся психологическим словарям. Например, в подобных словарях, вышедших в СССР, термин «внутренний диалог», кажется, вообще не встречается, ни как такой, которому посвящена отдельная статья, ни как вспомогательный, используемый для раскрытия содержания других, основных, терминов. И тем не менее читатель, обнаружив в тексте выражение «внутренний диалог», не удивится, а скорее всего решит, что оно используется автором для обозначения разговора человека с самим собой.

Реальность, обозначаемая словами «внутренний диалог», «разговор с самим собой», «аутокоммуникация», «самообщение», знакома не только психологам, но и любому взрослому человеку. Каждый может вспомнить такие эпизоды в своей жизни, когда при обдумывании задачи, принятии ответственного решения или в иных сложных ситуациях ему приходилось разговаривать не с каким-то реальным собеседником, а именно с самим собой. Известный философ С. Киркегор написал даже: «...я очень люблю говорить с самим собой. Я нашел, что самый интересный человек среди моих знакомых — я сам» [53, 125].

Естественность такого явления, как разговор человека с самим собой, сомнений не вызывает. Значительно более серьезным и спорным представляется вопрос о том, возможно ли разговор, беседу человека с самим собой определить как особый вид диалога?

В поиске ответа на этот вопрос имеются два различных

пути. Можно попытаться создать (или выбрать среди уже имеющихся) наиболее совершенное, с точки зрения исследователя, определение диалога, а затем с опорой на данное определение обратиться к анализу явления, именуемого «разговор человека с самим собой», и решить, следует ли его трактовать как особый вид диалога. При таком подходе определение понятия «диалог» создается независимо от существования явления «разговор человека с самим собой», а ответ на поставленный вопрос в решающей степени зависит от того, каким оказалось полученное определение понятия «диалог».

Возможен и другой путь. Исследователь всегда создает определение с опорой на интуитивные представления об определяемом предмете (хотя, естественно, этим не ограничивается). Это интуитивное представление как бы выделяет тот круг интересующих исследователя явлений, особенности которых он и пытается выразить с помощью определения. Поэтому, не используя какое-то конкретное определение диалога, можно попытаться подобрать такие образцы речевого общения, которые являются типичными диалогами, а затем показать, что в некоторых вполне естественных условиях отличить образцы типичного диалога от фрагментов речи одного говорящего, представляющих его разговор с самим собой, невозможно. Это будет серьезным аргументом в пользу того, что речь одного говорящего может быть подлинным диалогом. Если такое окажется возможным, придется сделать принципиальный вывод: определение понятия «диалог» сразу, исходно должно создаваться с учетом явления, именуемого «разговор человека с самим собой».

На факты, подтверждающие реальность второго пути, мы натолкнулись при проведении исследования диалога испытуемых в процессе совместного решения ими различных мыслительных задач. В ходе одного из экспериментов испытуемые попарно решали задачу «Ученики» [59, 43]. Во время решения они сидели за столом рядом друг с другом. Решение продолжалось обычно от 30 минут до часа. После экспериментов необходимо было записанную на магнитофонной ленте устную речь испытуемых отразить в письменной форме. Сделать это иногда было очень трудно. Среди испытуемых, привлеченных к участию в эксперименте, обнаружилось несколько пар с очень сходными голосами. Кроме того, в помещении, где проходил эксперимент, было довольно шумно из-за окна, выходящего на проезжую часть улицы с достаточно оживленным движе-

нием. И в довершение ко всему, решая задачу вместе, испытуемые часто наклонялись друг к другу и при этом говорили вполголоса. В результате стечения подобных обстоятельств возникло несколько своеобразных записей. Прослушивая их, можно было хорошо определить, что говорили испытуемые, однако было трудно, а местами и невозможно решить, где заканчивается речь одного говорящего и начинается речь другого.

Посчитав подобное явление артефактом, мы попытались привлечь на помощь других сотрудников в надежде, что им удастся различить голоса испытуемых. Стали прослушивать записи вместе. Однако оказалось, что несколько человек, воспринимая одну и ту же запись совместного решения, могут по-разному разбивать слышимую речь на отдельные реплики. То, что один эксперт записывает как две или несколько различных реплик участников совместного решения, другой может записать как одну реплику одного говорящего. Более того, самому экспериментатору, прослушивающему такой фрагмент записи, в один момент кажется, что говорят оба партнера, а в другой момент он уверен, что все еще продолжает говорить один из партнеров. В этих сомнениях слушающего запись проявляется то, что для него одинаково естественными и возможными кажутся оба решения — считать, что говорит один человек, или считать, что говорят оба участника совместного решения.

Описанную ситуацию можно прокомментировать так. Если разговаривают два человека с очень сходными голосами, то на основании представлений о речи одного говорящего и типичном диалоге двух человек отличить одно от другого часто оказывается невозможным. Следовательно, в речи одного говорящего встречаются такие фрагменты, которые вполне можно принять за разговор, беседу двух человек со сходными голосами. Как отмечено выше, их можно обнаружить в речевом общении двух собеседников в процессе совместного решения мыслительной задачи. Но такие же и даже еще более красноречивые фрагменты речи одного говорящего часто встречаются при индивидуальных решениях мыслительных задач [59].

Для дальнейшего сравнения речи одного говорящего с беседой двух или нескольких собеседников попробуем трансформировать звуковую и графическую записи речевого общения испытуемых. Собственно, уже при замене устной речи письменной происходит существенное изменение первой. В письменной речи утрачиваются такие осо-

бенности речи устной, как тембр голоса, темп речи, паузы. Утрачиваются некоторые акценты. В значительной степени речь лишается авторской интонации. И все же при обычной записи устной речи в письменной форме сохраняются важнейшие особенности речевого общения, в частности остается ясным, где речь одного, а где другого партнера. Но попробуем представить, что голоса испытуемых слишком схожи, чтобы можно было безошибочно определить границы между ними. И учтем это при записи устной речи в письменной форме. С этой целью лишим письменную речь, отражающую речевое общение испытуемых, структурированности на отдельные реплики. Для этого запишем речь двух партнеров, не обозначая границы реплик. Используем в качестве материала для подобного опыта начало диалога двух испытуемых, решающих задачу «Ученики» [59, 169]: «Что мы знаем? Какие экзамены были? По алгебре и литературе. Так? Скорее всего, да. Больше мы ничего не знаем. Это не влияет. Нет. Почему? Влияет. Нет. Это... Вот мы сейчас давай найдем, сколько будет сумма $A+B+C$. Так. Н...К — 22 очка. Всего очков сколько?..» А теперь перечитаем полученный текст и спросим себя, не обращаясь к оригиналу, где границы речи каждого из партнеров? По каким признакам речи можно судить, что два соседних фрагмента текста принадлежат не одному, а разным испытуемым?

Для подтверждения обоснованности, естественности проведенных трансформаций исходной записи речевого общения испытуемых можно отметить и то, что в наших экспериментах наряду с устным общением использовалось и письменное. Испытуемые, решая задачу вместе, записывали по очереди свои реплики в одну тетрадь, передавая ее друг другу. Критериями границ речи каждого из партнеров были при этом почерк, цвет чернил и тому подобные признаки. От них абстрагироваться еще легче. В результате анализа трансформированных текстов обнаружилось, что различия между речью одного говорящего и типичной беседой двух партнеров часто обусловлены лишь тем, что во втором случае мы явно слышим два разных голоса, отличающихся друг от друга своими акустическими или иными внешними особенностями.

Таким образом, речь одного говорящего может быть практически неотличима от разговора двух собеседников. Существование подобных фактов убеждает, что не следует вопрос о том, является ли внутренний диалог диалогом, ставить в зависимость от определения диалога. Напротив,

само определение диалога должно учитывать существование внутреннего диалога как особой формы общения человека с самим собой.

Как верно отмечено Р. А. Будаговым, наиболее часто в различных справочниках, энциклопедиях и словарях диалог определяют как разговор, беседу двух или нескольких собеседников [22]. Это определение является, видимо, и наиболее старым. С его помощью диалог противопоставляется монологу как речи одного говорящего. С учетом изложенных выше фактов становится ясно, что данное определение диалога слишком узкое, так как согласно ему речь одного говорящего диалогом быть не может. На самом же деле возможны ситуации, когда речь одного говорящего становится неотличимой от образцов типичного диалога. Поэтому при определении диалога признак «количество говорящих» является несущественным. Против различения монолога и диалога по количеству говорящих свидетельствует и существование процессов диалогизации-монологизации речевого общения двух или нескольких собеседников [13; 15]. Иными словами, между типичным диалогом и типичным монологом существует ряд промежуточных, более или менее диалогизированных форм общения человека с другим человеком. Если же в качестве отличительного признака диалога и монолога взять количество говорящих, то станет ясно, что никаких промежуточных, переходных форм между ними выделить нельзя. А далее неизбежным оказывается еще один вывод. Если речевое общение двух или нескольких собеседников может быть в разной степени диалогизированным и если речь одного говорящего может быть неотличима от речевого общения собеседников, то, следовательно, и речь одного говорящего может быть в разной степени диалогизированной. Это означает, что речь одного говорящего, его общение с самим собой, как и общение с другим человеком, может протекать в разных формах, быть и монологом, и диалогом. Для различения наметившихся форм общения можно воспользоваться терминами «внешний диалог» и «внешний монолог», фиксируя ими разные формы общения человека с другим реальным собеседником, а также терминами «внутренний диалог» и «внутренний монолог» для обозначения различных форм общения человека с самим собой.

Нельзя не отметить, что некоторые авторы, признавая существование внутренних диалогов с воображаемыми собеседниками, с самим собой и даже с «бесплотной», чисто логической позицией, тем не менее, основываясь на приве-

денном выше определении диалога как разговора, беседы двух или нескольких «настоящих» собеседников, считают внутренние диалоги в любой их форме ненастоящими. Таково, например, мнение Л. А. Радзиховского, утверждающего, что реальный диалог полицентричен, а диалог в сознании одного человека моноцентричен и представляет собой лишь монологизированный диалог, так как личность говорящего всегда находится «над» диалогом, охватывает его единым целостным сознанием. Согласно Л. А. Радзиховскому предельный случай диалогизированности «нормального» сознания состоит в том, что оно «знает о существовании других пониманий, точек зрения и с учетом этого строит свои диалоги, оставаясь по сути моноцентричным» [104, 105—106]. Очевидно, что такие рассуждения обнаруживают известную неполноту нашего обоснования подлинной диалогичности некоторых форм общения человека с самим собой. Получается, что внутренний диалог может быть неотличим от диалога реальных собеседников лишь по форме, по внешним особенностям. А изнутри, с позиции самого говорящего, его внутренний диалог диалогом не является, так как есть лишь одна настоящая, подлинная точка зрения.

Преодолеть подобные сомнения в подлинности внутреннего диалога помогает еще одна группа фактов, на этот раз относящаяся к области психопатологии. Мы имеем в виду обширный материал по вербальным галлюцинациям, псевдогаллюцинациям и некоторым другим формам расстройства психики.

В литературе при обсуждении вопроса о внутреннем диалоге можно встретить обращение к материалу психопатологии, например к фактам раздвоения личности [117]. Имеются в виду случаи, при которых один и тот же больной последовательно оказывается то одной личностью, то совершенно другой. Количество таких различных состояний может быть и больше двух. В рассматриваемых примерах имеют место последовательно сменяющиеся различные состояния человека. Иногда, находясь в одном состоянии, личность ничего не знает о других своих состояниях. Иногда знает о них и даже выражает к ним какое-то отношение, например жалеет о них, стыдится их. Однако никакого взаимодействия между этими состояниями нет. Они лишь сменяют друг друга. А без взаимодействия нет диалога. Эта форма патологии подтверждает лишь возможность наличия у одного человека двух совершенно различных состояний, столь универсальных (и манера поведения,

и способ мышления, и характер переживаний), что их называют разными личностями одного и того же человека. Факт, конечно, существенный для обоснования возможности внутреннего диалога. Но есть материал, имеющий к данной проблеме более непосредственное отношение.

Известно, что при различных психических заболеваниях у больных появляются вербальные галлюцинации. Они начинают слышать человеческие голоса, узнавать, откуда, из какой точки внешнего пространства слышится голос, кому он принадлежит и т. п. Содержание слышимой речи может быть самым разнообразным — комментирующим поведение больного, осуждающим, угрожающим, принуждающим. Главное же состоит в том, что больной может вступить в настоящий диалог с этим слышимым им голосом, спорить с ним, отвечать на вопросы или задавать их. Иногда он слышит не один голос, а несколько. Эти голоса могут вести диалог между собой (что-то обсуждать, замышлять и прочее). В случае псевдогаллюцинаций слышимые голоса больной локализует в своем внутреннем пространстве (обычно в голове) [48, 81].

Следовательно, по крайней мере в области психопатологии, есть случаи действительного существования в рамках одного сознания двух различных пониманий, различных, даже несовместимых, точек зрения и их взаимодействия в виде диалога. При этом наличие диалога признает сам больной. Для него подлинность диалога не вызывает сомнений. Ведь суть его жалоб в том и состоит, что слышимый голос независим, враждебен, противостоит ему и т. п. Взаимоотношения больного со слышимым им голосом бывают самыми разными. Они имеют свой сюжет, обладают динамикой.

Подчеркнем, что психиатры, исследующие галлюцинации и псевдогаллюцинации, обычно употребляют термин «диалог», характеризуя этим патологические формы общения человека с самим собой. Наличие вербальных галлюцинаций и псевдогаллюцинаций не позволяет ограничить многообразие форм общения человека с самим собой лишь монологами. Существуют и внутренние монологи, и внутренние диалоги. В этой связи заметим, что Г. Я. Буш, автор книги «Диалогика и творчество», сторонник создания глобальной междисциплинарной теории диалога [23], стремясь расширить представление о диалоге и его роли в жизни человека, специальный параграф уделяет внутреннему диалогу, но допускает неточность, называя его при этом солилогом. Ошибка состоит в том, что, как отмеча-

лось выше, в соответствии с наиболее распространенным определением, диалог противопоставляется монологу, а синонимом монолога при этом называют именно солилог [141, 681].

Но патология — это патология. А нормальная психика — нечто совсем иное. Ведь не случайно Л. А. Радзиховский, настаивая на монологизированности «нормального» сознания, употребляет это слово вначале в кавычках, а потом без них и тем самым как бы отгораживается от материала психопатологии. Стоит поэтому еще раз вернуться к норме в поисках обоснований подлинности внутреннего диалога. Правда, известно, что явления, очень похожие на вербальные галлюцинации и псевдогаллюцинации, встречаются иногда не только у психических больных, но и у здоровых людей. Убедительные материалы на этот счет содержит книга О. Н. Кузнецова и В. И. Лебедева «Психология и психопатология одиночества» [57]. Мы имеем в виду сходные с галлюцинациями состояния, возникающие под влиянием длительного одиночества, лишения нормального общения с другими людьми, а также искусственно созданной сенсорной изоляции. Эти данные можно отнести к пограничной области, учитывая возможность возникновения кратковременных, обратимых расстройств психики под влиянием особых условий.

Реальность внутренних диалогов в подлинно нормальной психике, более того, обязательность этих внутренних диалогов в определенных условиях подтверждает третья группа фактов. Они относятся к области экспериментального исследования индивидуальных решений мыслительных задач, т. е. таких задач, для решения которых необходимо порассуждать, проявить сообразительность. Применение серии задач возрастающей сложности, имеющих единый алгоритм решения, позволило нам обнаружить неслучайный характер возникновения внутреннего диалога, его связь с наиболее продуктивными, наиболее творческими фрагментами этого процесса [59].

Внутренний диалог в процессе решения творческих задач — во многом примечательное явление. Вряд ли можно сомневаться в искренности вопросов, возникающих у человека, решающего творческую задачу. Это действительно вопросы, на которые у него вначале нет ответа. А затем он сам отвечает на свои же вопросы. И возражения, адресуемые самому себе, также являются подлинными возражениями. Они выражают те реальные изменения в сознании человека, которые происходят в процессе решения,

иногда даже за весьма непродолжительное время, отделяющее вопрос от ответа. Не вызывает сомнений и возможность существования различных, нередко несовместимых точек зрения в процессе решения творческой задачи. Например, решающий может действительно иметь два различных предположения по поводу причин того или иного события, склоняясь по очереди то к одному, то к другому. Иногда задача, которую решает человек, оказывается столь сложной (или даже нерешаемой), что поиск ответа продолжается всю жизнь. В этом случае внутренний диалог по своей длительности будет сравним с длительностью жизни человека. Понятно, что он может остаться и незавершенным.

Итак, есть достаточно оснований признать подлинность внутреннего диалога как особой формы общения человека с самим собой. А доказательство подлинности внутреннего диалога обнаруживает основной недостаток тех определений диалога, которые мы назвали узкими, так как они признают диалогом лишь диалог реальных собеседников.

Стоит отметить, что иногда диалог определяют еще более узко, чем при традиционном «лингвистическом» определении. При этом под диалогом понимают не любую беседу, а особую, например диалог-исследование, проводимое несколькими собеседниками, или научную беседу-спор. Словом, пытаются отличить диалог от обыденных разговоров. Классическими образцами диалога при этом рассматривают диалоги Платона. Подчеркивают важность для диалога единства темы, цели, характера аргументации и т. п. [46; 130]. Любопытно, что как своеобразную реакцию на такое сужение понятия «диалог» можно рассматривать участвовавшие в последнее время призывы лингвистов к исследованию именно повседневной, живой разговорной речи [37]. Еще одним вариантом сужения понятия «диалог» является его определение как речевого общения, беседы партнеров, но обязательно лишь при наличии особых отношений: духовной общности, доброжелательности, доверия.

Определение диалога как разговора, беседы двух или нескольких собеседников можно несколько расширить, если под собеседниками понимать не только реальных партнеров, но и воображаемых, представляемых. В этом случае можно говорить о внутреннем диалоге как о диалоге воображаемых собеседников или диалоге с воображаемым собеседником. Так поступает, например, И. В. Стра-

хов [121]. Но при этом вне определения окажутся многочисленные случаи осуществляемых в диалогической форме рассуждений, аналогичных тем, которые встречаются при индивидуальных решениях задач, так как в них хотя диалог и есть, но различных собеседников выделить не удастся.

Наряду со слишком узкими определениями диалога имеются и его слишком широкие толкования, в которых практически исчезает специфическое содержание, присущее слову «диалог». Например, в предисловии к XVII выпуску сборника «Труды по знаковым системам» речь идет о том, что существует «функциональный изоморфизм между диалогом как коммуникативной моделью, с одной стороны, семиотическим многоязычием как неотъемлемой чертой культуры — с другой — и функциональной асимметрией в работе больших полушарий головного мозга человека, с третьей» [125, 4]. Тем самым усматривается функциональное соответствие между взаимодействием собеседников в диалоге, взаимодействием культур и взаимодействием полушарий головного мозга человека. И диалог, и культура, и головной мозг рассматриваются как смыслопорождающие генераторы. Впрочем, в сборнике не дается специальное определение диалога, но зато утверждается, что «диалог есть сведение двух к одному и раздвоение единого» [125, 4]. А чтобы не было сомнений, что диалог понимается столь широко, подчеркивается: «Таким он и предстает в предлагаемом сборнике» [125, 4].

Признание подлинности внутреннего диалога означает, что содержание понятия «диалог» должно учитывать и внутренние диалоги наряду с традиционными диалогами реальных собеседников. Эти внешние диалоги иногда обозначают термином «интерсубъективные». Тем самым уже в названии дается ответ на вопрос о действующих лицах внешнего диалога. О внутреннем же диалоге приходится говорить, что он интрасубъективный, внутрисубъективный. Но ведь диалог — это взаимодействие, а во взаимодействии как процессе всегда должны быть минимум две взаимодействующие стороны. Следовательно, необходимо внутри одного субъекта выделить такие образования, которые являлись бы взаимодействующими сторонами его внутреннего диалога и одновременно были бы сравнимы с субъектом по функциям, выполняемым в диалоге. Такими сторонами, взаимодействующими во внутреннем диалоге субъекта, являются воспроизводимые им смысловые позиции. При прослушивании диалога собеседников с неразличимыми го-

лосами нельзя отделить фрагменты, где говорят оба собеседника, от фрагментов, где записана речь одного говорящего. Можно лишь отграничить фрагменты речевого общения, в которых выражены две различные смысловые позиции, два различных понимания того, о чем идет речь, от фрагментов речи, выражающих одну смысловую позицию, одно понимание. Соответственно и в речи одного говорящего может быть выражена не только одна, но по крайней мере две различные взаимодействующие смысловые позиции.

Что значит «одна смысловая позиция», «одно понимание»?

Есть что-то, противостоящее личности как предмет ее познавательной или иной активности. Об этом предмете личность может говорить, с ним она может что-то делать. Понимание, смысловая позиция личности проявляются как в том, так и в другом. Например, личность может многократно и по-разному рассказать об этом предмете. Возникнет несколько различных текстов. Но у них будет нечто общее — они будут выражать разными словами одно и то же понимание, видение предмета (каков он, что собой представляет, чем отличается от других, что с ним происходит и т. п.). Таких текстов может быть бесконечное множество, т. е. понимание несводимо ни к одному из них. Оно инвариант всех подобных возможных текстов о предмете. Если же придется взаимодействовать с этим предметом, то поведение личности будет меняться, перестраиваться в соответствии с изменениями предмета. В различных ситуациях взаимодействия с предметом личность поведет себя по-разному, но за всем этим будет скрываться одно и то же понимание предмета, одно и то же представление о нем. В частности, если человек знает, как решать уравнение с одним неизвестным, то различные уравнения он будет решать по-разному, в соответствии с их особенностями, но на основе единого, уже сформировавшегося представления о таких уравнениях и способах их решения. Во всех решениях проявится одна и та же смысловая позиция.

Употребляя вместе термины «понимание» и «представление», мы не столько стремимся подчеркнуть их сходство, сколько отметить их единство в смысловой позиции как своеобразной описательно-объяснительной конструкции. Если в представлении акцент сделан на описательном моменте, на образе предмета (каков он, из чего состоит, какими свойствами обладает), то в понимании акцент дела-

ется на объяснении, интерпретации. Однако ясно, что интерпретация позволяет проникнуть в глубь образа предмета, перестроить его. В свою очередь образ-описание превращается в компонент объяснения, истолкования как пример, вариант, образец и т. п.

Отметим также, что смысловая позиция — это смыслопорождающий центр, а не готовое, завершенное представление, понимание. Это некая схема понимания предмета, модель его представления и интерпретации. Все касающиеся предмета детали, подробности, все пропуски, неясности восполняются на основе смысловой позиции, в соответствии с ней, как бы ей самой.

Смысловая позиция — это именно представление о предмете активности личности, так как сам представляемый предмет является лишь частью, фрагментом этого представления о предмете. Так, например, если кто-то совершает в уме простейшие манипуляции с кубиком Рубика, то в каждый конкретный момент времени кубик видится им в каком-то одном определенном состоянии. Манипуляции же осуществляются на основе представления о кубике, в котором, в частности, отражены и другие возможные состояния кубика, возможные действия с ним, правила преобразования и т. п.

Вместе с тем предмет речевой и неречевой активности личности представляется всегда в той или иной ситуации жизнедеятельности. Поэтому наряду с представлением о предмете в смысловую позицию входят и представления о других предметах (как потенциальных направлениях новых форм активности субъекта), и представления о самом себе, о своих собственных целях, потребностях, действиях, и представления о других субъектах вместе с их смысловыми позициями. Смысловая позиция — это именно представление о предмете активности личности, но в единстве с другими перечисленными выше представлениями, которые составляют контекст осмысления, понимания, манипулирования, преобразования предмета активности личности. В составе смысловой позиции различные представления образуют динамическое единство, однако его главным, центральным компонентом остается представление, понимание предмета активности. Другие представления образуют смысловой фон для этого центрального представления. Понятно, что смысловая позиция не является механической суммой различных представлений. Поэтому изменения фоновых представлений в структуре смысловой позиции (как изменения контекста) могут привести к из-

менению центрального представления, т. е. представления о предмете активности личности.

Речь человека, так или иначе, всегда выражает смысловую позицию говорящего по поводу того, о чем идет разговор. В то же время в речи, как и в других сложных формах активности человека, проявляется определенная направленность личности. Речь вызвана какими-то намерениями, служит достижению определенных целей, она чем-то мотивирована, т. е. в ней проявляется определенная интенция говорящего. В любом конкретном эпизоде общения речь человека определяется и смысловой позицией человека (тем, как он себе представляет и понимает предмет собственной активности и ситуацию жизнедеятельности в целом), и его интенцией (тем, к чему он стремится, чего избегает).

Важно, однако, помнить, что среди факторов, определяющих направленность речевого поведения человека, есть и такие, которые нельзя свести к смысловой позиции как образованию, не существующему вне употребляемой человеком системы знаков. Этими факторами в значительной степени являются эмоции человека, многие психофизиологические состояния типа утомления или вызванные неудовлетворением каких-то потребностей (жажда, голод) и т. п. Вместе с тем и эти факторы, определяющие интенцию человека, проявляются в особенностях смысловой позиции, трансформируя ее, окрашивая чувственным тоном, определяя ее содержание и т. п. Речь фактически идет о сложных соотношениях интеллекта и аффекта, осознаваемого и неосознаваемого.

Выводы:

1. Существуют факты, убеждающие, что некоторые формы общения человека с самим собой являются подлинными диалогами.

2. Понятие «диалог» должно строиться с учетом наличия внутренних диалогов. Наиболее распространенное определение диалога как разговора, беседы двух или нескольких реальных собеседников не может считаться удовлетворительным.

3. С учетом изложенного выше можно утверждать, что наиболее существенной чертой диалога является взаимодействие выраженных в речи различных смысловых позиций. Исходя из этого, легко определить внешний диалог как такую форму субъект-субъектного взаимодействия, при которой различные смысловые позиции развиваются, выражаются в речи разными говорящими, и внутренний

диалог, в котором выраженные в речи и взаимодействующие смысловые позиции развиваются одним говорящим. Для монолога характерна выраженность в речи говорящего одной смысловой позиции. Причем во внешнем монологе эта речь обращена к другому человеку, а во внутреннем монологе речь обращена к самому говорящему, предназначена ему.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА: ОТ ТЕОРИИ М. М. БАХТИНА К ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Одной из важнейших причин растущего интереса к изучению внутреннего диалога в советской психологии является осуществленная Б. Ф. Ломовым постановка проблемы общения как общепсихологической проблемы [68; 69; 70; 71].

На первом этапе ее осмысления в контексте общей психологии внимание психологов привлекли прежде всего совместные формы перцептивной, мнемической, мыслительной деятельности [69]. Особенно это было заметно в отношении изучения мышления. К исследованию процесса совместного решения мыслительных задач, а, следовательно, в той или иной степени и проблемы «общение и мышление», «диалог и мышление» вместе со своими учениками обратились такие ученые, как А. В. Брушлинский [87], Я. А. Пономарев [99] и другие. Наиболее убедительно значение диалога для психологии мышления было раскрыто в работах А. М. Матюшкина, который критически проанализировал исследования индивидуальных решений и показал, что в них изучается «усеченное мышление», так как постановку задачи, мотивировку испытуемого на ее решение, оценку решения и т. п. совершает обычно экспериментатор [78]. Обобщив результаты проведенных под его руководством исследований (в том числе и выполненных нами), Матюшкин формулирует принципиальный вывод: «...развитие познавательной активности осуществляется не как обучение приемам решения задач, а как воспитание творческого мышления в условиях дидактически организованного диалога и ситуациях группового мышления» [79, 16].

На следующем этапе внимание советских психологов начинают привлекать новые вопросы. Об этом свидетельствует, в частности, статья Г. А. Ковалева и Л. А. Радзиховского, посвященная важному для современной психологии понятию интериоризации [51]. В результате критического анализа концепции интериоризации в работах Л. С. Выготского авторы приходят к выводу, что основное содержание понятия «интериоризация» имеет самое непосредственное отношение к процессу общения: «Итак, исходная ситуация, структура которой интериоризуется, есть общение, и внутренняя интериоризированная структура несет в себе (своих элементах) свернутое общение, диалогизм» [51, 116]. По мнению авторов, в работах Л. С. Выготского «свернутый диалог, общение рассматриваются как «встроенные» в глубинные, интериоризированные структуры психики»; высказывается предположение, что «функция означивания имеет диалогическую структуру» [51, 116]. В связи с этим ставится цель — проследить проявления внутреннего диалогизма означивания в функционировании развитого сознания индивида, осуществить диалогический анализ сознания. Поскольку признается, что диалогизм «встроен в базовые структуры сознания, то предполагается таким анализом охватить всю совокупность психических явлений. Задача, как считают авторы, состоит в том, чтобы «в каждом случае показать, что нового дает анализ соответствующего феномена как диалогического по структуре» [51, 120].

Нельзя не согласиться с выводом Г. А. Ковалева и Л. А. Радзиховского о необходимости создания реальной типологии всех форм внутреннего диалога — и явных, и скрытых. Именно к этому мы и стремились в предшествующих работах, формируя понятия «внутренний диалог во внутренней речи», «внутренний диалог во внешней речи», «явный внутренний диалог», «скрытый внутренний диалог», анализируя взаимодействие смысловых позиций, выявляя функции внутреннего диалога в мышлении индивида [58; 59; 60]. Этому же в значительной степени посвящена и данная книга. Однако решить проблему внутреннего диалога нельзя, не определив, что такое диалог. А авторы этот вопрос даже не ставят. Кроме того, создать типологию форм внутреннего диалога невозможно, не конкретизируя одновременно понятий «внутренний монолог», «внутренняя речь». Нуждаются в уточнении и широко используемые в настоящее время не только авторами статьи, но и другими исследователями (Ю. М. Лотман, В. В. Столин)

понятия «диалогизм», «внутренний диалогизм», «диалогизация», «внутренняя диалогизация» и т. п. Так, например, в рассматриваемой статье в одних случаях диалогизм охватывает все проявления диалога [51, 120], в других он отождествляется со свернутым внутренним диалогом [51, 116]. На наш взгляд, авторы все же склонны рассматривать диалогизм широко, включая в него все проявления диалога. Но в подобном случае как раз и существенно дать определение диалога. Иначе речевое общение сведется только к диалогу, исчезнет монолог, а, кроме того, станут возможны диалоги не только между людьми, но и, например, между правым и левым полушарием головного мозга человека, о чем идет речь в упоминавшемся тартуском сборнике по знаковым системам [131], диалог между художником и его автопортретом [47] и многое другое.

При ответе на вопрос, что такое внутренний диалог, необходимо также решить, можно ли отождествлять диалог с субъект-субъектными отношениями. Эти отношения обязательны в диалоге, в речевом взаимодействии личностей. Но во-первых, отношения двух личностей несводимы к их взаимодействию. Они могут меняться и в процессе взаимодействия этих личностей с другими индивидами, и даже в процессе взаимодействия этих личностей с различными предметами. Во-вторых, не все богатство отношений между субъектами диалогизируется в процессе их совместной деятельности или шире — в процессе их непосредственного или опосредствованного взаимодействия. После работ К. Маркса можно рассматривать как бесспорный факт, что под предметными формами в структурах сознания отражены и субъект-субъектные отношения [4, 82—84]. Эти структуры сознания возникают в различных формах совместной деятельности, в различных формах взаимодействия социально организованных индивидов, образуя компонент, аспект, сторону, условие этого взаимодействия. Следовательно, сводить исследование субъект-субъектного взаимодействия к исследованию субъект-субъектных отношений нельзя. На наш взгляд, тенденцию к такому сведению можно обнаружить в исследовании внутреннего диалога, проведенном В. В. Столиным [117]. Интересные и оригинальные экспериментальные приемы позволили автору показать определенную двойственность отношений человека к самому себе. Этот факт, бесспорно, представляет интерес для теории внутреннего диалога. В то же время в исследовании В. В. Столина внутренний диалог как особый процесс не выявлен. Словом, психологический анализ раз-

личных форм взаимодействия человека с другим человеком и с самим собой — особая психологическая задача, несводимая к анализу субъект-субъектных отношений.

В настоящее время наиболее разработанной теорией диалога является та, которая создана М. М. Бахтиным [15; 16]. Эту теорию трудно отнести к какой-либо одной науке. В ней есть лингвистические, философские, но есть и собственно психологические аспекты. Среди достоинств теории диалога М. М. Бахтина хотелось бы выделить стремление автора в едином подходе охватить и общение человека с другим человеком, и его общение с самим собой. Именно внимание к внутреннему диалогу отличает теорию М. М. Бахтина от других теорий диалога. Нашей задачей является выделение ее ключевых, принципиальных положений, имеющих непосредственное отношение к психологическим исследованиям диалога вообще и внутреннего диалога в особенности. Такая задача в значительной степени упростилась после появления небольшой, но содержательной статьи Т. В. Ахутиной, в которой теории речевого общения М. М. Бахтина уделено основное внимание [12].

Психологи отчасти сами, отчасти под влиянием работ философов, семиотиков и других специалистов [41; 18] все в большей степени осознают значение теории диалога М. М. Бахтина. В этом отношении глубоко символичным является уже само название статьи Т. В. Ахутиной: «Теория речевого общения в трудах М. М. Бахтина и Л. С. Выготского». Основной вывод статьи звучит так: данные теории во многом совпадают, а во многом дополняют друг друга. На наш взгляд, Т. В. Ахутиной удалось доказать, что теория Л. С. Выготского не противоречит теории М. М. Бахтина. При этом какие-то сомнения у автора если и были, то касались они, скорее, теории Л. С. Выготского, чем теории М. М. Бахтина.

В статье Т. В. Ахутиной основное внимание уделено теории речевого общения М. М. Бахтина. При ее анализе главный акцент сделан на том, как понимал М. М. Бахтин высказывание. Для М. М. Бахтина высказывание — это минимальная единица речевого взаимодействия. В его книге «Эстетика словесного творчества» [16] определение высказывания как единицы речевого общения встречается многократно. Далее автор на материале основных работ М. М. Бахтина показывает, что для него основными характеристиками высказывания были: «внутренняя социальность, диалогизм, ограниченность сменой «речевых субъ-

ектов», специфическая завершенность...» [12, 6]. Как отмечает Т. В. Ахутина, высказывание имеет и непосредственное отношение к другим высказываниям, и непосредственный контакт с внесловесной действительностью. В этом внесловесном контексте высказывания согласно М. М. Бахтину можно различить общий пространственный кругозор говорящих, общее для них знание и понимание положения и, наконец, общую оценку этого положения. Выделение характеристик высказывания Т. В. Ахутина завершает показом их взаимосвязей и взаимообусловленности.

Рассмотрев участие в речевом общении говорящего, Т. В. Ахутина обращается к анализу активности слушающего, к взглядам М. М. Бахтина на процесс понимания, справедливо подчеркивая активно-диалогический характер данного процесса.

В статье особо отмечается, что для М. М. Бахтина диалогична не только внешняя, но и внутренняя речь. По его мнению, единицы внутренней речи более всего напоминают реплики диалога, поэтому «выяснение форм целых высказываний и особенно форм диалогической речи может пролить свет и на формы внутренней речи и на своеобразную логику их следования в потоке внутренней жизни» [27, 49—50]¹.

Концепция диалога разрабатывалась М. М. Бахтиным в течение нескольких десятилетий. Естественно, она претерпела определенную эволюцию. И дело даже не в том, что какие-то ее положения автором отбрасывались, заменялись новыми. В большей степени на характере концепции диалога М. М. Бахтина сказались особенности его мышления. Как он сам отмечал, для него свойственно многократно возвращаться к одним и тем же темам, к одним и тем же идеям, соотносить их с другими идеями, переосмысливать. И это без явного доминирующего желания все увязать в единую систему, цельную, завершенную. Возможно, этими особенностями концепции М. М. Бахтина объясняется то, что Т. В. Ахутина, в целом верно изложив взгляды этого автора на природу речевого общения, все же осветила их неполно, оставив вне анализа некоторые существенные положения теории диалога М. М. Бахтина.

¹ Работы «Фрейдизм», «Марксизм и философия языка» подписаны В. Н. Волошиновым. Но есть ряд свидетельств известных советских ученых, учеников М. М. Бахтина и исследователей его творчества, в которых отмечено, что основной текст этих (и некоторых других) работ принадлежит Бахтину. Эта точка зрения является общепризнанной (см., например, примечания Аверинцева к книге М. М. Бахтина «Эстетика словесного творчества»).

По мнению Т. В. Ахутиной, М. М. Бахтина не устраивала концепция, согласно которой говорящий активен, а слушающий пассивен. Все так. Но пассивность слушающего лишь частично преодолевается указанием на активность процесса понимания слушаемой речи. Главное же в том, что восприятие речи имеет активно-ответный характер. При этом, как отмечает М. М. Бахтин, ответ понимается им крайне широко. Здесь и непосредственный речевой ответ, речевая реакция во внешней речи, и ответ во внутренней речи, и неречевой ответ слушающего (например, выполнение просьбы), и отсроченный ответ.

В речевом общении говорящего всегда ждет тот или иной ответ. Этим в первую очередь и определяется главная особенность речевого общения как взаимодействия, т. е. как двусторонне активного процесса. Этим обусловлена и центральная, основная характеристика высказывания — оно всегда обладает смысловой целостностью и завершенностью, в нем всегда выражена позиция говорящего. Лишь поэтому слушающий может занимать и занимает собственную ответную позицию, что и проявляется в его словах и поступках. Особое внимание М. М. Бахтин уделяет речевым ответам на воспринимаемое высказывание, так как его прежде всего интересует речевое взаимодействие. И именно для анализа этого взаимодействия он ввел в свою концепцию понятие «чужая речь», последовательно отличая ее от собственной, авторской речи говорящего [27; 16]. С помощью терминов «чужая речь» и «собственная речь» М. М. Бахтину удалось проанализировать многие существенные аспекты речевого общения. Т. В. Ахутина, как и другие исследователи, не замечает или не придает значения понятию «чужая речь» в концепции диалога М. М. Бахтина.

Когда М. М. Бахтин говорит о высказывании как звене в цепи других высказываний, то этим он подчеркивает, что собственная речь говорящего окружена, ограничена чужой речью, т. е. речью его собеседников. Граница высказывания — это смена одного высказывания другим, чужим, что наиболее ярко проявляется в реальном диалоге, т. е. в диалоге с реальным собеседником. Поэтому для него нет или почти нет различий между высказыванием и репликой реального диалога. С помощью понятия «чужая речь» он сумел существенно углубить представление о речевом взаимодействии. Это было достигнуто за счет анализа различных форм отражения человеком чужой речи в собственной. Для М. М. Бахтина способность участвовать в диало-

ге предполагает способность воспроизводить чужую речь в собственной [27, 115]. Так, например, различные формы передачи, воспроизведения чужой речи определяют характер взаимодействия чужой и собственной речи, степень их соприкосновения и влияния друг на друга. Одно дело прямая речь как форма передачи чужой речи в собственной, где сохраняются и четкие границы чужой речи, и характерные для нее тона, акценты. А другое дело косвенная речь или несобственная прямая речь, при которых взаимодействие чужой и собственной речи из-за их взаимопроникновения особенно усиливается. Именно такими или сходными путями возникает внутренняя диалогизация речи говорящего, диалогизация высказывания говорящего, а в некоторых случаях — даже отдельных слов.

Представление о характере взаимодействия чужой и собственной речи послужило основой разработанной М. М. Бахтиным концепции одноголосого и двухголосого слова [15]. Одноголосое слово — это слово, имеющее единственный смысловой контекст, не знающее иного равноценного слова. Двухголосое слово характеризуется установкой на чужое равноценное слово, которое оно так или иначе учитывает, на которое реагирует. При этом возможны различные соотношения между чужим и собственным словом в речи говорящего. Характер подобного соотношения определяет разновидности двухголосого слова. В частности, чужое слово может включаться в речь говорящего, а может воздействовать на нее извне. В последнем случае имеет место особая разновидность двухголосого слова, его активный тип (отраженное чужое слово), которому М. М. Бахтин уделял особое внимание. По мнению данного автора, монолог, монологичность предполагает одноголосое слово, а диалог, диалогизированность — двухголосое.

На наш взгляд, рассуждения М. М. Бахтина об одноголосом и двухголосом слове не позволяют представить его теории речевого общения только как теорию диалога. Он признает существование монологического слова и соответственно монолога. А поэтому ошибочно утверждение ряда ученых, согласно которому, по М. М. Бахтину, любое слово диалогизировано. Верно одно. Этот ученый уделял диалогу несравненно больше внимания, чем монологу, не занимаясь систематическим анализом последнего.

Для правильного понимания взглядов М. М. Бахтина на природу двухголосого слова и диалога следует учесть следующее: между одноголосым и двухголосым словом нет непроходимой пропасти, а, напротив, есть ряд взаимопо-

реходов. Раскрывая внутреннюю диалогизацию слова как определенную тенденцию, М. М. Бахтин пишет: «В своем пределе эта тенденция приводит к распадению двухголосого слова на два слова, на два вполне обособленных самостоятельных голоса» [15, 230]. Так же он говорит и о противоположной тенденции, которая «в пределе приводит к полному слиянию голосов и, следовательно, к одноголосому слову первого типа» [15, 230], т. е. к «прямому непосредственно направленному на свой предмет слову как выражению последней смысловой инстанции говорящего» [15, 231]. М. М. Бахтин прямо утверждает: «Возможны разные степени монологичности» [16, 296]. Фактически те же явления имеются в виду, когда он пишет о процессе освоения чужих слов: «...индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере может быть охарактеризован как процесс освоения — более или менее творческого — чужих слов (а не слов языка). Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полны чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности. Эти чужие слова приносят с собой и свою экспрессию, свой оценивающий тон, который осваивается, перерабатывается, переакцентируется нами» [16, 269]. Об этих же явлениях речь идет и тогда, когда М. М. Бахтин говорит о дистанции, которую сохраняет автор, воспроизводя чужие слова в собственной авторской речи. Слияние авторского и чужого слова — это и утрата дистанции между ними, например превращение стилизации в стиль [15, 230].

Изучение характера взаимодействия чужой и собственной речи позволило М. М. Бахтину значительно углубить теорию диалога за счет использования понятия «внутренний диалог». С одной стороны, он, как отмечалось, говорит о диалогизованности внутренней речи человека, о том, что ее единицы более всего напоминают реплики диалога, что именно диалогические отношения между ними объясняют динамику внутренней речи. С другой стороны, М. М. Бахтин убедительно показал, что иногда формы речевого общения собеседников включают в качестве своих компонентов и внутренние диалоги общающихся. Пример тому — анализ диалога Ивана и Алеши Карамазовых в работе «Проблемы поэтики Достоевского» [15].

Важные аспекты теории диалога М. М. Бахтина свя-

заны с его пониманием голоса, поскольку личность для него — это прежде всего «говорящее бытие». Давая определение голосу человека, Бахтин пишет: «Определения голоса. Сюда входит и высота, и диапазон, и тембр, и эстетическая категория (лирический, драматический и т. п.). Сюда входит и мировоззрение, и судьба человека. Человек как целостный голос вступает в диалог» [16, 318]. Отмечая, что для высказывания характерно не значение, а смысл, М. М. Бахтин поясняет: «...то есть целостный смысл, имеющий отношение к ценности, к истине, красоте и т. п. ...» [16, 305]. Его особое внимание привлекают высказывания по «последним» вопросам, т. е. мировоззренческие высказывания и диалоги. М. М. Бахтин дает меткую характеристику героям-идеологам в романах Достоевского, которые говорят не только о себе и о своем окружении, но и о мире [15, 89]. Исследователь утверждает, что для героев Достоевского важна не единая мысль или система мыслей, а целостная точка зрения, смысловая позиция. У них предметные значения неразрывно слиты с позицией личности [15, 107]. Их мировоззрение раскрыто не как абстрактное единство и последовательность системы мыслей, а как последняя позиция в мире в отношении высших ценностей. «Мировоззрения, воплощенные в голосах», — вот что его интересует [16, 321].

Вместе с тем М. М. Бахтин хотя и отмечает, что идеологические оценки, акценты в той или иной степени всегда присутствуют в речи человека, но не считает каждого человека идеологом. Он отмечает ограниченность кругозора героев ранних произведений Достоевского, в силу чего их слово о себе и о своем окружении еще не есть слово о мире. Это существенно, потому что только у человека-идеолога возможен мировоззренческий диалог, а этот диалог обладает своими особенностями. Он как бы внесюжетен. Главное в нем — это противостояние человека человеку, одной смысловой позиции другой. Сюжет, обстоятельства, конкретные повороты диалога во многом не имеют значения, поскольку идея захватывает человека целиком и проявляется в каждом его слове [15, 107, 110, 111, 296]. Опровержения, отрицания отдельных положений несущественны, так как позиция цельна и к ним несводима. «Ядро такого диалога всегда внесюжетно, как бы ни был он сюжетно напряжен» [15, 244]. Диалогами-противостояниями могут быть, по мнению М. М. Бахтина, не только внешние, но и внутренние диалоги [15, 296]. Интересно, что именно такие диалоги-противостояния, в которых в каждом слове

выражается весь человек, исследователь считает наиболее напряженными. В них слово наиболее диалогизировано.

Для психолога не все положения теории диалога М. М. Бахтина бесспорны, некоторые из них нуждаются в уточнениях и доказательствах. Словом, психолог не может обойтись без критического анализа теории диалога М. М. Бахтина. К такому анализу мы и переходим, оставившаяся в первую очередь на тех моментах, которые важны в связи с проблемой внутреннего диалога.

Начнем с того, что М. М. Бахтин, как отмечалось, правильно определял высказывание как единицу речевого общения, единицу речевого взаимодействия. Вместе с тем, анализируя диалог, этот автор иногда отмечал, что диалогический минимум — это два голоса, два высказывания [27, 96—97; 15, 294; 16, 372]. Положение осложняется следующим обстоятельством. Говоря о речевом общении, М. М. Бахтин, как правило, имеет в виду диалог. Вопрос о том, является ли единицей диалога одно высказывание или два, может показаться несущественным, поскольку для М. М. Бахтина высказывание всегда отграничено другими высказываниями. Оно — звено в цепи высказываний. Это так. Но ведь есть монолог и монологическое высказывание. Кроме того, не всегда и не между любыми высказываниями имеются диалогические отношения. Например, нет диалогических отношений в так называемой групповой речи как последовательности содержательно не взаимосвязанных высказываний, произносимых несколькими индивидами, которую анализирует Ц. Йотов [46]. На наш взгляд, высказывание можно рассматривать как универсальную единицу речевого общения, т. е. и диалога, и монолога. Специфической же единицей диалога является цикл как особое единство минимум двух высказываний [46; 70; 59]. При этом различные понимания специфической единицы диалога приводят к различным представлениям о диалоге [59].

Можно отметить определенную непоследовательность и даже противоречивость взглядов М. М. Бахтина на монолог и диалог. Если судить, скажем, по разделу «Слово у Достоевского» в работе «Проблемы поэтики Достоевского», то легко заметить: наряду со своим собственным пониманием диалога и монолога М. М. Бахтин использует данные термины и в традиционном лингвистическом понимании. Последнее имеет место, например, в параграфах «Монологическое слово героя и слово рассказа в повестях Достоевского» и «Диалог у Достоевского». Здесь монолог — речь одного говорящего, диалог — разговор двух или нескольких со-

беседников. Но при этом в монологе исследователь обнаруживает внутренний диалог, которого в соответствии с лингвистическим определением быть не должно. Кроме того, для М. М. Бахтина часто «монологический» означает «цельный», «нерасколотый голос» [15, 291]. Причем он отмечает, что такой голос возможен лишь в диалоге [15, 291]. То есть получается, что может быть диалог, в котором спорят монологические голоса! М. М. Бахтин вкладывает особый смысл в термин «монологический голос», когда говорит о нем как о голосе цельном, уверенном, с твердым акцентом. Преодолеть отмеченные противоречия можно, лишь проделав отсутствующий у М. М. Бахтина специальный сопоставительный анализ различных видов монологов и диалогов, сохранив главное в их определениях: существование выраженных в речи одной или нескольких смысловых позиций, наличие или отсутствие взаимодействия между ними.

Проблема соотношения монолога и диалога обостряется, если рассматривать ее на материале речи одного говорящего. Как отмечалось, у М. М. Бахтина не вызывает сомнений существование внутреннего диалога во внутренней речи, но о внутреннем монологе он почти ничего не говорит. Мы имеем в виду не традиционное лингвистическое понимание монолога как речи одного говорящего, а иное, в котором акцент сделан на выраженность, представленность в речи говорящего лишь одной смысловой позиции. Существование так понятого внутреннего монолога довольно очевидно и хорошо согласуется с представлениями о наличии процессов диалогизации-монологизации речи одного говорящего, например, при индивидуальном решении мыслительных задач. Вместе с тем вопрос о границах между внутренним диалогом и внутренним монологом осложняется существованием явлений, которые Бахтин определил как скрытый диалог, скрытая полемика, внутренняя диалогизация речи говорящего и т. п. В подобных случаях в речи говорящего в ясной форме выражена лишь одна смысловая позиция. И хотя при этом часто совершенно очевидно, что существует и иная смысловая позиция, все же непонятно, стоит ли определять такую речь говорящего как внутренний диалог (скрытый) или как монолог (диалогизированный). Сам М. М. Бахтин прямой ответ на этот вопрос не дает. В любом случае ясно одно. Нужен более глубокий, именно психологический, анализ различных форм общения человека с самим собой.

С проблемой внутреннего диалога во внутренней речи

связан и вопрос о вербальных и невербальных формах диалога. Бахтин зачастую трактовал диалог расширительно, как форму общения, которая может быть реализована не только словом. Большое значение он придавал эмоционально-оценочным компонентам высказывания. Им показано, что в определенных случаях в высказывании может доминировать интонация, а лексический материал может служить лишь средством ее выражения. Так часто обстоит дело при использовании человеком любимых словечек, слов-паразитов и т. п. М. М. Бахтин даже специально рассматривает целый диалог, все реплики которого как бы чистые интонации [15]. В других случаях, анализируя возможности человека выразить себя, М. М. Бахтин специально отмечает, что это выражение может осуществляться всем телом. Во всех позах, жестах, движениях человека можно уловить диалогичность, так же как и в речи говорящего, отвечающей на чужие высказывания или предвосхищающей их. Иными словами, М. М. Бахтин утверждает: диалог, высказывания могут быть реализованы на любом знаковом материале [16]. Важно, однако, уточнить, что сам он в подавляющем большинстве случаев анализирует именно речевое общение. Описывая разнообразие знаков, используемых человеком в процессе общения, М. М. Бахтин подчеркивал особое значение естественного языка. Слова естественного языка, по его выражению, океан, в который погружены все другие знаки. Этим и объясняется возможность широкого использования в общении наряду с естественными языками и других языков, более или менее формализованных. Но одно дело использовать вторичные языки в общении наряду с естественным языком, погружая их в него и частично замещая ими этот естественный язык, а другое — общаться, пользуясь ими как основным средством общения. Как отмечал Дж. Брунер, цитируя философа Этьена Джилсона, «рисовать словами столь же невозможно, как говорить рисунками» [44, 35].

Проблему речевых и неречевых средств диалога можно поставить еще острее. Если принять представление Н. И. Жинкина о предметно-образных кодах внутренней речи [39], то возникает вопрос: может ли в таких кодах быть осуществлен внутренний диалог? Чтобы ответить на него, необходимо предварительно уточнить, что такое речь. Вопрос о том, возможен ли внутренний диалог, осуществляемый не средствами естественного языка, а какими-то иными, можно еще конкретизировать, если спросить, о каком уровне сложности диалога идет речь? Ребенок 1—

1,5 лет может общаться со взрослым и без слов естественного языка. Но во-первых, в этом общении один из участников владеет естественным языком. Во-вторых, это общение крайне ограничено по своим возможностям, по доступным ему темам, по своей независимости от наличной ситуации, чувственно воспринимаемой общающимися. По аналогии с этим можно спросить, возможен ли и какого уровня сложности внутренний диалог, осуществляемый не с помощью естественного языка, а иными средствами?

Вообще проблема соотношения внутреннего диалога и внутренней речи является, на наш взгляд, принципиальной и почти не изученной психологами. Ее анализ необходим и для углубления представлений о внутреннем диалоге, и для разработки более адекватной теории внутренней речи. В частности, через проблему «внутренняя речь» проблема «внутренний диалог» связывается со всеми психологическими темами, для успешной разработки которых необходимы наши знания о внутренней речи: восприятие устной или письменной речи, говорение или письмо, мышление, личность и другие.

В связи с различием внутренней речи и внешней появляются новые интересные проблемы и вопросы. Среди них и исключительно важный для понимания особенностей речевого общения вопрос о соотношении внутреннего и внешнего диалогов в процессе речевого общения собеседников. Один из возможных ответов на него дал М. М. Бахтин. Он показал, что возможно такое общение, такой (внешний) диалог, для которого внутренний диалог оказывается своего рода внесюжетным ядром, микродиалогом, противостоянием человека человеку [15]. В данном случае в слова «внутренний диалог» М. М. Бахтиным вложен особый смысл: он задан смысловыми позициями не одного говорящего, а двух собеседников. Не оспаривая правомерность определения подобного диалога как внутреннего, отметим, что возможен и такой случай, когда внутренний диалог как диалог-противостояние смысловых позиций одного говорящего включен в его внешний диалог с другим человеком. Здесь существенно, насколько внешний диалог связан с внутренним, так как от этого зависит глубина речевого общения, его напряженность, степень взаимовлияния личностей в диалоге.

М. М. Бахтин показал возможность существования такого общения, такого внешнего диалога, для которого внутренний диалог оказывается своего рода внесюжетным ядром, микродиалогом, противостоянием человека человеку.

Вместе с тем проблема соотношения внешнего и внутреннего диалогов и шире, и сложнее. Если обращаться к материалам экспериментального исследования процесса совместного решения мыслительных задач, то обнаружится, что в ходе этого процесса у его участников могут быть развивающиеся внутренние диалоги, т. е. не диалоги-противостояния, а диалоги-процессы. В данном случае особенно важно, каково соотношение тем внешнего и внутренних диалогов, есть ли взаимопереходы между ними. Вопрос о характере соотношения внешнего и внутренних диалогов партнеров, о влиянии внешнего диалога на внутренние (помогает он им или мешает) является принципиальным для понимания эффективности совместного решения, оптимальности этого процесса.

Анализируя внутренние диалоги героев Достоевского, развивающиеся в их внутренней речи, М. М. Бахтин показал, как тесно они связаны с самым существенным, самым глубинным в человеке, в личности. Тем самым получила свою определенность проблема «внутренний диалог и личность». После работ этого автора вряд ли стоит объяснять, сколь значима данная проблема не только для психологии, но и для педагогики, психотерапии, литературоведения и других областей науки. Однако ясно — эта проблема во многом только намечена. Так, например, анализируя внутренние диалоги, в которых сталкиваются различные мировоззренческие установки героев, М. М. Бахтин почти ничего не говорит об иных, не менее распространенных внутренних диалогах, которые можно назвать локальными, частными. Речь в них идет о каких-то конкретных предметах и явлениях, например, в процессе их познания. Понятно, что речевое общение между собеседниками может быть достаточно напряженным и сложным, как, например, при совместном решении мыслительной задачи, хотя оно может и не задевать основы личности, ее мировоззрения, ее «последние» вопросы. Понятно, что могут быть и аналогичные по содержанию и значению внутренние диалоги. Не каждый внутренний диалог имеет свою мировоззренческую направленность. Более того, в научных дискуссиях, спорах именно отрешение от личностных особенностей является своего рода нормой или по крайней мере образцом. Личность в таких диалогах не исчезает, но проявляется иначе, чем в тех диалогах, которые анализировал М. М. Бахтин. Следовательно, для психолога важно выяснить не только, каков внутренний диалог личности, но и чем он является для личности, насколько в нем проявляет-

ся личность, какое влияние на личность он может оказать. Психологический анализ не может обойти эти вопросы.

Именно через исследование внутреннего диалога во внутренней речи связываются в единое целое столь важные психологические проблемы, как проблема личности и проблема общения. Конечно, особенности личности сказываются на ее общении, а общение может оказать существенное влияние на личность. Но обращение к анализу внутреннего диалога позволяет найти подлинную точку пересечения этих проблем.

В работах М. М. Бахтина найдено отражение и такая проблема, как «диалог и познание». В частности, рассматривая человека, личность как говорящее бытие, М. М. Бахтин не раз подчеркивал значение диалога как метода познания личности, так как, по его мнению, наиболее полно личность раскрывается именно в диалоге. По этой причине М. М. Бахтин различал познание личности и познание вещей, делая акцент в первом случае на незавершенности личности, противопоставляя глубину ее постижения точности познания вещи. Познание человека должно включать диалог с ним как обязательный свой момент, должно быть диалогичным. Познание вещей М. М. Бахтин склонен был рассматривать как монологический процесс, так как в нем человек имеет дело с немим бытием. Впрочем, он смягчал оппозицию «познание личности» — «познание вещи», отмечая, что и познание вещей включает диалог [16]. У Бахтина также есть неоднократные замечания о том, что диалектика как метод мышления является продуктом диалога [16]. Уже из особенностей монологического слова как слова окончательного, последнего, следует, что оно может быть лишь продуктом, результатом познания. Сам же этот процесс предполагает диалог. Если мышление связано с речью, и особенно с внутренней речью человека, то оно связано и с внутренним диалогом. Появляется вопрос о функциях внутреннего диалога в продуктивном мышлении индивида.

Таким образом, проблема внутреннего диалога оказывается увязанной в единое целое с другими фундаментальными проблемами психологии: проблемой личности, проблемой общения и проблемой мышления. Исследования внутреннего диалога позволяют наметить новые подходы к синтезу столь важных для психологии понятий, как «общение», «личность», «мышление», рассмотреть их в единстве и взаимосвязи.

Как следует из изложенного, М. М. Бахтиным затрону-

ты многие принципиальные именно для психологии вопросы и проблемы. Если же обратиться к такой его работе, как «Фрейдизм» [26], то можно показать, сколь оригинальными и продуктивными могут быть идеи этого автора и при обращении к такой удивительно сложной проблеме, какой является проблема бессознательного. Проведенный им критический анализ теории Фрейда ведет именно к словесным реакциям человека, выявляет их особую роль в человеческом поведении в целом [26, 36]. Естественно, и критику Фрейда, и собственные позитивные соображения по поводу природы бессознательного М. М. Бахтин строит, основываясь на своих представлениях о высказывании и речевом общении. Исходя из общего положения о том, что человеческая мысль «никогда не отражает только бытие объекта, который она стремится познать, но вместе с ним отражает и бытие познающего субъекта, его конкретное общественное бытие» [26, 40], М. М. Бахтин конкретизирует это общее положение применительно к словесным формам выражения результатов познания человека. Он утверждает, что ни одно словесное высказывание не может быть отнесено полностью на счет только высказывающего. Высказывание — продукт взаимодействия говорящих и шире — «продукт все той же социальной ситуации, в которой оно возникло» [26, 118]. Это, по мнению М. М. Бахтина, должно быть ключом к пониманию того, что и как осознано и отражено в речи человека, и соответственно к пониманию неосознанного им. По мнению автора, чтобы понять высказывание, следует восстановить те социальные отношения, идеологическим преломлением которых оно является: «Всякая мотивировка своего поступка, всякое осознание себя... есть подведение себя под какую-нибудь социальную норму, социальную оценку, есть, так сказать, обобществление себя и своего поступка» [26, 128]. Важно, что согласно М. М. Бахтину внутренняя речь, т. е. и самое сокровенное, тайное слово, такой же продукт социального общения, как и речь внешняя [26, 117].

У М. М. Бахтина есть и более конкретные идеи о том, каковы могут быть механизмы формирования бессознательного и его существования в психике человека. Мы имеем в виду его мысли о взаимодействии чужой и собственной речи говорящего, крайне фрагментарные, но содержательные наброски процесса превращения в ходе внутренних диалогов скрытых, неосознанных смысловых позиций в развернутые, осознанные.

Очевидно, что если исследования внутреннего диалога

имеют прямое отношение к психологическим исследованиям бессознательного, то это в еще большей степени связывает в единое целое намеченный круг вопросов, в контексте которых следует проводить психологические исследования внутреннего диалога. В единое целое связываются внутренний диалог и внутренняя речь, общение и личность, мышление, бессознательное. Не следует думать, что изучение любого из перечисленных явлений сводимо к исследованию внутреннего диалога и очерчивается им. Но значение изучения внутреннего диалога в разработке этих фундаментальных тем психологии отрицать трудно.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ

Обстоятельный, многоплановый анализ проблемы общения содержится в книге Б. Ф. Ломова «Методологические и теоретические проблемы психологии» [71]. В ней автором сформулированы принципиальные вопросы, которые нельзя обойти в психологических исследованиях общения, обозначены основные направления разработки этой проблемы, обобщены полученные результаты, намечено, что предстоит сделать. О разнообразии и значимости конкретных психологических разработок проблемы общения можно судить еще по двум книгам: «Проблема общения в психологии» [101] и «Психологические исследования общения» [102], вышедшим под редакцией Б. Ф. Ломова.

В исследовании общения психолога в первую очередь интересует непосредственное общение личностей, т. е. процесс личностного, персонифицированного общения: «Именно эта его форма является генетически исходной и наиболее полной; все другие не могут быть поняты без ее детального изучения» [68, 80]. Только путем серьезного анализа межличностного речевого общения можно вначале выявить своеобразие внешнего диалога по сравнению с другими формами общения человека с человеком, а затем и своеобразие внутреннего диалога как особой формы общения человека с самим собой. Ранее уже было показано, что количество говорящих не является решающим критерием в разграничении диалога и монолога. Чем же тогда различаются эти две формы речевого общения? Каково вообще разнообразие форм речевого общения в диаде? (При исследовании речевого общения диада является наиболее естественным объектом.) Какими особенностями один

эпизод речевого общения отличается от другого? Некоторые ориентиры у нас уже имеются. Известно, что диалог — прежде всего речевое взаимодействие. В отличие от монолога в нем в речевой форме выражены две различные смысловые позиции. Но достаточно ли их наличия для существования диалога? Видимо, нет. Поэтому необходимо более глубоко разобраться в многообразии форм непосредственного межличностного речевого общения.

Наиболее общая исходная характеристика общения состоит в том, что оно представляет собой процесс взаимодействия. Эта его особенность неоднократно отмечается исследователями, например Б. Ф. Ломовым. Однако задача выведения разнообразия форм речевого общения человека с человеком из особенностей их взаимодействия еще не решена.

Как известно, взаимодействие предполагает наличие минимум двух взаимодействующих сторон. При взаимодействии всегда существует взаимная упорядоченность, взаимообусловленность, взаимосогласованность, скоординированность взаимодействующих сторон, существует та или иная степень соответствия между ними. И наконец, взаимодействие сторон наблюдается лишь в том случае, если есть воздействие, влияние взаимодействующих сторон друг на друга, упорядоченные в единый процесс. Данные признаки присущи любым формам взаимодействия. А различия между ними определяются качественным своеобразием сторон, принимающих участие в этом процессе. Такими сторонами-участниками взаимодействия в непосредственном межличностном общении являются конкретные индивиды. Их взаимодействие предполагает восприятие партнерами друг друга. В акте общения осуществляется как бы презентация внутреннего мира субъекта другому субъекту, и вместе с тем этот акт предполагает наличие такого внутреннего мира у партнера. «Разговор об общении с «неодушевленными предметами» имеет только метафорический смысл» [71, 248—249]. Метафорично и выражение «диалоги между полушариями головного мозга человека».

Вместе с тем внутренний мир человека непосредственному восприятию со стороны другого недоступен. Поэтому восприятие человека, ведущее к созданию его образа, всегда является и процессом понимания иного, отличного от собственного, внутреннего мира, процессом своеобразного воссоздания чужого внутреннего мира в собственном. Взаимодействие человека с человеком в процессе общения — это и взаимодействие их внутренних миров: обмен мысля-

ми, идеями, образами, влияние на цели и потребности, воздействие на оценки другого человека, его эмоциональные состояния. Чем сложнее субъект-субъектное взаимодействие, тем глубже должно быть проникновение во внутренний мир партнера (в том числе и с его помощью) и тем более совершенным является отражение его внутреннего мира. Реализуемое во взаимодействии отношение к другому как к человеку — это прежде всего понимание того, что у него есть свой собственный внутренний мир. Однако в отдельных случаях субъект-субъектное взаимодействие может на деле не затрагивать в человеке его внутренний мир и представлять, по существу, субъект-объектное или даже объект-объектное взаимодействие (оказание помощи потерпевшему сознание человеку, физическое столкновение и т. п.). Это возможно, поскольку субъект представляет собой более высокоорганизованную систему, чем объект.

Таким образом, очевидно, что общение является процессом субъект-субъектного взаимодействия. Но всегда ли такое взаимодействие является общением? Можно ли отождествлять субъект-субъектное взаимодействие и общение? Простейший пример субъект-субъектного взаимодействия, не являющегося общением, составляет такое взаимодействие, когда хотя бы один из партнеров избегает общения, уклоняется от него. Ведь уклонение от общения представляет собой вариант продолжения взаимодействия при прекращении общения. Сходно выглядит и взаимодействие субъектов в случае вражды, войны и т. п. Например, поединки снайперов — сложнейшая форма взаимодействия человека с человеком, но не общения. Интересно, что взаимодействие с другим субъектом и в этом случае предполагает знание о его внутреннем мире. Главным средством получения такого знания становится наблюдение (разведка), эксперимент (сделать что-то и посмотреть, как на это отреагирует противник) и т. п. В рассмотренных примерах, а их число можно и увеличить, существуют все признаки субъект-субъектного взаимодействия: наличие сторон взаимодействия — субъектов, согласованности их состояний и т. п., однако общения нет. В основе подобных форм взаимодействия лежит описанная выше способность воспринимать и понимать другого человека, а также возможность изменять, перестраивать свое поведение на основе результатов познания другого человека. Для общения такие свойства необходимы, но отнюдь не достаточны.

На наш взгляд, общение — это субъект-субъектное взаимодействие, отличительной чертой которого является

использование в качестве средства общения системы знаков, организованных, упорядоченных в виде высказываний. Термин «высказывание» в данном случае употребляется как синоним выражения «обращение одного человека к другому».

Диалог — особая форма взаимодействия партнеров, осуществляемого с помощью высказываний, построенных из знаков естественного языка. Вместе с тем свести внешний диалог к взаимодействию с помощью лишь естественного языка нельзя. Жесты, взгляды, улыбки, интонации, пространственные перемещения также могут быть включены в диалог, использованы в нем. Как показал И. Н. Горелов, в различных эпизодах общения соотношение вербальных и невербальных компонентов колеблется от случая, когда какой-то фрагмент общения реализуется лишь невербальными знаками (вопросительный взгляд одного — ответ в виде утвердительного кивка головой другого), до такого фрагмента общения, где главное содержание передается посредством вербальных знаков, через ряд промежуточных вариантов [34]. В принципе, нет ничего удивительного в частичном замещении речевого общения неречевым. Ведь есть достаточно большое число широко распространенных, общеизвестных и общепризнанных невербальных знаков. А если еще они употребляются в хорошо знакомой собеседникам ситуации, то значение данных знаков приобретает высокую степень конкретности, вполне сравнимой с конкретностью вербальных знаков.

Проблема соотношения речевых и неречевых средств общения особенно актуальна для понимания онтогенеза речевого общения. Эти вопросы получили глубокую разработку в исследовании Е. И. Исениной [43]. Автор рассматривает становление у ребенка системы средств дословесной коммуникации, называемой протоязыком. Ею, в частности, детально прослежен процесс формирования жеста как знака, имеющего общепризнанную форму и вполне определенное значение. Показано зарождение на основе достаточно развитого речевого общения диалога «ребенок — взрослый», опосредствованного употреблением естественного языка. Большой удачей автора является, на наш взгляд, разработка системы записи эпизодов общения, осуществляемых неречевыми знаками, на основе чего автору удаются точные записи эпизодов общения, осуществляемых речевыми и неречевыми знаками.

Однако иногда диалог выходит за пределы хорошо известных устоявшихся знаков, ведется с помощью новых

оригинальных знаков, созданных одним партнером специально для другого в конкретном эпизоде общения. По мнению М. М. Бахтина, диалогичным в поведении человека может быть и его поза, и его действие, все, чем один человек может выразить себя другому. Но что значит «выразить себя другому»? Это и есть выразить свое понимание, свое отношение, свою смысловую позицию, причем так, чтобы другой ее воспринял и понял, т. е. с вполне определенной ориентацией на восприятие и понимание другого, с явной обращенностью к нему. Обращенность к собеседнику — важнейшая характеристика высказывания. Она создается с помощью специальных знаковых средств (обращение по имени, взгляд, оформление высказывания интонацией, громкостью голоса и т. п.). Чисто вербального высказывания фактически не бывает и быть не может. Всегда имеет место дополнение вербальных знаков невербальными, которые как бы вписывают вербальное сообщение в наличную ситуацию общения, согласовывают высказывание с ней, создают его обращенность к конкретному собеседнику в конкретной ситуации.

Обращенность высказывания создается в первую очередь осознанно. Но такое бывает не всегда. Например, обращенность к другому хорошо видна даже в той детской речи, которую Ж. Пиаже назвал эгоцентрической. Как показала серия экспериментов Л. С. Выготского, интенсивность этой речи, частота ее возникновения и т. п. во многом зависят от возможности обратиться к другому. Если такие возможности ухудшались (незнакомый собеседник, шум в помещении и т. п.), то и эгоцентрическая речь ребенка становилась значительно более редкой [28]. Бесспорно, что это происходило неосознанно. Общность социального опыта (единство выполняемой деятельности, опыт взаимодействия и т. п.) формирует у общающихся единый фонд широко употребляемых, но неосознаваемых знаков. Если задать вопрос «Когда начинается лекция?», то окажется, что ответить на него не так просто, как кажется на первый взгляд. Ясно одно: пока лекция не началась, можно делать одно, а когда началась — другое. Это касается и студентов, и преподавателя. Но когда же начинается лекция? Когда звенит звонок? Когда преподаватель входит в аудиторию? Когда подходит к кафедре, становится лицом к аудитории, обводит ее взглядом? Или когда начинает говорить? Все участвующие в подобном общении имеют сходные представления о происходящем и ориентируются на одни и те же особенности ситуации взаимодействия, в

частности на поведение преподавателя, хотя и не всегда понимают, на какие именно. Следовательно, особенности речевого и неречевого поведения человека, определяющие его направленность на другого и создающие высказывание, далеко не всегда осознаны. Вместе с тем ведущей формой взаимодействия партнеров во внешнем диалоге является, бесспорно, взаимодействие осознанное. Соответственно взаимодействие партнеров во время внешнего диалога является речевым не потому, что другие формы взаимодействия отсутствуют, а потому, что речевое взаимодействие во внешнем диалоге образует ведущую форму общения человека с человеком.

Провести анализ диалога — это прежде всего выявить, понять смысловые позиции собеседников, актуализированные в данном диалоге и определяющие их вербальное и невербальное поведение. Но сделать это не просто. Как бы полно мы ни фиксировали поведение, как бы при этом ни дробили его на различные компоненты, мы никогда не сведем смысловую позицию к содержанию этих компонентов. Она может быть лишь более или менее реконструирована, проинтерпретирована, понята по этим компонентам. Ведь поведение каждого из собеседников в диалоге определяется не только словами партнера, но и пониманием всей ситуации диалога, включая и понимание партнера (кто он, к чему стремится, можно ли ему доверять, откровенен ли он, компетентен ли в рассматриваемых вопросах, как он относится к собеседнику), и понимание себя и т. п.

На наш взгляд, при психологическом анализе конкретного диалога должны быть учтены не только те компоненты поведения партнеров, которые реализованы ими намеренно, целенаправленно, но и те, которые могут быть реконструированы, истолкованы как проявления определенных смысловых позиций партнеров. Оговоримся, проинтерпретированы в соответствии с принятыми в данной науке образцами и нормами. А в разных науках эти образцы и нормы различны. Поэтому то, что мог включать в анализ диалога М. М. Бахтин-литературовед (тон, акцент), не обязательно должно и может быть использовано психологами. Эти нормы, безусловно, не являются застывшими образованиями. Они динамичны и создаются по мере развития самой науки. В частности, расширение практики психологических консультаций, внедрение форм социально-психологического тренинга, психотерапии и т. п. уже оказывают свое влияние на формирование подобных норм и образцов интерпретации диалога. Вместе с тем акцент дол-

жен быть сделан на тех компонентах поведения, не обязательно намеренных или осознанных, которые имеют устоявшееся значение и которые можно рассматривать как более или менее признанные в данном социальном коллективе знаки. Эти компоненты поведения обычно одинаково интерпретируются его членами. Таким образом, часто бывает нелегко выделить в конкретном эпизоде взаимодействия всю совокупность знаков, образующих высказывание, определяющих и его содержание, и его обращенность к партнеру по общению. Но обращенность к другому, бесспорно, важнейшая характеристика высказывания и диалога в целом.

И все же для диалога как особой специфической формы взаимодействия человека с человеком недостаточно наличия высказывания одного из партнеров, обращенного к другому. Должна иметь место последовательность взаимосвязанных высказываний каждого из участников диалога. Если есть два собеседника, то всегда есть и минимум две смысловые позиции. Между собой они могут быть в чем-то схожи, но их полное совпадение, полное тождество невозможно. Существенно, что при внешнем диалоге смысловые позиции выражены во внешней речи. Для каждого из партнеров существует его собственная, адресованная партнеру речь и чужая речь, т. е. обращенная к нему самому, воспринимаемая, понимаемая и запоминаемая речь партнера. Воспринятая, понятая и запомненная речь всегда в той или иной мере присутствует в сознании участвующего в диалоге. Об этом свидетельствуют в первую очередь следующие особенности диалога: его свернутость, распространенность в нем эллиптических, неполных конструкций. В них проявляется то, что говорящий учитывает чужую речь, как бы пристраивая к ней свою, например: «Сколько было экзаменов? — Два». Вторая реплика фактически звучит так: «Было два экзамена». Характернейший для диалога факт существования вопросо-ответного цикла свидетельствует о том же. Ответ — это всегда ответ на определенный предшествующий ему вопрос. Пока собеседник обдумывает ответ на заданный вопрос, он все время помнит вопрос, имеет его в виду. Заданный вопрос после произнесения не исчезает, а существует в сознании отвечающего. В некоторых случаях между заданным вопросом и ответом может пройти значительное время. Для участника внешнего диалога именно обращенная к нему чужая внешняя речь, т. е. речь партнера, выражает чужую смысловую позицию, чужое понимание того, о чем идет речь. По-

сколько при этом каждый из партнеров выражает собственную смысловую позицию в собственной речи, то их взаимодействие приобретает форму обмена репликами.

Способность участвовать в диалоге зарождается в детском возрасте и предполагает умение выражать в речи свою смысловую позицию, понимать смысловую позицию партнера, сопоставлять или противопоставлять их, дополнять одну другой, отрицать смысловую позицию или обосновывать ее, ограничивать, изменять и т. д. Слово в диалоге, кроме направленности на свой предмет, всегда имеет и направленность на другое (чужое) слово, соотносится с ним, комментирует его, реагирует на него и т. п. Поэтому диалог — это всегда «работа» со смысловыми позициями. Один и тот же знак в контексте речи одного из партнеров имеет одну определенность, одно значение, а в контексте речи другого партнера — другую определенность, иное значение. Такая отнесенность разных содержаний, разных пониманий к одному и тому же знаку и является механизмом взаимодействия смысловых позиций. Важно, что и смысл высказываний говорящего зависит не только от него самого, но и от его партнера. Ведь в процессе общения создается единый текст диалога, который определяет смысл всех отдельных, входящих в него высказываний в качестве общего для них контекста. Чужая речь как комментарий к собственной речи говорящего, как особая реакция на нее (сомнение, удивление, игнорирование, непонимание и т. п.) меняет смысл и значение слов говорящего. В этом — еще одно конкретное проявление и механизм взаимодействия смысловых позиций в диалоге. Они оказываются выраженными в речи и соотнесенными в едином тексте, сообща созданном участниками диалога и обладающим особым смыслом.

Внешний диалог, диалог с реальным собеседником — это, конечно, особая форма межличностного взаимодействия. Но в разных диалогах личности проявляются по-разному, и степень взаимовлияния личностей в них тоже будет различной. Более подробное рассмотрение этих вопросов предполагает анализ внутренних диалогов собеседников, их функций в жизнедеятельности личности. Он будет дан ниже. Здесь же отметим лишь, что общаются, вступают во внешний диалог личности, обладающие определенными интенциями. Они к чему-то стремятся. Их интенции могут быть между собой в различных соотношениях, чем во многом определяется характер диалога (например, мирная беседа, острая полемика, эмоциональный конфликт и

т. п.). Но важно, что во внешнем диалоге интенция одного говорящего всегда встречается с интенцией другого, и обе они в той или иной степени выражены и в речевом поведении. При этом собеседники, вступая в диалог, могут иметь определенные цели, планы, но к концу диалога обычно ни одному из них не удается в полной мере достичь предполагаемого. Нередко происходят отклонения под влиянием встречной активности партнера. Поэтому и отмечается в характеристике внешнего диалога **активный двусторонний характер взаимодействия партнеров**. Активное двустороннее взаимодействие проявляется и в том, что каждый из собеседников нуждается в другом как партнере по общению, каждый внимателен к слову другого, чутко реагирует на все происходящее в диалоге, и поэтому слово каждого из участников диалогического общения строится в зависимости от слова другого, под влиянием этого слова и в свою очередь оказывает воздействие на собеседника. Следовательно, активность каждого выражена во внешней, адресованной другому речи, согласована, скоординирована с речью партнера по диалогу и действенна. Это и есть двустороннее взаимодействие.

Если продолжить анализ взаимодействия партнеров во время внешнего диалога, то легко прийти к выводу, что интенсивное двустороннее взаимодействие совершенно не обязательно связывать только с диалогом-спором, в котором обнаружались несовместимые смысловые позиции партнеров. Не менее напряженным может быть и диалог-согласие, при котором точки зрения партнеров близки и во многом дополняют друг друга. В процессе совместного решения иногда достигается состояние удивительной синхронности мыслительных процессов партнеров, их глубинное взаимопонимание и, на фоне этого, совместное движение к решению задачи. Важно, что собеседники не повторяют друг друга; но то, что говорит один, становится важным, существенным и для другого, принимается им и по-своему развивается.

Вообще культура диалога-согласия, диалога-унисона в значительно меньшей степени разработана, чем культура диалога-спора. А ведь именно в области воспитания и шире — сугубо личного, даже интимного, общения такие формы диалога особо значимы, так как особо значимы чуткость к другому, настроенность на восприятие малейших нюансов его душевных движений и реагирование на них столь же тонко дифференцированными речевыми и неречевыми ответами.

Особенности диалога как речевой формы двусторонне активного взаимодействия человека с человеком лучше осознаются и понимаются, если сравнить его с другими формами речевого общения.

Внешний диалог — относительно сложная форма речевого взаимодействия партнеров, осуществляемого последовательностью содержательно взаимосвязанных высказываний. В то же время возможно и такое речевое взаимодействие человека с человеком, которое осуществляется отдельным высказыванием. Существенно, что взаимодействие, осуществляемое отдельным простейшим высказыванием, — первичная форма взаимодействия. Именно из такого взаимодействия развиваются в дальнейшем, с одной стороны, внешние диалоги — за счет возникновения последовательности взаимосвязанных высказываний, с другой стороны, — внешние монологи как формы взаимодействия одним, но сложно организованным высказыванием. Действительно, в некоторых словарях монолог определяют как речь одного говорящего. Но если один человек, заметив опасность, предупреждает другого, крикнув: «Осторожно!», то вряд ли кто-либо назовет его речь монологом. Нередко монолог определяют как такое общение, при котором один из собеседников долго говорит и при этом не дает говорить другому [141]. «Долго говорит» — это и есть указание на сложность высказывания, на то, что оно состоит по крайней мере из нескольких предложений. Соответственно и с диалогом. Например, Ж. Пиаже за минимальный по сложности диалог принимал эпизод общения, образованный тремя взаимосвязанными высказываниями [93]. Наряду с диалогом (последовательностью содержательно взаимосвязанных высказываний) и монологом (одним, но сложно организованным высказыванием) в качестве самостоятельной формы общения целесообразно выделить взаимодействие, осуществляемое отдельным относительно простым высказыванием или последовательностью таких не взаимосвязанных высказываний. Подобное общение можно назвать **простым реплицированием**. Эти два случая теоретически равнозначны. Действительно, если нет взаимосвязей, то нет и оснований объединять высказывания в единое целое. Последовательность не взаимосвязанных высказываний тождественна нескольким эпизодам общения, осуществленным отдельными высказываниями.

На примере общения в виде простого реплицирования, т. е. взаимодействия, осуществляемого отдельными высказываниями, хорошо видно, что наряду с обращенностью к

другому для высказывания характерно и еще одно важное качество. Это его особая законченность, завершенность, которая определяется тем, что субъект выразил все, что хотел, счел нужным, сумел или просто не мог не выразить. Завершенность высказывания не обязательно сопровождается сменой речевого субъекта, как считал М. М. Бахтин [16]. Речь детей, описанная впервые Ж. Пиаже под названием «эгоцентрическая речь» [93], часто включает последовательность отдельных высказываний одного ребенка, не связанных между собой и не разделенных чужой речью. Например, «Ой, что у меня получилось!» говорит малыш в присутствии других детей, глядя на свой рисунок. А через некоторое время, посмотрев в окно, произносит «Дождь пошел» вне всякой связи с предыдущим.

Однако, чтобы было речевое взаимодействие, пусть даже в самой простейшей форме, внешняя, адресованная другому речевая активность говорящего должна быть дополнена внутренней активностью слушающего. Только при определенной согласованности внешней и внутренней активности говорящего и слушающего может осуществляться даже простейший акт общения-взаимодействия, опосредствованного речью. Если же есть только высказывание, а предполагаемой внутренней активности другого человека нет, то мы имеем простейшую форму **псевдообщения**. При нем взаимодействие предельно ослаблено, так как содержание высказывания не воспринимается, не понимается и не оказывает своего воздействия на слушающего. Однако не всегда, когда нет ожидаемого от высказывания (например, просьбы) воздействия на слушающего, мы имеем случай псевдообщения. Просьба может быть принята и понята, а ее невыполнение и будет активным ответом говорящего, проявлением его намерений, его понимания. В этом случае есть взаимодействие, есть общение, а не псевдообщение.

Сопоставление речевого общения в виде типичного или идеального диалога с типичным простым реплицированием позволяет сделать вывод, что между ними существует множество промежуточных форм общения. Диалог может переходить в простое реплицирование. В подобном случае мы наблюдаем ослабление и исчезновение взаимосвязей между высказываниями партнеров, их согласованности по содержанию, форме, тону и т. п. Они перестают быть ответами и предвосхищениями (М. М. Бахтин), образуя лишь чисто внешнее чередование. Появляются несвязанные

между собой относительно самостоятельные высказывания.

Если же при этом ослабевает внимание к слову собеседника, если внешняя активность одного не будет вызывать соответствующую активность другого (хотя бы внутреннюю), появится псевдообщение, при котором, когда один говорит, второй не слушает, не понимает и просто ждет момента, чтобы начать говорить самому. Таким образом, речевое взаимодействие, напоминающее по форме внешний диалог, может быть настоящим псевдообщением, если своим содержанием высказывания не вызывают у партнеров предполагаемых процессов восприятия, интерпретации, понимания, если предельно ослабляются содержательные взаимосвязи между высказываниями партнеров.

Теперь можно сравнить внешний диалог с **внешним монологом**. Внешний монолог, как и внешний диалог, — форма взаимодействия человека с человеком. Ее характерные черты — выраженность во внешней речи лишь одной смысловой позиции — говорящего — и отсутствие обращенной к нему внешней речи второго участника общения. Говорящий в ситуации монологического общения знает, к кому он обращается, учитывает его интересы, направленность внимания и т. п., но реального чужого голоса не слышит. Этот принципиальный момент определяет специфику внешнего монолога, а именно то, что внешний монолог — форма асимметричного взаимодействия. Речь идет не о том, что при внешнем монологе активен только говорящий, а слушающий пассивен. При этой форме общения воздействие, оказываемое говорящим на слушающего, значительно сильнее, чем воздействие слушающего на говорящего. Разберемся с этим более подробно.

Приведенное выше определение внешнего монолога как такого общения, при котором один человек долго говорит и при этом не дает говорить другим, не позволяет отличить внешний монолог от псевдообщения. Действительно, если один долго говорит и не дает говорить другим, т. е. он захватил звуковое пространство, то это еще не означает, что его слушают, а тем более слышат. Пример тому — плохая лекция. Лектор что-то говорит, обращаясь к аудитории, а аудитория занята своими делами. Присутствующие скучают, дремлют, читают, смотрят в окно и т. п. Такое общение не является внешним монологом, а представляет собой псевдообщение как случай предельно ослабленного взаимодействия говорящего со слушающим (слушающими). Говорящий не понимает слушающего и его состояния,

не знает, как сделать так, чтобы его слово слушали и слышали, чтобы оно оказывало задуманное воздействие.

Если проследить нарастающие характерные для внешнего монолога взаимодействия человека с человеком, взяв за точку отсчета псевдообщение, то увидим следующее. Постепенно говорящий все лучше и лучше понимает слушающего, все лучше подбирает слова, учитывая малейшие нюансы поведения слушающего и его душевных состояний. Речь говорящего оказывается все более действенной. Сначала ее просто слушают, но с ней могут не соглашаться, ее могут отрицать, относиться с недоверием, с иронией и т. п. Естественно, эти отношения будут выражены не во внешней речи, а во внутренней, в том внутреннем комментарии и тех внутренних репликах, которыми будет сопровождаться восприятие внешней речи. Если воздействие говорящего еще больше усилится, то его слово станет более действенным. Оно окажется прямым проводником интенций, намерений, мнений говорящего. Типичный пример — превращение монологической речи говорящего в суггестивное воздействие. Причем одностороннее воздействие говорящего на собеседника может быть достигнуто не только повелительными, императивными формами высказывания. Формы могут быть разными. Например, просьба, которую нельзя не выполнить, или лесть, настолько убедительная, что ей нельзя не поддаться, и т. п. В своей тенденции внешний монолог как форма асимметричного субъект-субъектного взаимодействия стремится перейти в форму субъект-объектного взаимодействия. Действительно, чем более эффективно воздействие речи говорящего, тем более пассивным оказывается слушающий, тем меньше его критичность, тем труднее ему осуществить самостоятельный выбор позиции, своего отношения к слышимой речи. Ему остается только, воспринимая и понимая речь говорящего, соглашаться с ней, реагировать в соответствии с ее смыслом и интенциями. Однако при внешнем монологе, даже в такой его крайней форме, имеет место взаимодействие человека с человеком. Говорящий воздействует словом, но сам находится под воздействием информации о состоянии слушающего и с учетом ее строит свою речь.

Приведем еще один пример, позволяющий лучше понять смысл внешнего монолога. Представим следующую ситуацию. Учитель, узнав о проступке ученика, отчитывает его, ругает, стремится объяснить, в чем ученик не прав. А ученик еле-еле прислушивается к его словам, практически не реагируя на них и всем своим видом показы-

вая учителю, что не желает слушать. Учитель, видя это, возмущается, расстраивается, что, конечно, меняет содержание и форму его речи, но эффект ее воздействия на ученика остается тем же. Что представляет собой такое общение? Это и не внешний монолог, и не псевдообщение, так как ученик заметно воздействует на учителя речевыми средствами (позой, мимикой и т. п.), «всем своим видом показывая» свое отношение к его словам. Следовательно, в данном случае имеет место сложная форма общения, которая ведется речевыми и неречевыми средствами, причем воздействие, осуществляемое неречевыми средствами, оказывается более действенным.

Теперь становится понятным принципиальное отличие внешнего диалога от внешнего монолога, состоящее в том, что для внешнего диалога характерно взаимодействие, при котором воздействия каждого из участников диалога на партнера сопоставимы, взаимны. Активный двусторонний характер взаимодействия при внешнем диалоге проявляется в действенности слова каждого из партнеров. Это обеспечивается особой настроенностью каждого из партнеров на восприятие друг друга, особым уровнем взаимопонимания. Каждый нуждается в слове другого, открыт его воздействию и сам своим словом способен оказать не менее сильное воздействие на партнера. Двусторонность воздействий имеет место и при диалоге-споре и при диалоге-унисоне, в одном случае за счет действенности возражений, контрпримеров и т. п., в другом — за счет содержательности дополнений, уточнений, интерпретаций, обобщений, оценок, анализа и т. п. Взаимная обоюдная активность решительно отличает диалог-согласие от внешнего монолога с его явной асимметричностью воздействий.

В отличие от внешнего диалога во внешнем монологе возможность влиять на говорящего у молчаливого участника этой формы общения ограничены. Вместе с тем нельзя отождествлять степень выраженности смысловой позиции в речи и степень ее влияния на партнера по общению с количеством произнесенных говорящим слов. Например, в ситуации, когда ученик, излагая свои взгляды, пытается убедить в них учителя, одно слово учителя, его «да» или «нет» может быть весомее всех слов ученика. Значимы могут быть даже не слова учителя, а, например, его кивок головой или даже просто то, что он столько времени внимательно слушает ученика. Поэтому надо знать конкретную ситуацию взаимодействия собеседников, может быть, даже и предысторию их взаимоотношений, чтобы в некото-

рых случаях отличить внешний диалог от внешнего монолога. В случае с учителем и учеником мы имеем дело с внешним диалогом, так как для типичного внешнего монолога характерна завершенность, окончательность выражаемой смысловой структуры, ее независимость от смысловой позиции собеседника, а не только отсутствие выраженности второй смысловой позиции в форме внешней речи.

Внешний диалог представляет собой процесс взаимодействия личностей, отражающийся в разнообразных взаимосвязях высказываний как реплик диалога. Конечно, оглядываясь в прошлое, можно выделить совокупность принадлежавших разным авторам высказываний, увидеть смысловые связи между ними и представить все эти высказывания как реплики единого вечного диалога. Но были ли на самом деле содержательные связи между высказываниями для их авторов? Авторы могли и не подозревать о существовании некоторых высказываний, не видеть никаких связей между ними и собственным высказыванием. Их высказывания могли и не быть компонентами единого процесса взаимодействия. При оценке целостности внешнего диалога, при поиске ответа на вопрос, представляет ли анализируемый эпизод один диалог или несколько независимых диалогов, необходимо учитывать характер взаимосвязей между высказываниями, степень их взаимообусловленности, взаимосогласованности. Например, некоторые из длившихся в течение часа диалогов партнеров в процессе совместного решения задачи лишь формально могут быть определены как один диалог. На самом же деле каждый из них представляет ряд независимых диалогов, не связанных между собой ничем, кроме того, что их ведут те же два собеседника. Скажем, во время совместного решения один из собеседников, что-то вспомнив, может обратиться к другому с вопросом типа: «Слушай, ты английский выучил?» — и тем самым начать новый диалог, не имеющий отношения к обсуждаемой задаче. Таким образом, для внешнего диалога характерны определенная содержательная цельность и непрерывность процесса взаимодействия, обеспечиваемые, в частности, единством его темы или по крайней мере наличием содержательных, мотивированных взаимопереходов между относительно самостоятельными темами одного и того же диалога. Во внешнем монологе тема также едина, но это по той простой причине, что в нем мы фактически имеем одно сложное высказывание, а высказывание всегда имеет одну тему.

Во внешнем диалоге тема развивается совместными усилиями собеседников. В этом смысле диалог всегда содержателен, а утрату диалогом содержательности можно рассматривать как его вырождение в псевдообщение [23]¹.

Сравнение внешнего монолога и внешнего диалога позволяет выявить и черты сходства этих форм взаимодействия человека с человеком. Основной момент сходства связан с тем, что они являются формами речевого взаимодействия. Общение, осуществляемое неречевыми средствами, даже если оно приобретает черты подлинного диалога, слишком тесно, практически неотрывно связано с личной ситуацией. Обычно это непосредственно воспринимаемая ситуация, в которой находятся взаимодействующие партнеры. В то же время речевое общение в таких его развитых формах, как внешний диалог и внешний монолог, придает взаимодействию подлинную контекстность, т. е. независимость от непосредственно воспринимаемой ситуации. Во-первых, высказывание дополняет воспринимаемую ситуацию, влияет на ее осмысление, понимание за счет выделения тех или иных деталей, включения ее в новую смысловую перспективу и т. п. Эта создаваемая высказыванием смысловая перспектива, в частности, может придать высказыванию черты условности, по принципу «Давайте представим, что...». Условность ситуации общения расширяет его возможности, открывает новые формы взаимодействия человека с человеком (деловые игры, социально-психологический тренинг, психодрама и т. п.). Во-вторых, высказывание выводит взаимодействие за пределы непосредственно воспринимаемой ситуации. Темой диалога, осуществляемого речевыми средствами, может быть все что угодно. Взаимодействие может возникнуть по любому поводу, касаться любых событий, как тех, которые есть, так и тех, которые были, или которые будут, или которых не было, и даже не могло быть, и никогда не будет и т. п.

Не менее существенно и то, что речевые знаки предоставляют возможность создания практически безграничного по сложности знака. Этим сложным знаком-текстом может быть охвачено любое по сложности содержание. Одновременно с целостностью, единством содержания речевыми знаками обеспечивается и его дифференцированность².

¹ Вопросы анализа содержания диалога подробно рассматривались нами в других работах [59; 61].

² Здесь мы не касаемся особенностей профессионального общения, специфика и сложность которого определяют необходимость использования в нем наряду со знаками естественного языка и сложных систем специальных знаков [32].

Все это делает возможным для речевого общения достижение уровня подлинно тотального взаимодействия, при котором разговор о любом конкретном факте, событии и т. п. оказывается разговором на какую-то предельно обобщенную или отвлеченную тему. При подобном тотальном взаимодействии, о чем бы партнеры ни заговорили, они могут продолжать обсуждать одну и ту же единую тему. В результате разные эпизоды общения партнеров превращаются во фрагменты одного и того же процесса их взаимодействия. Согласие или разногласия по частному, локальному вопросу при этом могут стать, например, взаимодействием непримиримых мировоззрений, идеологий, теорий, жизненных позиций. Таким образом, сложные формы речевого взаимодействия человека с человеком (внешний диалог и внешний монолог) могут достигать практически безграничной контекстности (независимости от наличной чувственно воспринимаемой ситуации, несводимости к ней) и тотальности.

Все отмеченные особенности выделенных нами форм речевого общения характерны лишь в той степени, в какой имеются в виду типичный внешний диалог, типичный внешний монолог, типичное простое реплицирование и типичное псевдообщение. Прделанный анализ был нацелен на установление их различий. Поэтому следует особо подчеркнуть, что между этими типичными формами существует огромное многообразие других форм речевого общения человека с другим человеком. Это многообразие форм речевого общения человека с человеком образует как бы непрерывный континуум между отмеченными полюсами. Более того, если взять для анализа достаточно большой и сложный эпизод речевого общения, то можно обнаружить, что в одни моменты времени это речевое общение более походило, например, на внешний монолог, а в другие — становилось подобным внешнему диалогу. Такие факты требуют, чтобы наряду с описанием типичных форм речевого взаимодействия была рассмотрена и их динамика взаимопревращения друг в друга.

Понимание описываемых процессов разными авторами неразрывно связано с тем, как ими определяются речевое общение, диалог, монолог. Например, по-своему рассмотрены процессы диалогизации-монологизации Л. П. Якубинским, М. М. Бахтиным, Ц. Йотовым и другими авторами [59]. Но если в качестве типичных выделяют не две формы речевого взаимодействия (монолог и диалог), а большее количество подобных форм, то и процессы динамики

речевого общения нельзя свести к его диалогизации-монологизации. Более правильно говорить о диалогизации речевого взаимодействия как о процессе его превращения в типичный диалог, но при этом иметь в виду, что это превращение может начинаться из разных исходных пунктов. Во внешний диалог может превратиться не только внешний монолог, но и простое реплицирование и псевдообщение.

Каковы же направления изменений речевого общения при превращении его в типичный диалог, т. е. что такое диалогизация речевого общения? Первое из этих направлений — рост степени определенности, выраженности в речи смысловых позиций партнеров. Смысловые позиции могут быть выражены в речи неясно, неполно. Между ними возможны отношения неопределенности. По мере роста определенности может обнаружиться различие между смысловыми позициями партнеров или даже их противоречивость, несовместимость. В другом случае возможно проявление сходства смысловых позиций, их совместимости. Возникнут или диалог-спор, или диалог-согласие. Второе возможное направление диалогизации речевого общения собеседников, направление развития диалога состоит в его превращении из диалога локального и ситуативного, касающегося ограниченного круга вопросов, ограниченной темы, в диалог тотальный и контекстный, вплоть до мировоззренческого диалога. На этом высшем уровне в каждом слове, вопросе, возражении станет просматриваться, угадываться все мировоззрение, вся смысловая позиция собеседника. (Напомним, что согласно М. М. Бахтину именно в изображении таких диалогов достиг особого уровня мастерства Ф. М. Достоевский.) Третье направление процесса диалогизации речевого общения — рост степени взаимообусловленности, взаимозависимости, взаимосвязи высказываний собеседников, т. е. рост интенсивности, глубины взаимодействия и его двусторонности. Не только отдельные фрагменты речи, а именно вся речь, все, что говорит собеседник, является ответом или предвосхищением, согласием или возражением, дополнением или сомнением и т. п. Имеются в виду взаимосвязи и по форме, и по содержанию, которые становятся все более глубокими, все более существенными. Отметим еще и то, что взаимообусловленность, согласованность высказываний затрагивает не только речевые, но и неречевые компоненты взаимодействия человека с человеком. В частности, не требует доказательств возникновение в диалоге особой сонатростройности эмоциональных процессов и их проявлений у собеседни-

ков [140]. Очевидно, что изменения речевого общения в описанных направлениях соответствуют нарастанию интенсивности взаимодействия собеседников, причем взаимодействия двусторонне активного.

Соответственно можно уточнить и содержание процесса монологизации речевого взаимодействия. Его главная черта — нарастание асимметричности речевого взаимодействия человека с человеком. По мере монологизации растет не только сложность высказывания, но и степень его воздействия на партнера. Существенно также, что монологическое взаимодействие, как и диалогическое, может выходить за пределы непосредственно воспринимаемой ситуации, обретать контекстность и тотальность.

После изложенного нет необходимости подробно останавливаться на процессе превращения речевого общения в псевдообщение или простое реплицирование. Отметим только, что содержательный материал о взаимопереходах внешнего диалога и псевдообщения приведен в работе Г. Я. Буша [23]. В частности, автор выделяет такой вариант псевдообщения, который основан на утрате диалогом содержательности, превращении его в пустую болтовню и т. п.

Выводы:

1. Речевое взаимодействие человека с человеком может быть и псевдообщением, и простым реплицированием, и внешним монологом, и внешним диалогом. Внешний диалог, следовательно, лишь одна из форм речевого общения.

2. Характер общения нередко претерпевает существенные изменения. Внешний диалог может смениться псевдообщением, простым реплицированием или внешним монологом. Возможны и обратные превращения.

3. Ограничение динамики характера речевого общения лишь процессами диалогизации-монологизации не адекватно богатству направлений его изменений.

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ И ДРУГИЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С САМИМ СОБОЙ

С первичными, исходными формами общения человека с другим человеком сходны и производные от них формы общения человека с самим собой.

Прежде всего показательное существование речевого взаимодействия с самим собой в виде псевдообщения. Мы имеем в виду случаи, когда есть обращенная к человеку его собственная речь, оформленная в виде высказываний,

которую он, однако, сам не слушает или слушает крайне невнимательно и которая в результате не оказывает на него должного влияния. Например, в ходе самовнушения иногда обращенная к самому себе речь начинает произноситься автоматически, фокус внимания субъекта оказывается направленным на что-то иное (рассматриваемый случай характерен для начальных этапов занятий аутогенной тренировки). В результате этого произнесенная человеком речь хотя и обращена к нему самому, но как бы перестает им восприниматься и не оказывает предполагаемого воздействия. Сходные случаи возникают и при решении мыслительных задач. Человек что-то говорит, многократно повторяет какую-то мысль. Например, несколько раз подряд задает сам себе один и тот же вопрос: «Что мне делать?» И при этом с каждым новым повторением все меньше и меньше о нем думает, так как в это время размышляет уже о чем-то ином.

Существование подобного псевдообщения в особых доказательствах не нуждается хотя бы потому, что в этом никто и не сомневается. Напротив, скорее исследователи сомневаются в существовании подлинного общения человека с самим собой [25]. На наш взгляд, существует и псевдообщение, и подлинное общение человека с самим собой, в том числе речевое. Во втором случае в отличие от первого человек воспринимает свою собственную речь, реагируя на нее в принципе так же, как на чужую речь.

Общение с самим собой производно от общения человека с другим человеком, в котором создаются и опробуются различные знаки, усваиваются правила их сочетания, употребления, интерпретации. Формы общения с другим оказываются основным фондом форм общения человека с самим собой. Вот почему как и при речевом общении человека с другим человеком, так и при его общении с самим собой употребляемые знаки организованы в высказывания. Среди прочих отмеченных ранее его свойств здесь важно еще раз подчеркнуть завершенность высказывания. Без завершенного высказывания нет ни речевого общения человека с другим человеком, ни его общения с самим собой.

Анализ форм общения человека с другим человеком наводит на мысль, что и общение его с самим собой не сводится к одной форме. И действительно, не составляет особого труда выявить в подобном общении такие формы, как **внутреннее реплицирование, внутренний монолог и внутренний диалог**. В первом случае общение человека с са-

ним собой осуществляется отдельными, не взаимосвязанными, изолированными и, главное, относительно простыми высказываниями. Во втором случае общение с собой выливается в сложное развернутое высказывание, образованное несколькими предложениями. В третьем — общение предполагает совокупность содержательно взаимосвязанных высказываний. Мы уже уделили достаточно внимания доказательству существования внутреннего диалога. Можно привести примеры и простого внутреннего реплицирования. Человек уронил чашку и воскликнул «Как жаль!», почувствовав волнение, приказывает себе «Спокойно!» и т. п. А в качестве примера внутреннего монолога приведем фрагмент протокола, фиксирующего речь испытуемого в процессе решения им мыслительной задачи: «Ну спичек мало, можно сразу рассмотреть все варианты. Возьмем сначала одну спичку. Тогда противник может взять, допустим, три спички. Тогда он так проиграет. Он может взять две спички. Он проиграет. Одну спичку, тогда проиграю я. Значит, одну спичку брать нельзя. Берем две спички...» [59, 179].

Человек наедине с самим собой часто размышляет о том, что для него актуально, значимо, о чем еще не говорил, что еще не вербализовал, но о чем сказать ему необходимо. При анализе общения с другим человеком этот вопрос можно обойти, так как человек может говорить о том, о чем сам с собой уже говорил. То есть он может просто перевести вербализованное знание из формы внутренней речи во внешнюю речь. Словом, ответ на вопрос «Как возможно общение с самим собой?» предполагает ответ на вопрос «Как возникает речь?». При всей сложности данного процесса ясно, что так или иначе новое слово, необходимое именно в данной ситуации, возникает и приобретает в ней свой неповторимый смысл. Каждая жизненная ситуация уникальна. Поэтому уникально и рожденное ею высказывание (хотя, конечно, образующие его слова могут повторяться бесконечно). Следовательно, человеку всегда есть что сказать самому себе. Ситуация вербализуется в той степени, в какой человеку необходим новый речевой знак, новое высказывание, которое и окажет на него в принципе такое же воздействие, как и то, которое могла бы оказать обращенная к нему речь другого человека. В результате обращенное к себе высказывание воспринимается, интерпретируется, в той или иной степени понимается и оценивается (принимается, отвергается), оказывается командой, которую нельзя не выполнить, и т. п.

Слова, используемые человеком в общении с самим собой, зависят, конечно, не только от особенностей ситуации, отражаемой в речи. Как отмечалось, общение человека с другим человеком предполагает представление о нем и о его внутреннем мире. Общение с собой как форма, производная от общения с другим человеком, также основано на способности отражать, представлять другого человека, воспроизводить его внутренний мир в собственном. В этой связи можно отметить, что взаимодействие человека с человеком обязательно обретает ту или иную ролевую оформленность. Например, ребенок, взаимодействуя с учителем, усваивает не только роль ученика, но в известной степени и роль учителя. Следовательно, при этом воспроизводятся, усваиваются два полюса взаимодействия и их взаимоотношения. Объективность человеческого взаимодействия и взаимоотношений очевидна. Они и образуют основу внутреннего общения. Ведь «воспроизведение другого человека в себе» — это воспроизведение и отношений к нему, и его собственных отношений. Существование в какой-то предметной ситуации является одновременно существованием в системе субъект-субъектных отношений. Осмысление ситуации с помощью высказывания является также и осмыслением этой системы отношений.

Опыт общения с другим оформляется в умении обращаться к нему, а значит, и обращаться с ним определенным образом: доверительно, пренебрежительно, почтительно и т. п. Но опыт общения с другими приводит и к усвоению способов, какими они обращаются к человеку и обращаются с ним. Естественно, что поскольку мы говорим о речевом общении человека с самим собой, то существенна способность человека именно в форме и содержании собственной речи, собственных высказываний воспроизводить (а значит, в какой-то степени и понимать, и осознавать, и переживать) и свои отношения к другим, и их отношения к нему.

То, что было сказано об общении человека с самим собой, относится в полной мере и к его простейшей форме — внутреннему реплицированию. Эта форма общения в виде отдельных, сравнительно простых высказываний возникает обычно в неречевых ситуациях, т. е. в ситуациях, где нет высказываний — ни своих, ни чужих. Как это происходит? Оказывается, находясь в конкретной жизненной ситуации, человек может говорить так, как если бы рядом имелся реальный собеседник. Но он может говорить и так, как говорил бы другой в данной жизненной ситуации, об-

ращаясь к нему или к какому-то иному собеседнику. Такие ситуации — основа возникновения высказывания. А возникшее высказывание изменяет жизненную ситуацию, подчеркивая в ней что-то или выделяя, придавая ей тот или иной смысловой оттенок, обозначая в ней те или иные субъект-субъектные отношения. Поэтому-то внутренняя реплика человека в одном случае оформлена как будто он обращается к другому, точнее — к себе, как к другому. Например, в вопросе «Что это со мной?». В другом случае внутренняя реплика оформлена как чужое слово об авторе. Вспомним здесь знаменитое «Ай да Пушкин! Ай да молодец!». Очевидно, что свою речь, т. е. возникшее высказывание, человек воспринимает сам и сам на него реагирует, подчиняясь ему, успокаиваясь, огорчаясь, радуясь и т. п. Словом, отвечая высказыванием на какую-то жизненную ситуацию, человек воссоздает для себя определенные субъект-субъектные отношения и реагирует на высказывание также в соответствии с теми или иными субъект-субъектными отношениями. Например, ребенок в возрасте около двух лет, поднося ко рту что-то подобранное с пола, останавливает себя маминым словом «Нельзя!», т. е. тем словом, которым в подобной ситуации его обычно останавливала мать.

Второй типичный случай простого внутреннего реплицирования (кроме его возникновения в «неречевой» ситуации) — это внутренний комментарий к воспринимаемой (внешней) речи. Приведем пример. Автор этих строк однажды присутствовал на обсуждении научного доклада молодого научного сотрудника, который весь процесс обсуждения регистрировал с помощью магнитофона. Доклад был выслушан с интересом. Последовали вопросы. Один из присутствующих неожиданно сформулировал их так, словно он ставил под сомнение отдельные положения доклада. Вопросы получились достаточно развернутыми. Слушая их, докладчик, казалось, молчал. Однако при воспроизведении магнитофонной записи было обнаружено, что он, сам того не замечая, тихо говорил одновременно с задававшим вопрос примерно следующее: «Ну и что?.. Это же просто... Нет... Само собой». Близко расположенный микрофон уловил переход внутренней речи из беззвучной формы в шепотную. Анализ подобной речи убеждает, что это не реплика внешнего диалога. Хотя речь была ответом на чужие слова, она не была адресована другому реальному собеседнику, а предназначалась говорящим для самого себя. Следовательно, перед нами, если учесть еще краткость, про-

стоту и изолированность высказываний друг от друга,— общение с самим собой в виде внутреннего реплицирования. В данном случае со всей очевидностью проявилась активность процесса восприятия чужой речи. Именно дополняя ее, обрамляя собственными высказываниями, человек проясняет свое отношение к чужой речи и к другому человеку. Своими комментирующими чужую речь высказываниями он выражает свое согласие, отрицание, непонимание, создает дистанцию между собой и чужим словом. Очевидно, что в тоне, каким произносится комментирующая, отвечающая речь, получает определенность отношение к автору чужой речи (уважение, пренебрежение, доверие и т. п.). Следовательно, многообразие форм обращения человека к самому себе определяется многообразием функций слова, богатством взаимоотношений человека с другими людьми.

Простота высказываний при общении человека с самим собой представляется следствием или известности, понятности, обычности ситуации и ненужности большего количества слов, или, напротив, следствием неопытности, непонятности ситуации и отсутствия необходимых слов.

Очевидно, что одним высказыванием человек выражает одну смысловую позицию. В этом сходство внутреннего реплицирования с внутренним монологом, при котором у говорящего также есть лишь одна смысловая позиция. Единственностью смысловой позиции определяется в этих случаях своеобразие субъект-субъектного взаимодействия. Основой такого взаимодействия является монологическое сознание. В нем представлен второй субъект, но не как самостоятельная смысловая позиция, т. е. особый смыслопорождающий центр. Второй субъект в данном случае — просто фрагмент смысловой позиции говорящего. Понятно, что человек взаимодействует с другими людьми, воспринимает, понимает и запоминает чужие слова, выражающие чужую смысловую позицию, чужое понимание. Но в монологическом сознании чужая смысловая позиция переработана, лишена самостоятельности. Чужие слова как знаки чужой смысловой позиции могут использоваться в собственной речи автора наряду со своими. Фиксируя свое отношение к этим словам, человек может выразить свою мысль, свое собственное понимание. В некоторых случаях границы между своими и чужими словами четкие, в других — размытые, неразличимые. Есть соответственно процессы присвоения чужих слов и отчуждения собственных. Эти и другие интересные особенности взаимодействия чу-

жой и собственной речи в высказывании автора и в его сознании показывают, сколь разнообразными способами может субъект воспроизвести чужую речь и опредметить чужую смысловую позицию в своей речи, окружая чужую речь своим авторским комментарием, контекстом, интонациями, новыми акцентами и т. п.

Таким образом, как и при простом внутреннем реплицировании, во внутреннем монологе имеется один смыслопорождающий центр, реализуется одна интенция говорящего. Он — форма, способ сложного однонаправленного воздействия человека на самого себя. В основном функции внутреннего монолога сходны с функциями внутреннего реплицирования и являются лишь их усложненными вариантами. Например, внутренний монолог может быть способом успокоения, утешения, оценки собственного поведения. В других случаях он — средство осмысления отношения к другому человеку или словам, им сказанным. Но внутренний монолог благодаря принципиально более сложной форме осуществляет и ряд специфических функций. В частности, он может быть речевой формой разнообразных умственных действий. Важно также, что внутренний монолог — наиболее подходящий способ зафиксировать итог собственных рассуждений, выразить конечный результат собственного мыслительного процесса. Но какие бы функции внутренний монолог ни выполнял, его образует сложное речевое высказывание, которое субъект сам произносит и которое он сам внимательно слушает, т. е. которое на него самого оказывает определенное воздействие.

Ярким примером внутреннего монолога, оказывающего сильное регулирующее влияние, является речь человека, овладевшего мастерством самовнушения. При этом, даже если текст речи повторяется неоднократно, ее произнесение не оказывается псевдообщением, так как именно вслушивание в произносимые слова, степень концентрации внимания на их содержании — залог того, что они окажут ожидаемое воздействие.

Анализ внутреннего реплицирования позволяет сделать важное в теоретическом отношении разграничение между возможной диалогичностью речи как средства общения и диалогом как особой формой субъект-субъектного взаимодействия. Вернемся в связи с этим к внутреннему реплицированию, возникшему в ответ на чужую внешнюю речь реального собеседника. Не являясь репликой внешнего диалога, эта внутренняя речь тем не менее на нее очень похожа как полноценная речевая реакция, речевой ответ

на чужую реально воспринимаемую речь. Это означает, что средством общения с самим собой в данном случае служит активное двухголосое слово — третий тип слова, по классификации М. М. Бахтина [15].

Поясним сказанное. Одной из бесспорных заслуг М. М. Бахтина является разработка концепции двухголосого слова. Однако он, на наш взгляд, допустил своеобразное размывание границ этого понятия, его неоправданное расширение. Очевидно, что без двухголосого слова, как его понимает М. М. Бахтин, нет диалога. Но вне диалога двухголосое слово вполне может быть, если под диалогом понимать особую форму реального двусторонне активного субъект-субъектного взаимодействия. Существенно, что вне диалога возможно не только пассивное, однонаправленное двухголосое слово (например, в форме стилизации чужого слова), но и активное, разнонаправленное, т. е. именно такое, каким является реплика диалога. Рассмотрим в этой связи следующий пример. Допустим, некто А слышит слова В, обращенные к группе лиц, в которую входит и сам А. Предположим, что слова В вызывают у А негативное отношение. Он уверен, что В лжет и выражает свое отношение к словам В примерно так: «Это ложь, все было иначе». Наконец, представим себе, что в одном случае эти слова А адресует прямо В, во втором случае А адресует их своему соседу С, а в третьем случае он адресует эти слова самому себе во внутренней речи. Во всех трех случаях эти слова будут относиться, по классификации М. М. Бахтина, к типу активного разнонаправленного двухголосого слова. Но только в первом из этих трех случаев слова А превратят речевое общение А и В в диалог, так как они окажутся средством двусторонне активного взаимодействия партнеров. Во втором случае имеет место внешнее реплицирование, в третьем — внутреннее реплицирование как форма общения человека с самим собой. Это означает, что с диалогизированностью речи, с двухголосьем мы встречаемся значительно чаще, чем с диалогом.

Средством внутреннего монолога может быть слово простое, предметно-ориентированное, одноголосое, не знающее другого равноценного слова. Например, шел человек по улице, поскользнулся, но, устояв на ногах, произнес: «Ого, а я и не заметил, что стало скользко. Как быстро изменилась погода. Мог хорошо шлепнуться». Очевидно, что внутренний монолог может включать и объектную (т. е. изображенную, пересказываемую) чужую речь.

Возможен и внутренний монолог по поводу непосредст-

венно воспринимаемой чужой речи, осуществляемый посредством активного двухголосого ответного слова, но, видимо, лишь после завершения воспринимаемой чужой речи. Ведь эта речь имеет свою логику, свое содержание. Она навязывает свой темп восприятия, требует внимания, особой настроенности. Вести одновременно с ее восприятием другой достаточно сложный процесс создания развернутого ответного высказывания трудно. Краткое простое реплицирование возможно, а сложные речевые реакции — нет.

В итоге можно сделать вывод, что средством внутреннего монолога, как и внутреннего простого реплицирования, может быть любой из выделенных М. М. Бахтиным типов слова. Подобное утверждение справедливо и по отношению к внешнему монологу. Действительно, в ходе традиционной лекции монологическое воздействие лектора на аудиторию не теряет своего монологического характера, если оно оказывается и репликой на чье-то чужое высказывание. Конечно, при условии, что аудитория внимательно слушает слова лектора и эти слова оказывают на аудиторию предполагаемое лектором воздействие. Это еще раз подтверждает, что диалогизированность речи в виде двухголосого слова — явление значительно более распространенное, чем диалог (т. е. двусторонне активное субъект-субъектное взаимодействие). Очевидно, на том основании, что средством диалога является активное двухголосое слово, утверждать, что всегда, когда есть подобное слово, есть и диалог, ошибочно.

В понимании специфики внутреннего диалога главным является вопрос о том, как воспроизводит человек в своей собственной речи различные смысловые позиции и как они могут при этом взаимодействовать. Как было отмечено, основой любого общения человека с самим собой является способность представлять себе другого, иметь представление об этом другом. И на основе этого представления человек может что-то говорить себе так же, как он может говорить это другому человеку. И может, обращаясь к себе, говорить так, как если бы ему говорил другой. Но для того чтобы был внутренний диалог, нужна не просто речевая реакция человека на неречевую ситуацию и даже не его речевая реакция на речь, произнесенную другим человеком. Нужна речевая реакция на собственную, т. е. им самим произнесенную, речь. Напомним, что дать ответную реакцию на речь можно лишь в том случае, если она оформлена как высказывание со всеми присущими ему

свойствами. В высказывании же может быть выражена лишь одна смысловая позиция. Соответственно событие встречи и взаимодействия различных смысловых позиций может быть реализовано посредством минимум двух высказываний.

Корни внутреннего диалога находятся в способности человека воспроизводить чужую речь в собственной, а также реагировать на свою речь как на чужую. Отметим, что обе эти способности имеют свою историю в онтогенезе человека. Автором было проведено наблюдение за развитием этих способностей у собственных детей — мальчика и девочки. В возрасте двух — трех лет, уже неплохо понимая чужую речь, дети еще не могут выполнить даже простейшие задания, основанные на способности воспроизводить чужую речь в собственной. Вот пример. Однажды мать дает ребенку задание (дело происходит на кухне): «Пойди в комнату и скажи мне „Пора ужинать“». Ребенок бежит в комнату к отцу, останавливается и здесь выясняется, что передать отцу слова «Пора ужинать» он не может, даже в ответ на вопрос: «Что мама сказала?». В более старшем возрасте дети передают и значительно более сложные фрагменты чужой речи, например включающие ряд простых и сложных предложений. Но для понимания специфики внутреннего диалога важны две принципиально различные формы воспроизведения чужой речи в собственной. В одном случае воспроизведенные слова оказываются фрагментом высказывания говорящего. В результате создаются особые речевые конструкции, такие как «прямая речь», «косвенная речь», «несобственная прямая речь» [27]. В подобных случаях говорящий использует чужую речь для собственных целей. Она лишается своих интенций и обретает интенции говорящего. Воспроизведенные чужие слова не являются в момент их воспроизведения самостоятельными единицами общения, т. е. высказыванием, обращенным к говорящему или к кому-то другому. Это монологическое воспроизведение чужой речи. Но чужая речь может воспроизводиться существенно иначе, диалогически. Это происходит, если чужие слова становятся самостоятельным высказыванием, обращенным к говорящему вопросом, замечанием, возражением, командой и т. п. Чужая речь воспроизводится не как фрагмент речи говорящего, а как ответная реакция на его речь в виде самостоятельного высказывания.

Умение диалогически воспроизводить чужую речь, включать ее во внутренний диалог, превращать в самостоя-

тельную единицу речевого общения (высказывание) тесно связано с умением воспроизводить чужие диалоги. Существенно, что имеется в виду не механическое воспроизведение текста, произнесенного другими, а понимание и воспроизведение выраженных в чужой речи смысловых позиций. Особенно показательны в этом отношении диалоги, которые произносит ребенок по ходу ролевой игры, например под влиянием прослушанной инсценировки. Данный диалог — это не повторение услышанного, а свободная импровизация, при которой тем не менее воспроизводятся именно смысловые позиции персонажей, а не их слова. Одно дело — воспроизвести высказывание, как повторить услышанное. И совсем другое — уметь воспроизвести и то, что сказал другой, и то, что он мог сказать, и еще точно знать, что он сказать не мог и не сказал. Это и есть воспроизвести смысловую позицию как смыслопорождающий центр. Дело, конечно, не в инсценировках. Их мы вспомнили только по той причине, что после них особенно легко наблюдать, какой именно из услышанных диалогов воспроизводит ребенок. Но гораздо чаще, практически постоянно, ребенок является свидетелем чужих диалогов, а не только участником того или иного диалога. Быть свидетелем диалога, слышать диалог со стороны — это особая позиция. Ребенок слышит каждого из участников, слышит, как партнеры по диалогу отвечают друг другу. Для понимания диалога и развития способности участвовать в диалоге опыт присутствия ребенка при диалогах не менее важен, чем его опыт участия в диалогах. Именно эти услышанные ребенком диалоги и становятся в переработанном виде основой диалогов, сопровождающих ролевые игры ребенка.

Существенно, что отличная от имеющейся смысловая позиция не может появиться в результате простого заимствования, механического повторения чужой речи. Требуется собственная мыслительная активность. Воспроизвести чужую смысловую позицию можно, лишь переосмысливая услышанное, неограниченно доисывая его содержание, варьируя им и т. п. Развивающаяся в процессе общения способность домыслить, вообразить, представить нечто за другого, с его позиции, его глазами оказывается в дальнейшем источником самостоятельного порождения смысловой позиции, отличной от имеющейся. Самостоятельного, т. е. протекающего независимо от встречи с другим, общения с ним. Важно отметить и то, что осмысление чужой речи, ее варьирование, импровизация заставляют выйти за

пределы услышанного. Набором слов услышанной чужой речи обойтись нельзя. Это означает, что адекватное воспроизведение чужой смысловой позиции предполагает наряду с воспроизведением чужой речи в собственной еще и процесс отчуждения некоторой части собственной речи: произнесение ее таким образом, с такой интонацией, такой дистанцией, словно это чужая речь.

Параллельно со способностью воспроизводить чужую речь, чужую смысловую позицию в собственной речи развивается у ребенка и способность реагировать на свою речь как на чужую, т. е. реагировать на свою речь с иной смысловой позиции по сравнению с той, которая первоначально выражена в собственной речи. Уже в возрасте около двух лет в речи ребенка обнаруживается новое явление. Он может говорить, слушать себя и исправлять свою речь, переформулировать ее и т. п., делая это по собственной инициативе. Позднее этот процесс приводит к развернутым речевым реакциям на собственную речь, реакциям, однотипным с аналогичными реакциями на чужую речь в ходе общения с другим человеком. Представим себе, что, обдумывая ситуацию, человек задает себе вопрос «Как быть?». Он пытается сформулировать ответ, произносит его, но ответ получается неокончательным. При его формулировании оказались неучтенными какие-то обстоятельства. Это сразу приходит на ум, как только ответ произнесен, как реакция на этот ответ, как возражение. Ответ может вызвать и новые вопросы. Например, ответ «Надо сделать так» может породить реакцию: «Да, но возможно ли это?» Аналогично протекала бы беседа с партнером, если бы ответ был услышан от него. Ему могли бы быть адресованы те же вопросы и возражения. Ответ будет окончательным, не вызовет новых речевых реакций, если он будет дан в результате обдумывания, размышления, как их итог, если в нем будут учтены все возможные вопросы, возражения, сомнения и т. п. Поскольку границы между чужой и собственной речью не всегда четкие и они могут превращаться друг в друга, то отмеченные выше способности — это одна развивающаяся по мере накопления опыта речевого общения способность участвовать в диалоге и порождать его самостоятельно.

Таким образом, специфика внутреннего диалога связана с тем, что иная, отличная от исходной, смысловая позиция не просто известна человеку, а воспроизводится им как самостоятельный смыслопорождающий центр. Происходит не цитирование иной смысловой позиции, ее пере-

сказ или оценка и т. п., а взаимодействие с иным смыслопорождающим центром, реагирующим самостоятельным ответным словом. Этим словом может быть выражено иное понимание темы, иное отношение к ней. Это отношение может быть согласием с предшествующим высказыванием, вопросом к нему, возражением, дополнением и т. п.

Динамика взаимодействия двух различных смысловых позиций реализуется речью одного говорящего. Такое взаимодействие может приобретать существенно различные формы. Прежде всего выделим **явный внутренний диалог**. О нем можно говорить тогда, когда в речи индивида прямо, т. е. в форме диалогически соотнесенных высказываний, выражены, представлены каждая из взаимодействующих смысловых позиций. Явным внутренним диалогом могут быть рассуждения одного из партнеров вслух с собственными вопросами и ответами, утверждениями и отрицаниями, противоречиями и т. п. во время внешнего диалога по ходу совместного решения мыслительной задачи. В этих случаях реплика внешнего диалога может быть достаточно большим фрагментом внутреннего диалога, состоящего из последовательности содержательно взаимосвязанных высказываний [59]. В подобных случаях структура внутреннего диалога сходна со структурой внешнего диалога. Именно поэтому если во внешнем диалоге участвуют партнеры со сходными голосами, то оказывается невозможным отличить, где кончается речь одного из них, а где начинается речь другого. Соответственно нельзя отличить внутренний диалог от внешнего.

Аналогичные внутренние диалоги можно обнаружить в речи испытуемого при индивидуальном решении мыслительной задачи. Подчеркнем, что в основном такая речь — это внешняя речь, поскольку она вызвана инструкцией «говорите вслух» и предназначена экспериментатору. Но опросы испытуемых и наблюдения за ними убеждают, что они, увлекаясь решением, часто забывают об этом. И речь для другого становится лишь речью о себе, т. е. внутренней речью. Опрос испытуемых позволяет также утверждать, что и в безвучной внутренней речи также возможны внутренние диалоги, неотличимые по форме от внешних диалогов с четкой сменой реплик, их согласованностью (типа: «Что же сейчас делать? Это? Да, но тогда как быть с... А может так... И что это даст? А, понятно...»).

Между явными внутренними диалогами и внутренними монологами различия столь же существенны, как и между их внешними аналогами. Следовательно, внутрен-

няя речь в случае явного внутреннего диалога — это последовательность порождаемых индивидом содержательно взаимосвязанных и диалогически соотнесенных высказываний, на которые направлено его внимание и которые поэтому воспринимаются им самим и оказывают на него соответствующее влияние.

Наряду с явными есть и такие внутренние диалоги, в которых выраженность в речи индивида различных смысловых позиций значительно менее очевидна. В такой речи трудно выделить диалогически соотнесенные высказывания. Она похожа на монологическую. Это может быть следствием или отсутствия четких границ между фрагментами речи индивида, выражающими различные смысловые позиции, или непредставленности в его речи одной из смысловых позиций в сколько-нибудь развернутой речевой форме. Такие внутренние диалоги следует назвать **скрытыми**. Иными словами, одна из смысловых позиций при скрытом внутреннем диалоге неразличима наблюдателем в силу отмеченных выше причин.

Когда говорится о скрытом внутреннем диалоге, можно поставить вопрос: скрытом от кого? От самого говорящего или от его собеседника? Восприимчивости другого человека обычно доступна только внешняя речь индивида. Если же наблюдатель — исследователь и говорящий — одно лицо, то его восприимчивости доступна и внутренняя речь. В первом случае скрытым можно назвать любой внутренний диалог, в котором хотя бы одна из смысловых позиций выражена или лишь во внутренней речи, или и во внешней речи, но так, что стерты границы между различными смысловыми позициями (т. е. трудно выделить диалогически соотнесенные высказывания). Во втором случае скрытый внутренний диалог — это такой диалог, в котором одна из смысловых позиций трудно различима и во внутренней речи говорящего.

Рассмотрим некоторые особенности скрытых внутренних диалогов. Определенные возможности для их анализа есть и при обращении к внешней речи индивида. Сама суть внутреннего диалога как явления, разворачивающегося в речи одного человека, определяет и способ его исследования. Чтобы выявить внутренний диалог испытуемого в процессе его речевого общения с другим человеком, необходимо осуществить своеобразный «продольный» анализ текста диалога, т. е. последовательный анализ всех реплик этого испытуемого, в том числе и структур отдельных реплик, которые могут представлять фрагменты внутреннего

диалога испытуемого. Такой анализ текста диалога часто необходимо дополнить его обычным «поперечным» анализом, при котором движение идет от реплики одного испытуемого к реплике другого и т. д. Обращаться к репликам второго участника при анализе внутреннего диалога первого необходимо, поскольку это позволяет учесть, например, какие предлагаемые вторым партнером темы первый проигнорировал, а какие привлекли его внимание наряду с тем, что будет известно благодаря продольному анализу.

В ходе подобного продольного анализа текста-диалога, анализа всего того, что говорил один испытуемый, скрытый внутренний диалог может быть обнаружен по специфическим особенностям внешней речи говорящего. Признаками существования скрытого внутреннего диалога являются спонтанные изменения смысловой позиции, неожиданные паузы в речи говорящего, делающие какой-то фрагмент речи незавершенным, многократные переформулировки одного и того же вопроса, сообщения, многочисленные спонтанные уточнения того, что сказано, дополнения к нему, внезапные остановки, возвраты, повторы, некоторые нарушения связности речи говорящего. Во всех подобных случаях говорящий, диалогически реагируя на собственную речь, свою реакцию, свой комментарий не озвучивает, не озвучивает вторую смысловую позицию, но лишь перестраивает под ее влиянием произносимую речь. Например, бывает трудно выявить и зафиксировать диалогические отношения между фрагментами речи говорящего, если различные смысловые позиции выражены лишь интонационно, без использования лексических средств [59, 82—84]. Такой случай может иметь место, когда говорящий начинает проговаривать какое-то содержание с одной интонацией, а завершает с другой. Начал уверенно, завершился с сомнением и т. п.

Определенные сложности для анализа представляют такие скрытые внутренние диалоги, в которых во внутренней речи индивида явно выражена лишь одна смысловая позиция, а вторая хотя и есть, и оказывает свое влияние на первую, но в его речи прямо не выражена. Наиболее очевидным примером подобного случая является скрытый внутренний диалог, в котором реплики, отражающие вторую смысловую позицию, пропущены, но могут быть восстановлены по особенностям наличных реплик. Этот случай напоминает ситуацию, когда нам слышен чей-то разговор по телефону, и мы, воспринимая лишь речь одного

партнера, легко догадываемся, о чем говорит второй. Таким является, например, следующий, анализируемый М. М. Бахтиным, внутренний диалог Раскольникова: «Не бывать? А что же ты сделаешь, чтоб этому не бывать? Запретишь? А право какое имеешь? Что ты им можешь обещать в свою очередь, чтобы право такое иметь? Всю судьбу свою, всю будущность им посвятить, когда кончишь курс и место достанешь? Слышали мы это, да ведь это буки, а теперь? Ведь тут надо теперь же что-нибудь сделать, понимаешь ты это?» [15, 277]. Раскольников обращается к самому себе. Назовем этот обращающийся голос вторым голосом Раскольникова. Он весь — реакция на его первый голос. Вопросы обращены к первому голосу и, что самое важное, они повторяют с вопросительными интонациями неслышимый непосредственно первый голос, делая его легко восстанавливаемым.

«Первый голос: ...не бывать.

Второй голос: Не бывать? А что ты сделаешь, чтобы этому не бывать?

Первый голос: Я хочу запретить...

Второй голос: Запретишь? А право какое имеешь? Что ты им можешь обещать в свою очередь, чтобы право такое иметь?

Первый голос: Всю судьбу свою, всю будущность им посвятить, когда кончу курс и место достану.

Второй голос: Всю судьбу свою, всю будущность посвятить, когда кончишь курс и место достанешь? Слышали мы это, да ведь это буки, а теперь? Ведь тут надо теперь же что-нибудь сделать, понимаешь ты это?..»

И в том случае внутреннего диалога, который М. М. Бахтин назвал «скрытой полемикой», главная особенность также в непредставленности в речи одной из смысловых позиций, с которой ведется полемика.

В принципе такой же характер у внутреннего диалога и когда имеет место «всякое слово с оглядкой на чужое слово». Вот как описывал его М. М. Бахтин: «Внутренне-полемическое слово — слово с оглядкой на враждебное чужое слово — чрезвычайно распространено как в жизненно-практической, так и в литературной речи и имеет громадное стилиобразующее значение. В жизненно-практической речи сюда относятся все слова с «каменком в чужой огород», слова со «шпильками». Но сюда же относятся и всякая приниженная, витиеватая, заранее отказывающаяся от себя речь, речь с тысячью оговорок, уступлений, лазеек и пр. Такая речь словно корчится в присутствии или

предчувствии чужого слова, ответа возражения» [15, 228]. Такое слово может быть средством внешнего диалога, реакцией на речь партнера по диалогу. Но такое слово, обращенное к самому себе, — это уже симптом существования скрытого внутреннего диалога. Чтобы это лучше понять, обратимся к рассмотренным ранее примерам внутренней реплики и внутреннего монолога, осуществляемым двухголосым активным словом. Если человек слышит чужую речь и реагирует на нее в своей внутренней речи прямо по ходу ее восприятия или сразу после него, то внутреннего диалога нет. Есть речевая реакция на воспринимаемую чужую смысловую позицию, выраженную в чужой речи, а самостоятельного воспроизведения чужой смысловой позиции нет. Поэтому здесь или внутреннее реплицирование, или внутренний монолог, осуществляемый двухголосым активным словом. Но совсем другое дело, если человек по собственной инициативе через какое-то время, вспоминая чужие слова, чужую мысль, вновь начинает с ними спорить. Здесь уже не восприятие чужой речи, чужой смысловой позиции, а их воспроизведение в собственном сознании. То есть отсроченная реакция на чужую речь двухголосым словом, вызванная активизацией чужой смысловой позиции в собственном сознании, — это и есть суть вариантов внутреннего диалога, рассмотренных нами, в которых во внутренней речи человека в явной форме представлена лишь одна из взаимодействующих смысловых позиций.

Существенно, что отсроченная реакция на чужую речь может быть не только двухголосой, диалогизированной. Например, когда чужое слово будет превращено во фрагмент собственной смысловой позиции говорящего за счет контекста собственных слов. («Существует мнение, согласно которому... Это мнение ошибочно, так как...») В таких случаях мы имеем речь о речи, а не взаимодействие чужой и собственной речи, т. е. имеем внутренний монолог, а не внутренний диалог. (Одно дело говорить о ком-то, а другое дело говорить с кем-то. Только в последнем случае возможен диалог.) Из изложенного следует, что в некоторых случаях внутренний диалог типа «скрытая полемика» или «слово с оглядкой на чужое слово» крайне трудно отличить от внутреннего монолога, осуществляемого активным двухголосым словом в виде непосредственной реакции на чужую речь. Мы имеем в виду случаи, когда такая реакция все более и более отодвигается во времени от вызвавшей ее чужой речи.

Таким образом, «скрытость» внутреннего диалога в известной степени связана и с его сходством с внутренним монологом. И все же скрытые внутренние диалоги — это именно диалоги, хотя и своеобразные, со своей спецификой, объяснимой способом представленности в нем различных смысловых позиций. Более глубокое изучение этих вопросов предполагает анализ некоторых особенностей внутренней речи, что и будет сделано в следующей главе.

Определение понятий «внутреннее реплицирование», «внутренний монолог», «внутренний диалог», а также выделение случаев возможного псевдообщения в процессе речевого взаимодействия человека с самим собой позволяет наряду с динамикой форм речевого общения человека с другим человеком говорить и о динамике форм общения человека с самим собой. Очевидно, что внутренний диалог в одних случаях может вырождаться в простое реплицирование, если высказывания личности утратят содержательные взаимосвязи. В других случаях внутренний диалог может перейти во внутренний монолог. Возможны и другие переходы, в том числе и обратные. Все это в значительной степени напоминает динамику форм общения человека с другим человеком. Соответственно можно говорить и о локальных (касающихся частных вопросов), и о глобальных внутренних диалогах и их взаимопереходах. По аналогии с внешним диалогом возможно и выделение внутренних диалогов-споров и внутренних диалогов-унисонов, отличающихся друг от друга соотношением смысловых позиций, их совместимостью или несовместимостью. Отметим, что в случае общения человека с самим собой отличить внутренний диалог-унисон от внутреннего монолога особенно трудно, так как в первом случае есть сходные позиции, а во втором случае есть лишь одна смысловая позиция. Вероятно, их сходство обнаруживает один из узловых пунктов перехода внутреннего диалога во внутренний монолог и обратно.

Представление о существовании динамики форм общения человека с самим собой, в частности о возникновении внутреннего диалога, существенно обогащает и углубляет наше знание о процессах речевого общения человека с другим человеком. Дело в том, что осуществляемое посредством речи общение человека с другим человеком не является лишь каким-то чисто «внешним» общением (монологом или диалогом), так как оно порождает различные формы общения человека с самим собой, сопровождается, дополняется ими, нередко переходит в них или, напротив, ими

стимулируется. Рассмотрим эти процессы более внимательно.

Монологическое общение человека с человеком может вызвать к жизни скрытые, т. е. внутренние, реплики на внешнюю чужую речь. (Это — рассмотренные нами случаи внутреннего реплицирования двухголосым активным словом.) Могут развернуться и внутренние диалоги во время восприятия чужой монологической речи. Обычно эти явления зарегистрировать прямо не удается. Но выявить их все же можно, используя процедуру специально ориентированного опроса испытуемых после эпизода общения. Если у молчавшего во время внешнего монолога испытуемого возник внутренний диалог, то его мыслительный процесс должен приобрести самостоятельную направленность, и восприятие внешней речи должно полностью или частично прекратиться. Иногда после возникновения внутреннего диалога испытуемый продолжает чисто формально участвовать в общении с собеседником. Он продолжает внимательно смотреть на него, кивать ему головой в знак согласия и даже выражать свое отношение во внешней речи «Да... конечно, да...», но все это механически, без понимания чужой речи. Во время опроса такой испытуемый обычно говорит, что он отвлекся, перестал слушать говорящего и стал думать о своем. Он может рассказать, о чем думал, и даже иногда указать, в какой момент и под влиянием каких слов партнера у него возник внутренний диалог: «Он сказал... и я подумал, а почему...» Интересно, что если скрытые реплики на внешнюю чужую речь способствуют ее пониманию, отражают активный характер понимания слушающим воспринимаемой внешней речи, то возникновение внутреннего диалога препятствует внимательному восприятию чужой речи. И это понятно. Скрытые реплики все связаны с чужой речью. Они — реакция на эту речь. Высказывания же внутреннего диалога связаны и соотносены между собой, а не с чужой речью.

Вторым осложняющим монологическое общение моментом является возникновение внутреннего диалога во внешнем монологе. При этом речь говорящего становится формой его размышлений вслух в присутствии другого. При совместных решениях задач, когда партнер желает говорить не о том, о чем в это время думает его собеседник, для этого собеседника такая речь оказывается помехой. И он в свою очередь может попытаться «захватить» звуковое пространство и начать рассуждать вслух, обращаясь к партнеру с единственной целью — не дать ему говорить,

чтобы он не помешал думать. Подобное взаимодействие с партнером может остаться внешним монологом, а может превратиться в псевдообщение. Диалогические формы общения человека с другим человеком существенно осложняются процессами диалогизации его речевого общения с самим собой. Причиной возникновения внутреннего диалога у участника внешнего диалога может стать усиление взаимодействия с собеседником под влиянием его голоса, восприятия и усвоения его смысловой позиции. Внешние диалоги, по ходу которых у собеседников разворачиваются и их внутренние диалоги, — это наиболее сложные формы речевого общения человека с человеком.

Внутренний диалог, возникающий в ходе внешнего, содержательно с ним взаимосвязан, так как является его следствием. Это и позволяет утверждать, что мы имеем достаточно глубокий внешний диалог, глубокий, т. е. затрагивающий и внутренние диалоги собеседников. Если же возникший по ходу внешнего диалога внутренний диалог в дальнейшем потеряет с внешним содержательные связи, то внешний диалог может превратиться в псевдообщение. Это произойдет потому, что один из партнеров будет занят своими мыслями и сможет участвовать во внешнем диалоге только формально.

Внешний диалог может обрести глубину и иным способом. Иногда во внешний диалог вступает человек со скрытым внутренним диалогом. Внешний диалог его какое-то время не затрагивает и остается поверхностным. А в определенный момент, при очередном повороте сюжета внешнего диалога, он может затронуть внутренний диалог. И речевое общение партнеров превратится в сложный процесс, включающий и внутренние диалоги собеседников. Очевидно, что именно многообразие форм речевого общения человека с другим человеком вместе с многообразием форм его общения с самим собой определяет богатство их взаимосвязей, качественное своеобразие взаимодействий между ними.

Выводы:

1. Основными формами общения человека с самим собой являются внутреннее реплицирование, внутренний монолог и внутренний диалог. Необходимо выделить и случаи псевдообщения человека с самим собой.

2. Существует динамика форм общения человека с самим собой. Возможна его диалогизация или монологизация. Оно может свестись к простому реплицированию или перейти в псевдообщение. Внутренний диалог — лишь од-

на из форм общения человека с самим собой, и ее адекватное понимание возможно только в контексте существования других форм общения человека с самим собой.

3. Общение человека с другим человеком может усложняться за счет одновременного развертывания описанных выше форм общения человека с самим собой. Существуют тесные взаимосвязи и многочисленные взаимопереходы между формами внешнего и внутреннего общения.

Для адекватного понимания природы внутреннего диалога существенно выделение его особых форм — явных и скрытых внутренних диалогов. Это, в частности, позволяет уточнить различия между внутренним диалогом и внутренним монологом, осуществляемым двухголосым активным словом. Средством реализации внутренних диалогов может быть как внутренняя, так и внешняя речь.

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ

История систематических исследований психологами внутренней речи насчитывает около ста лет. Собран значительный эмпирический и экспериментальный материал, проведены интересные теоретические разработки. Привлечение этого материала к анализу проблемы внутреннего диалога должно сделать наши представления о нем более полными и разносторонними, поскольку именно внутренний диалог во внутренней речи является типичной формой внутреннего диалога. Эта форма внутреннего диалога представляет для психолога наиболее интересный и сложный предмет исследования. Интересный прежде всего своим значением в психической жизни личности, сложный своей труднодоступностью. Однако проблему внутреннего диалога вряд ли можно решить простым заимствованием фактов и теоретических положений из области исследований внутренней речи. Дело в том, что неизученность внутреннего диалога во внутренней речи — это одновременно и неизученность самой внутренней речи, непознанность одной из ее основных форм. Анализ внутренней речи в контексте проблемы внутреннего диалога открывает новые направления ее исследования, а заодно заставляет многое переосмыслить в старых представлениях о ней.

Для понимания процесса речи большое значение имеет определение соотношения между такими понятиями, как «язык» и «код». Как отмечает Н. И. Жинкин [39], о коде можно говорить в двух смыслах. В первом случае кодом

называют саму знаковую систему обозначений. Соответственно язык — это код. Во втором случае код — это определенный способ реализации языка [39, 29]. Такого понимания соотношения понятий «язык» и «код» мы и будем придерживаться.

Например, выбрав в качестве средства общения русский язык, можно применить различные коды. Устная речь, письменная речь, жестовая речь глухонемых и т. п. — все это будут примеры использования разных кодов одного языка. В устной речи используется определенное количество звуковых единиц — фонем. Их набор можно рассматривать как основной код конкретного естественного языка. При письменной речи обращаются к буквенному коду как определенной системе условных графических знаков. Если построенное посредством выбранного языка сообщение сначала передается одним кодом, а затем другим, то имеет место **внутриязыковой переход от одного кода к другому**. Для передачи сообщения на естественном языке в устной или письменной речи наряду с собственно лингвистическими обязательно используются и паралингвистические знаки. При устной речи — интонация, пауза, темп речи и т. п., при письменной — характер шрифта, подчеркивание, разрядка и прочие. Системы паралингвистических знаков, используемых в этих случаях, соответствуют друг другу не столь точно, как знаки фонемного и буквенного кодов. Поэтому переход от одного кода к другому в какой-то степени изменяет сообщение, но оно все-таки остается тем же самым сообщением, реализованным посредством того же языка.

Существование многократных прямых и обратных переходов от одного кода к другому, при условии сохранности сообщения, — хороший признак **внутриязыковых переходов**. Так, например, запись текста на слух с последующим чтением записанного текста приводит к его восстановлению. Если же мы попробуем для передачи сообщения воспользоваться другим, отличным от естественного, языком, то нам придется осуществить **перевод** сообщения на этот другой язык. В любом случае перевод сообщения с одного языка на другой в отличие от его перекодирования изменяет сообщение. Это легко обнаружить при попытке обратного перевода со второго языка на первый, когда восстановить сообщение не удастся. Например, по фрагменту текста художественного произведения можно создать к нему иллюстрацию. Но никогда эта иллюстрация не сможет быть такой, чтобы по ней можно было восста-

новить исходный текст. Это справедливо даже в том случае, когда иллюстрация оказывается сообщением более содержательным, чем ее источник.

Указания на различия между переходом от одного кода к другому и переводом с одного языка на другой преследуют главную цель: выделить речь как процесс порождения сообщения на естественном языке с использованием любого из возможных кодов, различая ее от процессов порождения, создания текстов на других языках. Это различие хорошо подчеркивается широко употребляемыми терминами — речевое и неречевое общение. Неречевое общение — это такое, при котором для общения используется язык, отличный от естественного. Таким образом, речь — это порождение, использование текста на естественном языке в процессе общения человека с другим человеком или с самим собой. В первом случае мы имеем адресованную реальному собеседнику внешнюю речь человека. Она строится так, чтобы была им воспринята, и изменяется в зависимости от его поведения. Во втором случае, при общении с самим собой, имеется внутренняя речь, т. е. речь, «непредназначенная для другого» [108], или «речь для себя» [28]. Эта речь не адресована другому собеседнику, не рассчитана на его восприятие и потому не является средством общения с ним. Именно функциональная направленность внутренней речи как речи для себя определяет ее принципиальное отличие от внешней речи. Другие же свойства внутренней речи, такие как свернутость-развернутость, громкость-беззвучность, понятность-непонятность иным реальным лицам [10; 108; 119], определяются указанной функцией и ситуацией, в которой она реализуется. Это убедительно показал Л. С. Выготский [28] в серии экспериментов, выясняющих природу эгоцентрической речи ребенка. Им было доказано, что эгоцентрическая речь — это речь, которая, оставаясь по форме внешней речью (слышимой, громкой), по функциям стала уже внутренней речью, речью для себя, и именно этим определяется ее свернутость, непонятность другому реальному собеседнику и т. п.

Правильному пониманию термина «внутренняя речь» способствует различение двух скрывающихся за ними объектов. К одному можно отнести то, что обычно называют внутренним говорением. К другому — совокупность процессов, удачно названных А. А. Леонтьевым внутренним программированием. Внутреннее программирование представляет собой необходимый этап реализации любого рече-

вого акта человека. Сравнивая между собой внутреннее программирование и внутреннее говорение, А. А. Леонтьев отмечает, что различия между ними — это различия между промежуточным звеном появления речи и звеном конечным. Внутреннее программирование необходимо для появления как внутренней, так и внешней речи. Его основой является неосознанное создание схемы отражаемой в речи действительности [64].

В отличие от А. А. Леонтьева Т. Н. Ушакова противопоставляет внутреннему говорению совокупность внутриречевых процессов, которые протекают в особом скрытом звене механизма речи и которые предваряют любое осмысленное говорение (будь то громкая, беззвучная или письменная речь), а у слушающего человека приводят к осмыслению воспринятой речи [126, 39]. Такую совокупность процессов, по мнению Т. Н. Ушаковой, можно назвать внутренним звеном речевого механизма. Т. Н. Ушакова справедливо утверждает, что именно внутреннему звену речевого механизма наибольшее внимание уделяют современные исследователи [126; 127]. Но нас в данной работе интересует прежде всего процесс общения человека с самим собой, и поэтому теоретическому анализу мы намерены подвергнуть именно речь, используемую человеком в процессе общения с самим собой, т. е. саму внутреннюю речь, а не процессы, ее порождающие. Употребляя термин «внутренняя речь», мы будем иметь в виду не процессы внутреннего программирования и не внутреннее звено речевого механизма, но и не только внутреннее говорение. В последнем случае сведение внутренней речи к внутреннему говорению грубо упрощает феноменологию общения человека с самим собой.

Среди современных исследователей есть по крайней мере один — Е. Гродзинский, уделивший специальное внимание вопросу о том, является ли внутренняя речь словесной [138]. Он отмечает, что в мировой литературе по психологии внутренней речи все авторы, кроме Н. И. Жинкина, рассматривают внутреннюю речь как словесную. Этот ученый высказал и попытался обосновать гипотезу о внутренней речи как универсальном предметно-образном, а не словесном коде [39; 40]. Е. Гродзинский выдвигает собственные контраргументы и приходит к выводу, что внутренняя речь имеет словесный характер, т. е. не является предметно-образным кодом. Рассуждения Е. Гродзинского основаны на сравнении слова как особого условного знака и предметного образа. Он демонстрирует недостаточность

образной формы мышления и обосновывает необходимость его словесных форм.

На наш взгляд, доводы Е. Гродзинского в некоторой степени даже излишни, хотя он, бесспорно, прав. Дело в том, что если Н. И. Жинкин имеет в виду предметно-образный код естественного языка, то тогда внутренняя речь — это речь словесная, только реализованная особым кодом. Если же подразумевается особый, отличный от словесного, язык, то тогда пользование таким языком будет особой формой коммуникации, общения человека с самим собой, но не будет внутренней **речью** по определению. С нашей точки зрения, существование наряду со словесными несловесных форм общения человека с самим собой вполне очевидно. Вопрос, однако, в том, как эти формы общения взаимодействуют между собой, как они переходят друг в друга, каковы функциональные возможности каждого из них. В несколько иной постановке — это вопросы о том, когда человек пользуется предметно-образным кодом естественного языка, а когда особым предметно-образным языком, как возможен и зачем нужен синтез словесного и образного языков и, наконец, чем образный язык отличается от представлений как вторичных образов предметов, т. е. в каких случаях можно говорить об особом предметно-образном языке, используемом человеком. Но при всех вариантах согласно определению внутренняя речь — это речь. Ее основа — естественный язык. Иное дело — внутреннее звено речевого механизма, в котором, конечно же, участвуют и другие, отличные от словесного, языки.

По поводу остальных аргументов Е. Гродзинского отметим, что они лежат совсем в иной плоскости и направлены на выяснение природы внутренней речи как периферийного или же как центрально-мозгового процесса. Это делается с целью проверить, насколько Н. И. Жинкину удастся экспериментально доказать свой тезис о предметно-образном характере внутренней речи. Вместе с тем главная цель Е. Гродзинского значительно шире. Он направляет свои усилия на подтверждение точки зрения, согласно которой внутренняя речь — это прежде всего речь воображаемая, представляемая, **несводимая к активности речедвигательного аппарата, к скрытым или явным артикуляциям**. Как будет показано в дальнейшем, этот аспект имеет важное значение для понимания природы и особенностей внутренней речи и внутреннего диалога. К его анализу мы и переходим.

Начнем с того, является ли внутренняя речь перифе-

рийным или центрально-мозговым процессом и обязательна ли для такой формы речи скрытая артикуляция. Вопросы эти связаны между собой, но не столь тесно, как это обычно представляется. Они соединены между собой нерасторжимой связью, по мнению «периферистов». Е. Гродзинский называет «периферистами» тех исследователей, которые или сводят внутреннюю речь к скрытой артикуляции, или считают скрытую артикуляцию обязательным компонентом внутренней речи, а «центристами» — исследователей, считающих скрытую артикуляцию не обязательным, а в лучшем случае лишь факультативным компонентом внутренней речи. Нельзя не согласиться с приводимым Е. Гродзинским мнением известного французского психолога П. Олерона, согласно которому «периферисты» не столько отрицают роль центрально-мозговых процессов во внутренней речи (таких просто нет), сколько лишь переоценивают значение периферийных процессов и недооценивают значение центрально-мозговых.

С нашей точки зрения, вопрос о роли периферийных процессов во внутренней речи ставится слишком узко. Когда говорится о периферийных процессах при внутренней речи, обсуждается, как правило, лишь участие в процессе внутренней речи речедвигательного анализатора и оставляется в стороне вопрос о периферийных процессах в самом слуховом анализаторе. Ведь известно, что в составе слухового анализатора, как и других, есть не только центростремительные, но и центробежные волокна. Учитывая это, ученые, утверждающие, что процесс восприятия, создания образа предполагает воспроизведение в анализаторе эффекта внешнего воздействия, пытаются доказать, что образ возникает не в центральных отделах анализатора, а во всем анализаторе, с обязательным участием рецепторов не только на начальном этапе восприятия, этапе реагирования на внешнее воздействие, но и на заключительной фазе формирования образа. Этот вопрос окончательно не решен, но он показывает, что можно не соглашаться с «центристами», признавать обязательность участия периферийных процессов в возникновении слухового образа речи, и при этом не утверждать необходимость участия скрытой артикуляции в рассматриваемых процессах. На этой основе можно сформулированные выше два вопроса развести и сосредоточить внимание на втором вопросе: является ли скрытая артикуляция обязательным компонентом внутренней речи? Что имеется в виду, когда говорится о скрытой вербализации? Слуховые представления речи, воображае-

мая речь или же обязательно и артикуляция, произнесение слов, хотя и скрытое, и фрагментарное?

Прежде всего отметим, что сейчас, после исследований скрытой артикуляции, проведенных А. Н. Соколовым [114], было бы большой ошибкой недооценивать ее значение в процессах внутренней речи. Но признание роли скрытой артикуляции не дает ответа на вопрос, что такое внутренняя речь — произнесение слов или их представление, воображение? То, что человек может скрыто произносить свою речь, — очевидный факт. Но может ли он представлять речь без опоры на активность речедвигательного анализатора?

Обратимся сначала к ситуации общения человека с другим человеком. При диалоге с реальным собеседником человек сталкивается с двумя видами речи: речь, которую он произносит сам (и сам воспринимает), и речь, которую произносит партнер. Своя речь ему дана и как ее кинестезический образ, возникающий в результате движений речедвигательного анализатора, и как слуховой образ. Чужая речь дана благодаря ее слуховому образу. Но нужна ли при этом скрытая артикуляция, та или иная степень повторения, произнесения чужой речи в момент ее восприятия? Этот вопрос подверг специальному исследованию А. Н. Соколов.

Для изучения роли скрытой артикуляции при восприятии испытуемым предъявляемого ему на слух текста он использовал методику речевых помех. В одном случае применялись приемы, затрудняющие скрытую артикуляцию (например, зажимание языка между зубами), в других — приемы, усиливающие постороннюю, заданную экспериментатором артикуляцию испытуемого, не имеющую отношения к воспринимаемому на слух тексту (счет шепотом от 1 до 20, тихое проговаривание предварительно выученного наизусть стихотворения).

Данные этого эксперимента позволили выяснить, что все виды речевых помех затрудняют в той или иной степени восприятие предъявляемого на слух текста. Наиболее сильной помехой было одновременное с восприятием текста произнесение заученного наизусть стихотворения. Вместе с тем была выявлена общая тенденция: по мере упражнения в выполнении задания в условиях помех влияние этих помех ослабевало, восприятие, понимание и воспроизведение предъявляемого текста становилось все более полным и точным. А. Н. Соколов специально просил группу испытуемых, на которых повторение заученного

стихотворения оказывало наиболее сильное влияние, продолжать заучивание до полного автоматизма. В конце концов и эти испытуемые смогли воспринимать, понимать и воспроизводить предъявляемую экспериментатором для восприятия речь при этой помехе так же хорошо, как и без нее.

А. Н. Соколов отмечает наличие скрытой артикуляции — фрагментарной, связанной с воспринимаемым текстом, возникающей в паузах произнесения заученного стихотворения, но подчеркивает, что эта скрытая артикуляция ни в коей мере не есть простой повтор того, что слышит человек. Она является средством закрепления воспринимаемого материала не столько потому, что позволяет воспроизводить его, сколько потому, что обобщает слышимое, позволяет создавать логическую схему материала и т. п. [114, 94]. Более того, А. Н. Соколов, убедившись в отрицательном влиянии помех на восприятие речи, проделал на себе очень показательный эксперимент. Он стал слушать речь диктора радио, заставляя себя дословно повторять все, что слышал. Результатом этого оказалась полная неспособность воспроизвести услышанное. Слова понимались, но целостного восприятия текста, его осмысления и запоминания не было, как и у испытуемых в экспериментах с речевыми помехами. Это позволяет сделать важный вывод о том, что для формирования представления о воспринимаемой речи и возможности ее воспроизведения произнесение этой речи в форме скрытой артикуляции не является необходимым. Представлять услышанную речь можно и без ее произнесения. До сих пор имелось в виду восприятие легких текстов и скрытая, фрагментарная артикуляция. В специальной серии экспериментов А. Н. Соколов демонстрирует, что восприятие сложных текстов (и другие виды сложной умственной деятельности) обязательно сопровождается скрытой, переходящей в явную артикуляцию, но и она не является простым повторением воспринимаемого.

Положение, согласно которому слуховые представления воспринятой ранее речи могут формироваться без обязательного воспроизведения ее речедвигательным анализатором воспринимающего человека, хорошо согласуется и с достаточно очевидными фактами, касающимися восприятия человеком сложных звуковых сигналов. Музыкант или композитор могут одновременно и дифференцированно воспринимать звучание многих инструментов оркестра. Ясно, что восприятие, а затем и воспроизведение в представле-

нии этого звучания не может опираться на воспроизведение человеком с помощью собственного речедвигательного анализатора нескольких **одновременно** звучащих инструментов. Дети на ранних этапах речевого развития еще не умеют произнести услышанные слова, но явно имеют соответствующие им слуховые представления. Аналогичная ситуация возникает и у взрослых при изучении иностранного языка. Многие слова оказываются знакомы, легко узнаваемы и даже понимаются, но произносятся с трудом, со значительным искажением. Вообще, человек может добиться больших успехов в имитации сложных звуков с помощью различных приспособлений (звуки шумов в работающем радиоприемнике, рев самолетного мотора и многое другое), демонстрируя, что он прекрасно представляет себе эти звуки. Но при этом он не может воспроизвести их своим голосом. Следовательно, в процессе восприятия чужой речи и сложных звуковых сигналов формируются соответствующие слуховые представления о них без обязательного посредничества речедвигательного анализатора.

Но если можно иметь достаточно полное детализированное представление о чужой речи, причем представление осмысленное, достаточно независимое от активности речедвигательного анализатора, то почему нельзя иметь такое же представление о собственной речи? Почему ее нельзя представить, вообразить без произнесения? Некоторые различия между этими двумя случаями — представить чужую и собственную речь — все же есть. В первом случае было воздействие — речь. Она воспринялась и запомнилась. Возникло представление об этой речи. Представление о том, что было. Когда же говорится о представлении, воображении собственной речи, т. е. текста, который не был услышан, а порождается субъектом, то образца нет. Поэтому нет возможности говорить о представлении как «вторичном образе», а можно говорить лишь о воображении. Поскольку же возможности воображения речи без соответствующих артикуляций не обсуждались, приведем дополнительные аргументы. Прежде всего отметим, что воспринятая чужая речь без специального заучивания никогда не воспроизводится дословно, а следовательно, и не представляется дословно. Воспроизводится и представляется всегда новый текст, не повторяющий буквально исходный. Кроме того, известно, что воображение строится на основе представлений, как особое манипулирование ими, комбинирование, модификация и т. п. Такой процесс может проте-

кать и произвольно, и непроизвольно. Эти два момента показывают отсутствие в рассматриваемом случае принципиальных различий между представлением речи и ее воображением. Следовательно, есть основания утверждать, что формирование представления о чужой воспринимаемой речи, представление собственной произнесенной ранее речи и воображение как чужой, так и собственной речи — это процессы, которые несводимы к процессам их скрытого артикулирования. Иными словами, представление речи, воображение речи следует рассматривать как самостоятельный психический процесс. Этим, естественно, не отрицается, что в некоторых случаях они могут осуществляться с опорой на артикуляцию, на более или менее полное произнесение представляемой и воображаемой речи.

На наш взгляд, исследование А. Н. Соколова содержит крайне поучительный материал о возникновении представляемой, воображаемой собственной речи в процессе восприятия чужой речи (предъявляемого экспериментатором текста) на фоне вынужденного произнесения заученного наизусть стихотворения. Анализ материалов позволяет восстановить следующую картину. В начале эксперимента испытуемый ясно слышит, осознает и понимает произносимое им стихотворение (помеху). Предъявляемый текст слушает, но не понимает и воспроизвести не может. В конце эксперимента испытуемый произносит стихотворение совершенно автоматически, не осознавая и не понимая, что произносит. Если собьется, то не может вспомнить, где остановился, вынужден начинать произносить текст сначала. При этом предъявляемый текст не только слушает, но и отлично слышит, все понимает, может легко и полно пересказать. Между этими двумя крайними точками эксперимента и происходит становление собственной внутренней речи испытуемого. У него появляется возможность, не повторяя слов, просто думать по поводу воспринимаемого. «Думать» означает, что у испытуемого возникают вопросы и ответы по поводу слышимого текста, ассоциации, комментарий к нему. Приводя эти данные, А. Н. Соколов не дает, однако, прямого ответа на вопрос, что же это была за внутренняя речь, хотя ясно, что ее нельзя свести к скрытым артикуляциям. Более того, он задает вопрос, не была ли эта речь слуховыми образами? Опрос испытуемых показал, что ясно слышимые слуховые образы (представления) у них были, но они оказывались мимолетными, фрагментарными. А некоторые отмечали и то, что, когда появились ясные слуховые образы прочитанного, никакого

осмысления воспринимаемого не происходило. Но если внутренняя речь не была оформлена ясными, отчетливыми слуховыми образами и если ее нельзя свести к скрытым артикуляциям, то что же она собой представляет?

На наш взгляд, подобным явлениям можно дать вполне определенное объяснение. Когда А. Н. Соколов спрашивал испытуемых о появлении у них слуховых образов, то они ему отвечали, что такие были или что их не было. По всей видимости, имелись в виду ясные, отчетливые, полные слуховые образы по типу **эйдетических представлений**. Нам кажется, что и другие исследователи, говоря о слуховых представлениях, часто неявно предполагают наличие эйдетических представлений. А когда таких не обнаруживается, утверждают, что слуховых представлений нет вообще. На самом же деле обычные, неэйдетические представления и не предполагают подобного ясного, полного, детализированного слухового образа. Здесь уместна аналогия со зрительными представлениями. Я сижу в лаборатории, смотрю прямо перед собой и вижу стол, на котором стоит прибор, рядом стулья, за ними открытое окно. Но вот я закрываю глаза и пытаюсь представить увиденное. Несколько мгновений я действительно что-то вижу, хотя глаза закрыты, но затем собственно образ исчезает, хотя сохраняется ясное представление о том, что было передо мной. И я даже могу дать описание виденного, могу на основе представления совершить определенные действия. Например, указать, где окно, дотронуться с закрытыми глазами до прибора. Это и есть **обычное представление**. В отличие от него эйдетическое представление переживается иначе. Когда однажды, после длительных усилий, мне удалось на непродолжительное время вызвать эйдетическое представление той же ситуации, то ощущение было такое, словно веки стали совершенно прозрачными. Имело место полное совпадение представляемого и виденного. По аналогии со зрительными представлениями следует различать обычные и эйдетические слуховые представления. С учетом этого становится понятным, что, когда испытуемый по ходу восприятия текста «просто думает», а в ответ на вопрос, были ли слуховые образы, отвечает «нет», у него и возникают вопросы, ассоциации, комментарий по поводу услышанного, но не в форме эйдетических представлений.

Напомним, что мы ищем ответы на вопросы, является ли скрытая артикуляция обязательным компонентом внутренней речи? Что имеется в виду, когда говорится о скрытой вербализации? Нет ли какой-то особой формы

внутренней речи, отличной от речи-артикулирования?

Известно, что нередко человек пользуется такой внутренней речью, которая отличается от внешней речи разве только отсутствием звука. То есть человек произносит слова, можно заметить шевеление его губ и т. п. Это произносимая артикулируемая внутренняя речь (внутреннее проговаривание). Но А. Н. Соколов, давая испытуемым задание произносить заученное наизусть стихотворение, загрузил их речедвигательный анализатор и предложил воспринимать текст, предъявляемый на слух. Текст нужно осмысливать, понимать. И у испытуемых не сразу, но такая возможность появилась. Они стали думать о тексте, причем в форме вопросов и ответов, т. е. в явно речевой форме. Спрашивается, что же это за внутренняя речь? Ведь скрытой артикуляции здесь нет. Вернее, она есть, но только крайне фрагментарная, не вмещающая в себя те вопросы, ответы, комментарии, воспоминания по ассоциации, о которых говорили испытуемые. Можно бы ответить, что это не произносимая, а представляемая в виде слуховых образов речь. Но ведь А. Н. Соколов специально спрашивал испытуемых о слуховых образах речи. И получил фактически отрицательный ответ. И вопрос о природе такой внутренней речи остался открытым.

По нашему мнению, такая внутренняя речь, которая несводима ни к скрытым или явным артикуляциям, ни к эйдетическим слуховым представлениям, — это речь в виде **последовательности обычных слуховых представлений речи с предельно ослабленной выраженностью чувственной образной формы**. В эксперименте А. Н. Соколова, когда речевой анализатор оказался загружен помехой, у испытуемых активизировалась внутренняя речь в виде последовательности обычных слуховых представлений речи, представляемая внутренняя речь. Именно предельная ослабленность ее образной формы и дала повод испытуемым говорить о «чистом» содержании, «чистом» мышлении.

Таким образом, из всего изложенного можно сделать следующий вывод: внутренняя речь может быть как речью произносимой (т. е. речью, основой которой является более или менее выраженная артикуляционная активность речедвигательного анализатора), так и речью воображаемой, представляемой. При этом можно различить внутреннюю речь в виде эйдетических и в виде обычных представлений. Мы имеем в виду, что один вид речи имеет яркую образную форму, а второй — предельно ослабленную.

В остальном это именно представляемая речь, а не просто представление речи, которое в некоторых случаях может и не быть формой внутренней речи.

Что же касается произносимой артикулируемой речи, то ее не следует ограничивать только формами скрытой фрагментарной артикуляции. Есть ряд случаев, когда внутренняя речь как бы прорывается наружу. Этот вопрос нашел отражение в исследовании Е. А. Шевалева «О мышлении вслух при психических заболеваниях» [132]. В нем автор специально анализирует случаи возникновения и у психически здоровых людей высказываний в присутствии других, не адресованных им, а также подобных, вслух произносимых, высказываний в одиночестве. Он заявляет, что такие явления можно рассматривать как норму для ребенка определенного возраста (эгоцентрическая речь по Ж. Пиаже), отмечая при этом различные прорывы речи во вне на фоне эмоциональных состояний. Интересные материалы на эту тему имеются в статье М. Горького «Люди наедине с собой», основанной на воспоминаниях автора [35]. Вопрос о внешних проявлениях внутренней речи специально анализировал И. В. Страхов. Он подробно рассмотрел весь ряд переходов от скрытой артикуляции до законченных словесных формулировок, хорошо воспринимаемых внутренним слухом, и далее, включая различные внешние проявления внутренней речи: непроизвольные проговаривания не вполне определенных звуковых комплексов в состоянии эмоциональной возбудимости, открытая артикуляция слов и фраз внутренней речи, их громкое проговаривание как форма запоздалого реагирования на предшествующее обсуждение или спор, открытое формулирование для себя, без обращения к собеседнику тех или иных положений по ходу мыслительного процесса и т. п. [121]. Отметим попутно, что для И. В. Страхова внутренняя речь — это именно та или иная форма произнесения слов от молчаливого, беззвучного до громкого, слышимого даже другим человеком. О воображаемой, представляемой внутренней речи как самостоятельной ее форме он не говорит. И хотя автор отмечает, что «нередко внутренняя речь отчетливо воспринимается внутренним слухом, приобретает ясно выраженную «ощутимость», приближающуюся по своей чувственной яркости к восприятию внешней речи», он имеет в виду, видимо, такой своеобразный аккомпанемент, сопровождающий артикуляции или слуховое восприятие произносимой речи [121].

Что же касается Е. Гродзинского, то его позиция ока-

зывается прямо противоположной. На основе критического анализа значительного количества работ по психологии внутренней речи он формулирует следующее положение: «Если бы какое-нибудь исследование установило наличие у исследуемой особы микродвижений органов речи без одновременного переживания в какой-нибудь форме воображений слов,— о внутренней речи нельзя было бы ничего сказать. Напротив, если существуют воображения слов, выражающих определенную мысль, существует тем самым и внутренняя речь, независимо от того, удалось ли в данном случае экспериментально установить скрытую артикуляцию» [138, 56]. В этом положении Е. Гродзинского нам кажется наиболее интересной попытка обозначить роль скрытой артикуляции в определении внутренней речи. Действительно, если скрытая артикуляция столь скрыта, что ее можно обнаружить только с помощью особо чувствительного прибора, а сам человек ее не замечает, то это, конечно, чисто физиологический процесс, на основании которого нельзя однозначно определить существование внутренней речи как психического процесса. В то же время Е. Гродзинский, по-видимому, несколько упрощает картину, определяя внутреннюю речь лишь как воображаемую, представляемую. Вероятнее всего, самостоятельная актуализация представления речи, ее воображение вместе с произнесением текста на естественном языке — **две основные равноценные формы внутренней речи человека.**

Для подтверждения идеи о двух относительно самостоятельных формах внутренней речи человека как речи слышимой, воображаемой и речи произносимой может быть использован очень убедительный, на наш взгляд, материал из области патологии психики. Как известно, при наличии вербальных галлюцинаций человек может слышать не только один голос, он может в одном эпизоде слышать несколько голосов, обращающихся к нему или разговаривающих между собой. Иногда голоса как бы разговаривают одновременно. Д. М. Менделевич сообщает, что больной, которого он наблюдал, различал до 19 слышимых им голосов. Этот факт приводится именно как возражение против сведения слуховых галлюцинаций (слышимых голосов) к внутренней произносимой речи галлюцинирующего [83]. Действительно, как при представлении звучания целого оркестра трудно свести такое представление к активности одного речедвигательного анализатора, так и при слуховых галлюцинациях, когда больной слышит одновременно несколько голосов, трудно вывести эти слышимые голоса

из активности органов речи больного, свести его слышимую речь к им произносимой, артикулируемой.

Больные со слуховыми галлюцинациями не только слышат голоса, но и вступают с ними в общение, ведут диалоги. В этом случае важно следующее: ведя такой диалог, больной произносит лишь свои слова, а все то, что говорит слышимый голос (голоса), он именно слышит. О содержании происходящего диалога врач, если он находится рядом, может догадаться, но лишь по словам, произносимым больным (не считая, конечно, его мимики, жестов, действий), примерно так, как мы можем догадаться о содержании телефонного диалога, идущего в нашем присутствии, если слышим речь лишь одного из собеседников. Похоже выглядят и наблюдаемые иногда разговоры во сне ребенка или взрослого. Спящий говорит во сне вслух лишь за себя, а речь своего собеседника слышит! На наш взгляд, эти диалоги иллюстрируют достаточно независимое существование у спящего как слышимой, так и произносимой им речи. Но эти диалоги демонстрируют и единство этих видов речи: внутренний диалог оказывается реализован не одним, а двумя видами внутренней речи. Вообще, во время сна у человека может найти свое выражение вся гамма разновидностей внутренней речи: и ясные, слышимые во всей чувственной определенности голоса (свой и чужие), и беззвучное говорение, и громкая четко различимая речь (так называемое сноговорение), и монологи, и диалоги, и простое реплицирование. Словом, анализ речи человека во время сна — область, представляющая большой интерес для исследований как нормальной [120, 48], так и патологической психики [132].

Совершенно сходная картина наблюдается и при псевдогаллюцинациях, описанных В. Х. Кандинским [48]. Основное отличие псевдогаллюцинаций от галлюцинаций, по его мнению, состоит в том, что, несмотря на яркость, образность слышимых голосов при псевдогаллюцинациях, больные относят их к субъективной реальности, помещают их внутри себя, а не к объективной, как при галлюцинациях, когда голоса относятся к определенным местам внешнего пространства. О таких слышимых при псевдогаллюцинациях голосах больные говорят, что они воспринимают их «внутренним слухом». Эти псевдогаллюциаторные голоса обращаются к больному, комментируют его поведение, приказывают совершить определенные действия, переговариваются между собой. Больной может вступить с ними в более или менее развернутый диалог.

Слуховые псевдогаллюцинации существенно отличаются от другого рода патологических явлений, так называемого простого (не чувственного) насильственного мышления, при котором больные «слышат мысль без посредства звука», говорят, что «одарены шестым чувством», что «могут воспринимать мысль без посредства слов». Некоторые из больных называют это явление «мысленным внушением», «мысленной индукцией», отличая его от «внутреннего слушания». Отметим, что больные «могут вести со своими невидимыми собеседниками интимные разговоры», в которых «чувство слуха положительно не играет никакой роли» [48, 88]. Таким образом, основное отличие псевдогаллюцинаций от насильственного мышления состоит в том, что в первом случае воспринимаемое больным содержание оформлено в словах, в голосе, а во втором — оно воспринимается как бы полностью лишенным своей словесной оболочки.

Понятно, что при слуховых псевдогаллюцинациях имеет место внутренняя речь на уровне эйдетических представлений, а при насильственном мышлении — внутренняя речь на уровне обычных представлений. Очень убедительно различия двух уровней представляемой речи выступают в самоописании больной С., приводимом Л. Л. Рохлиным и Т. А. Климушевой. Вот как эта больная передает свои состояния. Первое соответствует по форме эйдетическим представлениям: «Тихо, где-то внутри меня доносятся фразы отсутствующих поблизости людей с **восприятием звуковых особенностей их голоса...** Иногда слышится голос одного человека, чаще это или диалоги, или голоса множества людей». А вот второе состояние, соответствующее по форме обычным представлениям: «При сочении мыслей их трудно отделить от моих собственных, я различаю их от своих мыслей по вульгарному содержанию. Иногда же эти чужие мысли неотличимы от моих собственных и я «вбираю» их как свои собственные» [107, 135].

Оказывается, что подобные переходы во внутренней речи от одних разновидностей к другим у того же самого больного по ходу его болезни являются, видимо, закономерностью. По данным А. С. Познанского, развитие галлюцинаций у шизофреника идет от «чужих мыслей» через промежуточные этапы к «ясно слышимому голосу» и обратно. Например, у больного Ф. эта последовательность выглядит так: «мнительные голоса» (чужие, но исходящие из его же головы, беззвучные); «гортанный голос» (средний по силе, грубоватый, мужской, незнакомый, т. е. здесь

налицо чувственная определенность); вновь чужой «мнительный голос» — чужой голос, неотличимый от собственного голоса больного. Определения «мнительный» и «гор-таный» принадлежат больному [97, 136—137].

Мы не склонны отождествлять речь типа эйдетических представлений у психически здоровых лиц со слуховыми галлюцинациями или псевдогаллюцинациями. Нам важно подчеркнуть одно. И те и другие по яркости сродни эйдетическим представлениям и этим резко отличаются от обычных слуховых представлений. Но тем не менее известно, что обострения эйдетизма точно соответствуют состояниям, в которых у больных появляются галлюцинации. Это справедливо и по отношению к зрительному эйдетизму и по отношению к слуховому [88; 100].

Наряду со слуховыми псевдогаллюцинациями, при которых больные принуждены слышать голоса (как при галлюцинациях), и «при всех стараниях они не в состоянии отрешиться от этих внутренних речей» [48, 84], существуют формы психопатологии в виде непроизвольного насильственного говорения. В одних случаях — это действительное (внешнее, громкое) говорение, когда, например, больной, обращаясь к другому человеку, собирается сказать одно и вдруг, неожиданно для себя, говорит что-то совсем иное, в других — это лишь внутреннее говорение, возникающее независимо от воли и намерений больного. Подвергнув эти случаи специальному анализу, В. Х. Кандинский приходит к выводу о необходимости строгого различения внутреннего слушания и внутреннего говорения самих больных [48, 102, 147]. При внутреннем говорении «больные не имеют никакого субъективного возбуждения в кортикальной слуховой сфере, но лишь чувствуют более или менее насильственный двигательный импульс к кричанию, к произнесению тех или иных слов, фраз, целых монологов или диалогов... Если больной произвольным усилием воли не подавляет эту непроизвольную или даже насильственную иннервацию или если последняя происходит с большой силой, то голосовой аппарат может в самом деле прийти в действие, так что в результате получают непроизвольные крики, непроизвольно произносимые слова и фразы» [48, 102]. Существенно, что иногда непроизвольное говорение — это как бы естественное следствие психического возбуждения. Например, несмотря на сдержанность и осторожность больного, бред его иногда прорывается наружу как в виде определенных поступков, так и в словах. Он об этом потом сожалеет. Однако больной может вести себя и

совершенно иначе — наподобие заведенной куклы. О подобном явлении В. Х. Кандинский писал: «Это было именно не столько говорение, сколько, скорее машинообразное болтание, нечто напоминающее трескотню будильника, внезапно начавшего трезвонить и слепо действующего, пока не разовьется пружина. При этом «Я» больного находилось как бы в положении стороннего наблюдателя...» [48, 106]. Это и есть собственно насильственное говорение. Д. М. Менделевич описывает больную, которая изобрела оригинальный способ борьбы с насильственным говорением. Она в течение двух лет постоянно держала язык рукой, так как в противном случае он «начинал разговаривать» помимо ее воли и «говорил всякие глупости» [83, 208].

В плане обсуждаемого вопроса о существовании двух относительно самостоятельных форм внутренней речи, на наш взгляд, принципиален сделанный В. Х. Кандинским вывод: «Внутреннее говорение больных и фактически и теоретически противоположно с внутренним слышанием больных, т. е. с псевдогаллюцинациями слуха; нельзя в одно и то же время внутренне говорить и внутренне слышать, и клинические наблюдения прямо показывают, что хотя оба эти явления могут замечаться у одного и того же больного, но не иначе как в разное время» [48, 108]. Рассуждения В. Х. Кандинского направлены на то, чтобы отличить псевдогаллюцинации от других психонатологических явлений. Если бы псевдогаллюцинации существовали одновременно с внутренним говорением и если бы, добавим, у больного при этом происходила артикуляция, то трудно было бы настаивать на различии данных форм патологии. В то же время заметим, что у слуховых псевдогаллюцинаций и принудительного говорения есть одна общая черта — и тот и другой процесс воспринимаются больным как «чужие». Они являются отчужденными формами его психической активности, тем, что называют психическими автоматизмами. Однако наряду со слышимыми или произносимыми «чужими» мыслями, у больного есть и «свои». Он слушает, что помимо воли сам говорит, сравнивает с тем, что собирался сказать, обдумывает слышимое, понимает, например, что сейчас его язык выболтает всем тщательно скрываемую тайну. Следовательно, одновременно с продуцированием «чужой» речи, «чужих» мыслей у больного имеются и свои мысли, а значит, и своя речь. Аналогично обстоит дело и при наличии слуховых псевдогаллюцинаций. Это свидетельствует о том, что у больного каким-то образом одновременно протекают два различных

речевых процесса, один из которых является отчужденным и развивается автоматически, а второй осознается как продукт собственной активности.

В заключение анализа психопатологических явлений подчеркнем, что В. Х. Кандинский, сближая простое (не образное) насильственное мышление и внутреннее говорение, отмечая тесную связь между ними, все же не отождествляет их. О справедливости этой мысли свидетельствуют и некоторые факты из опыта занятий аутогенной тренировкой. В частности, на фоне достаточно глубокого расслабления в ходе этих занятий человек иногда наблюдает у себя насильственное течение мыслей, однако без каких-либо побуждений к их произнесению. Вероятнее всего, что речевой формой этих насильственных мыслей являются обычные, т. е. нейдетические, представления, при которых словесная оболочка мыслимого содержания почти лишена образности, «телесности». При такой слабой выраженности чувственных компонентов речи человек может сказать, что он воспринимает «чистую» мысль. Этим в значительной степени объясняется возможность спутать такую, актуализируемую в форме обычного нейдетического представления, речь с речью произносимой, так как при внутреннем говорении артикуляция звуков крайне ослаблена, фрагментарна, схематична.

Таким образом, указывая на существование в психопатологии двух групп явлений — разнообразных форм вынужденного слышания голосов и вынужденного говорения, мы подтверждаем нашу мысль о существовании двух основных относительно самостоятельных форм внутренней речи — речи произносимой и речи представляемой. Связь описанных выше явлений с расстройством внутренней речи больного отмечалась неоднократно, однако общепризнанной не стала [83]. Возможно, основной причиной этого является то, что высказывавшие подобную идею психиатры обычно рассматривали внутреннюю речь именно как внутреннее говорение, а потому вынуждены были искать способы сведения представляемой, слышимой речи к речи произносимой. Такой логикой продиктованы попытки обнаружить скрытую артикуляцию, скрытое говорение больного в то время, когда у него есть слуховые галлюцинации [83]. При этом, на наш взгляд, имеются по крайней мере две недостаточно учитываемые особенности. Во-первых, если ставится задача показать, что при слуховых галлюцинациях и псевдогаллюцинациях есть одновременно и выраженная активность речедвигательного аппарата, то в ре-

зультате остается все же не ясно, с чем она связана. Со слышимой больным речью или с произносимой им самим речью в ответ на слышимую, как комментарий к ней? Ведь известно, что возможен даже диалог больного со слышимыми голосами. Если же задача ставится более конкретно: зарегистрировать активность органов речи больного именно тогда, когда он слышит речь, то, во-первых, ответный комментарий, по крайней мере в нормальном диалоге, при нормальном восприятии чужой речи, может быть именно **во время** этой речи, если слушающий понял, догадался, что ему хотят сказать и т. п. [46]. Во-вторых, не учитывается, на наш взгляд, еще один принципиальный момент, связанный с существованием идеомоторных движений, которые вызываются именно соответствующими представлениями. Известно, что при звучащей мелодии навязчивого характера именно эта мелодия провоцирует ее тихое, а иногда и громкое пропевание. Иными словами, наряду с процессами, при которых речевая артикуляция вызывает соответствующие представления, происходят и такие процессы, при которых сами слуховые представления вызывают определенную артикуляцию, произвольную речедвигательную активность. И в том и в другом случае имеет место тесная связь речедвигательного и слухового анализаторов. Но тем не менее это два различных процесса. Бесспорно, прав Д. М. Менделевич, утверждая, что существует много фактов, показывающих связь слуховых галлюцинаций и псевдогаллюцинаций с внутренней речью человека. Но правильное понимание этой связи зависит и от того, как исследователь понимает саму внутреннюю речь.

Нам представляется, что рассмотренный материал подтверждает правомерность достаточно широкого определения внутренней речи человека как речи для себя (Л. С. Выготский) или как непредназначенной для другого речи (С. Л. Рубинштейн). Если последовательно придерживаться такого определения внутренней речи, к ней придется отнести все разнообразие речевых процессов, возникающих у человека и не адресованных другому реальному собеседнику. Тогда нам не придется подобно И. В. Стрехову, рассматривая виды речи человека во время сновидений, называть один из них внутренней речью (то, что соответствует внутреннему говорению), а остальные виды оставлять вне определения «внутренняя речь» и в то же время говорить о внутренних диалогах, которые явно образованы не только внутренним говорением [120]. А самое

главное, в пользу такого достаточно широкого понимания свидетельствует существование непрерывных переходов всевозможных разновидностей внутренней речи друг в друга и их функциональное единство: все эти виды речи порождаются самим человеком и необходимы ему.

Таким образом, все выше сказанное о существовании двух относительно самостоятельных форм внутренней речи не предполагает разрыва между ними. Напротив, задача состоит в том, чтобы показать, как эти формы внутренней речи взаимодействуют друг с другом, значительно усложняя наше представление о внутренней речи.

Поскольку о произносимой внутренней речи написано довольно много, остановимся прежде всего на речи представляемой, воображаемой. Один из первых вопросов, на который следует ответить, состоит в следующем. Является ли такая речь речью как процессом порождения некоторого сообщения в ходе общения человека с самим собой? Вопрос возникает в связи с тем, что в основе этого вида внутренней речи лежит представление, вторичный образ, т. е. процесс памяти. С воображаемой речью ситуация более определенная, так как воображение хотя и основано на памяти, на представлении, но все же к нему не сводится. Оно включает манипулирование представлениями, их комбинирование, трансформацию и т. п. Это действительно процесс порождения нового текста. И психиатры, анализирующие содержание слуховых галлюцинаций, отмечают, что такая речь является новообразованием, а не простым воспроизведением ранее слышанной чужой речи [83]. Что же касается представляемой внутренней речи, то принципиальное значение имеют ее отличия от просто процесса речевой памяти.

Если имеются представления речи, т. е. воспроизведение ранее слышанной речи, следует различать два случая. К первому отнесем любые воспроизведения речи в памяти человека, не имеющие отношения к процессу его общения с самим собой. Так, например, у автора этих строк после прочтения какого-нибудь захватывающего детектива в течение некоторого времени в сознании всплывают слуховые образы отдельных фраз или их обрывков, какие-то слова и т. п. Они возникают произвольно, вне связи с происходящим, не образуют единый смысловой ряд, быстро исчезают. Такие состояния схожи с описанным выше явлением насильственного течения мыслей, возникающим в ходе занятий аутогенной тренировкой. Данные мысли не есть комментарий к происходящему, не связаны с ним содержа-

тельно, не включены в процесс общения с самим собой. Это вторичные образы речи, которые речью в точном значении слова не являются. В отличие от них представляемая внутренняя речь воспроизводится или как фрагмент высказывания, или как самостоятельное высказывание. Это означает, что представляемая речь включена в процесс общения и является именно речью — использованием языка в качестве средства общения. В данном случае общения с самим собой. При этом не существенно, если какие-то фрагменты речи будут воспроизводиться непроизвольно. Главное, что функционально они будут компонентами процесса общения.

У человека почти нет актуализируемых речевых представлений, выпадающих из процесса его общения с самим собой и не являющихся высказываниями. Именно в форме высказываний мы часто вспоминаем полюбившиеся поговорки, меткие выражения. Они вспоминаются в определенных ситуациях и, актуализированные в памяти, оказываются комментарием к происходящему: «Снешни медленно» или «Дело мастера боится» и т. д. В каждом новом случае припоминания, актуализации высказывания оно будет звучать с новой интонацией, с новым смысловым оттенком, так как станет выражением нового состояния субъекта в новой жизненной ситуации, станет новым высказыванием. Следовательно, воображаемая и представляемая речь, если она актуализирована в сознании как высказывание, как компонент, момент процесса общения, является именно речью, а не простым процессом памяти. Но ясно, что в этом процессе роль памяти особенно велика. И может быть, не менее серьезной и значимой, чем проблема «внутренняя речь и мышление», является проблема «внутренняя речь и память».

Таким образом, говоря о внутренней речи, мы в дальнейшем будем иметь в виду все формы речи, образующие процесс общения человека с самим собой: и громко произносимые, развернутые фрагменты речи, однако предназначенные только для себя, и речь, произносимую тихо, про себя, свернуто, и речь, представляемую на уровне обычных слуховых представлений, почти лишенную словесной (образной) оболочки и поэтому часто называемую чистой мыслью, и речь, представляемую на уровне эйдетических образов, со всеми особенностями звучащего голоса, и слуховые псевдогаллюцинации и галлюцинации. Именно то, что все они могут включаться во внутренние диалоги, позволяет, несмотря на имеющиеся различия, объединить

их вместе и рассмотреть в качестве самостоятельных форм реализации одного и того же процесса.

Поскольку внутренняя речь была определена как речь словесная, основанная на естественном языке, то ясно, что процесс общения человека с самим собой не сводится лишь к его внутренней речи. Как и при общении человека с другим человеком, в общении с самим собой могут быть использованы и невербальные средства. Так, И. В. Страхов отмечает, что иногда внутренняя речь (точнее было бы сказать — процесс общения с самим собой) проявляется вовне в виде мимических реакций удивления, радости и т. п., в виде выражающих согласие кивков головы и прочего [121]. Отметим и то, что как внешняя, так и внутренняя речь может быть выражена различными кодами. Иногда представляемая речь может быть не слышимой, а видимой. Примеры таких явлений представлены в работе А. Л. Погодина [96]. Эту видимую словесную внутреннюю речь не следует смешивать с языком образов, который также может использоваться как средство общения с самим собой (рисунки, эскизы, схемы и т. п.). Словом, многообразие форм общения человека с самим собой едва ли значительно уступает многообразию форм общения человека с другими людьми. Их учет необходим для правильной оценки всего многообразия внутренней речи. Теперь можно перейти к рассмотрению некоторых особенностей внутренней речи. Вывод о том, что произносимая и представляемая речь являются двумя относительно самостоятельными формами, заставляет частично пересмотреть, частично просто уточнить и дополнить традиционные определения этих особенностей.

Прежде всего отметим, что внутренняя речь человека с его личной точки зрения может рассматриваться как **собственная** речь, а может как **отчужденная** или даже просто **чужая**. Особенностью чужой речи является то, что она выражает иное, отличное от собственного понимание происходящего, чужую или чуждую мысль. В крайних патологических случаях отчужденная речь воспринимается больным как независящая от его воли, не связанная с его намерениями, а то и прямо противоречащая им.

Степень отчужденности внутренней речи может усиливаться ее особым грамматическим строем, тем, что она формируется как обращение к самому порождающему, анализирующему ее субъекту во втором или даже в третьем лице [49]. Отчуждение усиливается и за счет воспроизведения конкретных, чувственно воспринимаемых особен-

ностей чужого, т. е. отличающегося от собственного, голоса. При этом могут воспроизводиться чужие интонации и акценты, тембр и манера говорить, особенности лексики и т. п. Вспомним в этой связи слуховые псевдогаллюцинации и автоматическое говорение чужим голосом. И наконец, возможна такая степень отчужденности внутренней речи, при которой эта речь оказывается даже относимой к каким-то вне субъекта находящимся точкам пространства (слуховые галлюцинации). Конечно, такие крайние случаи отчуждения собственной внутренней речи характерны для патологии. Но различные степени отчуждения внутренней речи, бесспорно, присутствуют и в норме, причем не только в таких случаях, как сновидения или, скажем, различные формы фантазирования, грез, но и в самых обычных ситуациях, когда человеку приходится сталкиваться с чужими мнениями, учитывать их, принимать на их основе решения и т. п.

Как отмечалось, отчуждение собственной речи встречается не только во внутренней речи, но и во внешней, в ситуации общения с другим человеком. Типичный случай — необходимость передать чужую мысль, чужие слова. Дистанция между говорящим и произносимыми им словами может задаваться с помощью специальных лексических средств типа «он сказал», «существует мнение», а может и определяться эмоционально-экспрессивными компонентами высказывания. Последнее характерно, например, для таких форм познавательного процесса, при которых субъект подчеркивает свою беспристрастность, объективность. Таковы, например, стилистические особенности научного текста. Вспомним и о многообразных формах пародирования, утрирования акцентов и тому подобных формах воспроизведения чужой речи. Отмечавшаяся ранее способность воспроизводить чужую речь в собственной — это и есть одновременно способность отчуждать собственную речь. Впрочем, естественно, есть и процесс присвоения чужой речи, стирание присущих ей особенностей, овладение ею и т. д.

Существование разных форм внутренней речи дает человеку дополнительную возможность различить чужую и собственную речь. Это имеет место в тех случаях, когда, например, чужую речь человек представляет (слышит), а свою произносит. Любопытно, что рассматриваемый аспект внутренней речи имел практическое значение для христианских мистиков. Наблюдая за выражением своей мысли в слове, они испытывали затруднения, желая отличить

эту произносимую про себя речь от внушений посторонней силы. Например, Тереза де Ахумада, жившая в XVI в., попыталась определить отличительные особенности своей внутренней речи от слышимых ею «сверхъестественных слов», т. е. от своих слуховых галлюцинаций или псевдогаллюцинаций, принимаемых за внушения высшей силы: «Мне хотелось бы объяснить, чем слова Духа Св. отличаются от тех, которые наш разум образует внутри нас. или которые он говорит сам себе... Когда складывает свои слова разум, он поступает как человек, который ведет разговор, а когда слова идут от Бога, разум внимает тому, что говорит другой» [цит. по: 96, 30—31]. Для нас здесь показательно, что свою речь она произносит, а чужую слышит.

При чтении вслух, когда человеку приходится произносить чужую речь, его собственная внутренняя речь, т. е. речь, выражающая его мысли по поводу прочитанного, отношение к нему, оценку и т. п., может быть именно представляемой, а не произносимой. Сходная ситуация возникает и при произнесении заранее хорошо заученной, а в силу этого уже и отчужденной речи. В такой ситуации, например при десятикратном повторении одной и той же лекции, произнесение ее текста может быть отчужденным, в значительной степени автоматизированным процессом, по ходу которого может разворачиваться представляемая речь говорящего, выражающая мысли, возникающие у него по поводу собственной речи. Так, видимо, обстоит дело и в эксперименте А. Н. Соколова, когда испытуемым приходилось произносить ранее прочно заученные на память стихи.

Теперь рассмотрим такую особенность внутренней речи, как ее **последовательность**. Насколько нам известно, эта характеристика внутренней речи специально анализу не подвергалась. Она как бы приписывалась внутренней речи на основе исследований внешней речи: производство речи, выход речевой продукции — последовательно, поэлементно. разворачивающийся процесс; человек не говорит одновременно несколько слов, а произносит их поочередно. Сказанное выглядит бесспорно по отношению к внешней речи. Это так же бесспорно по отношению к внутренней речи, если сводить ее исключительно к форме произносимой речи. Но, учитывая, что существует и представляемая, воображаемая внутренняя речь, следует признать возможность параллельного разворачивания произносимой и представляемой внутренней речи одного и того же человека.

Начатая на основе осознанного замысла реализации, речь может протекать далее в значительной мере как автоматически разворачивающийся процесс. А одновременно в сознании говорящего, еще до того как завершится говорение, могут возникать иные мысли, в частности и такие, под влиянием которых он может начать исправлять произносимое высказывание, переформулировать его, а то и вовсе прекратит свою речь. Такие процессы очень характерны для неподготовленной речи, особенно сопровождающей сложные мыслительные процессы. При подготовленной речи, когда внимание говорящего не занято содержанием произносимого, он может по ходу произнесения думать о собеседнике, оценивать его реакцию, оценивать собственную речь, намечать дальнейший план изложения и т. п.

Сложные формы размышлений человека, протекающие одновременно с говорением, произнесением каких-то фраз, и требующие собственного речевого оформления, невозможно, на наш взгляд, втиснуть в паузы между артикулируемыми словами. Потребность в этом возникает лишь в том случае, если внутренняя речь рассматривается исключительно как произносимая. Более того, если бы возникающие по ходу произнесения собственной речи ее комментирование и реплицирование происходили только в паузах между произносимыми словами, то в речи говорящего никогда бы не наблюдались недоговоренные до конца слова, а они возникают достаточно часто даже во внешней регистрируемой, например, с помощью магнитофона речи испытуемого в процессе решения им сложных мыслительных задач. Следовательно, известная параллельность развертывания, по крайней мере двух форм внутренней речи (произносимой и представляемой), возможна.

Сделанный вывод приобретает новые смысловые оттенки, если мы учтем, что во внутренней речи, в сознании говорящего наряду с произносимой и представляемой речью какое-то время может оставаться актуализированной и речь представленная, уже произнесенная. Допустим, например, что одному из участников диалога приходится отвечать на сложный вопрос другого участника и ответ занимает несколько минут. Предположим, что эти несколько минут заполнены интенсивной речью отвечающего. Понятно, что он по крайней мере в течение времени, необходимого для ответа, должен ясно представлять себе этот вопрос. Следовательно, параллельно с произнесением ответа в сознании говорящего удерживается и заданный ему

вопрос. Вряд ли кто-нибудь станет утверждать, будто этот вопрос удерживается в сознании исключительно потому, что он все время каким-то способом произносится отвечающим. Нельзя и сказать, что заданный вопрос все время звучит в голове испытуемого. Эйдетического слухового представления в подобных случаях, как правило, не бывает. Есть обычное, почти лишенное образных компонентов, слуховое представление высказывания. По сравнению с описанным нет никаких принципиальных различий и в том случае, когда человек сам задает себе вопрос, а затем сам же в течение достаточно длительного времени ищет на него ответ, как это обычно бывает в процессе мышления. Ответ, который последует, будет ответом на заданный себе вопрос. Следовательно, вопрос в течение всего времени хорошо представляется. Если же представление исчезает, то происходит то, что известно психологам под названием «феномен утери задачи». Именно актуализированный в сознании вопрос придает соответствующую направленность мыслительному процессу. И прежде чем будет найден ответ на главный вопрос, может возникнуть необходимость ответить на ряд промежуточных вопросов. Так разворачивается мышление, оформленное речью в виде сложного цикла, образованного включением простых вопросо-ответных циклов друг в друга [59].

Было бы отмечено, что внутренняя речь может развиваться не только последовательно, но и параллельно в двух различных формах. Сейчас затронут несколько иной аспект анализа. Актуализация представляемой речи и произнесение речи — это процессы, каждый из которых происходит последовательно, но текст, возникший в результате как одного, так и другого процесса, существует в сознании как симультанное образование. Обычно отмечается симультанность зрительных представлений, вторичных зрительных образов, когда все элементы вторичного образа воспроизводятся, удерживаются в сознании одновременно, что позволяет фиксировать, оценивать отношения между ними. Но воспринятый и понятый текст, очевидно, также является симультанной структурой. Если человек хорошо запомнил текст, то он может его воспроизводить не обязательно последовательно, элемент за элементом, так, как усваивал. Воспроизведение может начаться с любого смыслового элемента текста. Человек может давать ответы на вопросы, касающиеся, например, начала и конца текста почти одновременно. Если время ответа и будет различаться, то не из-за того, насколько далеко от начала тек-

ста были расположены в нем те смысловые единицы, к которым был обращен вопрос.

Таким образом, если учесть и представленную речь, а не только представляемую, т. е. актуально порождаемую в данный момент в форме представления, то мысль о параллельном существовании различных форм речи в сознании человека обретет еще большее значение. Порождение речи как ее произнесение или же как актуализация соответствующего представления идет на фоне других ранее воспроизведенных высказываний, образующих речевой контекст этого процесса. Понятно, что такой речевой контекст влияет на процесс порождения внутренней речи. Можно отвечать на заданный вопрос, но при этом помнить и другие вопросы, которые задавались, учитывать их в ответе, а вместе с тем учитывать и ранее высказанные утверждения. Важно, что порождаемая речь по мере ее создания сама в свою очередь превращается в контекст для последующих этапов порождения речи. В результате не только речевой контекст влияет на порождаемый текст, но и сам создаваемый текст изменяет актуализированный речевой контекст. Конечно, можно этот актуализированный речевой контекст не называть речью, понимая под ней именно процесс порождения высказываний, а не удержания созданного высказывания в каком-то актуализированном состоянии посредством памяти. Но грань между актуализируемым представлением и представлением, уже актуализированным, весьма условна. В частности, она зависит от длины актуализированного высказывания.

Симультанность речевого представления заключается не только в том, что в воспринятом, запомненном и понятом тексте между его элементами выявлены различные смысловые связи и каждый из этих элементов мыслится во всем богатстве своих смысловых связей с другими элементами текста. Если бы мы, например, попытались изобразить все смысловые элементы текста и обозначить графически связи между ними, как это сделано в работе П. Линдсей и Д. Нормана [67], то все равно смысловая структура текста была бы отражена не адекватно. Причина неадекватности кроется в том, что каждый значимый элемент текста (слово, словосочетание, фраза) не только находится в различных отношениях с другими элементами текста, но и сам представляет другой текст, другое содержание, условным обозначением которого он является. У каждого значимого элемента текста есть своя смысловая глубина, представленная другими смысловыми элементами

ми, которые могут в какой-то степени актуализироваться вместе с ним. Содержательная емкость значащих элементов текста практически безгранична. Они способны аккумулировать, впитывать лично-значимое содержание, быть его представителями. В силу этого уже в первом слове может быть в обобщенной недифференцированной форме выражено все содержание того, что будет сказано далее. Вся последующая речь будет лишь уточнением, пояснением к этому первому слову. Так произойдет, если в ответ на вопрос «Как дела?» отвечающий скажет «Неважно» и далее станет уточнять, что именно он имеет в виду. Иными словами, более свернутый недифференцированный план высказывания может сосуществовать (как представляемый) с более дифференцированным, развернутым. Это еще один аспект понимания речи и как сукцессивного процесса, и как симультанного образования.

Отметим также, что **наличие представляемой речи не позволяет определить внутреннюю речь как дискретный процесс** на том лишь основании, что именно в данный момент времени никакой текст не порождается. Скажем, если человек ищет очки, то вопрос «Где очки?» ему достаточно актуализировать в начале поиска поиска лишь один раз, чтобы затем все действия, которые он станет совершать, были поиском очков или попыткой найти ответ на такой вопрос. Речь его при этом могла бы быть примерно такой: «Здесь? Нет. Там? Нет».

Существенно, что развиваемое положение о двух основных формах внутренней речи позволяет уточнить и представление о ее возможной **фрагментарности, неполноте**. Именно произносимая речь часто кажется фрагментарной, поскольку не учитывается одновременно существующая представляемая речь. Это своеобразный эффект «телефона», при котором часть идущего диалога неслышна. Сходная ситуация возникает, если удается услышать речь больного со слуховыми галлюцинациями и псевдогаллюцинациями, а также речь человека, разговаривающего во сне. Особенности ситуативной речи также во многом обусловлены именно обилием представляемого, но не выражаемого в произносимом слове содержания. Проблема фрагментарности, бесспорно, не сводится к отмеченному аспекту, который нами был выделен лишь с целью показать, что в некоторых случаях возможно преувеличение степени фрагментарности внутренней речи, если не учитывать, что она может одновременно развиваться в двух различных формах, и если не брать в расчет уже актуализиро-

ванные в сознании личности речевые единицы. Подобная ошибка сродни той, которую можно сделать, если регистрируя те надписи, вставки, исправления, дополнения, которые делает человек к написанному тексту, не учитывать сам этот текст. А ведь в своей речи человек почти всегда добавляет что-то к уже сказанному и существующему лишь в представлении, уточним, в актуализированном представлении.

Подвергнутые анализу особенности внутренней речи имеют исключительно большое значение для понимания внутреннего диалога. Действительно, если внутренний диалог разворачивается во внутренней речи, то именно ее особенности накладывают на внутренний диалог свой отпечаток. Важнейшим следствием проведенного анализа внутренней речи является вывод о том, что внутренний диалог может протекать в различных речевых формах. В одних случаях он реализуется в произносимой внутренней речи, например во время размышлений вслух, в других — он может быть реализован в представляемой, воображаемой речи. Такими бывают внутренние диалоги в галлюцинациях, псевдогаллюцинациях. Иногда одна смысловая позиция может быть выражена в речи произносимой, а вторая — в представляемой, воображаемой.

Таким образом, многие особенности внутренних диалогов обретают объяснение именно с учетом того, что смысловая позиция во внутреннем диалоге может быть реализована в представляемой внутренней речи как в форме эйдетических слуховых представлений, так и в форме обычных, т. е. безобразных, слуховых представлений. Это позволяет понять специфику скрытого и явного внутреннего диалогов. По-видимому, скрытый внутренний диалог имеет место в том случае, если одна из участвующих в нем смысловых позиций выражена с помощью свернутой, обобщенной, сжатой внутренней речи в виде обычных смысловых представлений. Данная смысловая позиция будет возникать в сознании как «чистая», бессловесная мысль, так как не будет сопровождаться различным слуховым образом. Она может быть свернута, сжата в одно слово. Она будет переживаться вся целиком вследствие simultaneity представлений. И по этой же причине она будет характеризоваться высокой скоростью возникновения («мысль мелькнула»), особенно если сравнивать ее появление со скоростью развертывания смысловой позиции в произносимой речи.

В тех случаях, когда одна из взаимодействующих смыс-

ловых позиций выражается в развернутой произносимой речи, вторая смысловая позиция, реализованная обычным свернутым представлением, будет еще труднее осознаваема, контролируема и фиксируема в сознании человека. Ведь основное внимание уделяется человеком именно развернутой речи, особенно если это речь произносимая. Но, даже лишь проскальзывая в сознании в виде обычных представлений, вторая смысловая позиция оказывает влияние на речь, выражающую первую смысловую позицию. Это может проявиться в неожиданной паузе в произносимой речи, в заминке, небольшом сбое и т. п. В то же время чем стабильней, осязательней будет представлена в сознании вторая позиция, тем больше будет ее влияние на первую. И в конечном счете обе смысловые позиции могут получить эквивалентное речевое выражение в виде диалогически соотносенных высказываний, представленных достаточно развернутой произносимой речью или же речью в форме эйдетических представлений (в форме слышимых голосов). Напомним, что речь, представляемая в эйдетических образах, имеет динамику, очень близкую к динамике произносимой речи. Ведь эйдетическое представление речи не может быть симультанным. Как и обычная речь, оно развертывается во времени со скоростью, удобной для восприятия.

Существование двух основных форм внутренней речи определяет и другие особенности внутренних диалогов. В частности, голоса, выражающие различные смысловые позиции, могут развертываться не только последовательно, но и одновременно, не только в виде чередующихся высказываний, но и в виде параллельно разворачивающихся высказываний, как бы наслаивающихся друг на друга во времени. В этом обстоятельстве находят свое объяснение возможности диалогизации речи человека во время его общения (монологического или диалогического) с другим человеком. Мы имеем в виду случай скрытой внутренней полемики, которую может вести говорящий во время своего монолога.

Свернутость, сжатость, обобщенность внутренней речи определяет и то обстоятельство, что внутренний диалог может быть не только неким взаимодействием в виде последовательности реплик, имеющим свой сюжет, но и взаимодействием-противостоянием. Если, например, сразу в первых же словах внутреннего диалога выражены и соотносены образующие его смысловые позиции, то это означает, что в дальнейшем уже ничего нового, серьезного

сказано быть не может. В таком случае главной чертой внутреннего диалога оказывается не развитие смысловых позиций, а их противостояние.

Для понимания специфики внутреннего диалога существенно, что самим говорящим его внутренняя речь может восприниматься, осознаваться как своя собственная и как чужая, отчужденная. Соответственно возможны и разные типы внутреннего диалога, определяемые тем, какие голоса в них участвуют. Следует выделить диалог, в котором субъект четко различает свой и чужой голос. Возможен и внутренний диалог с двумя чужими голосами. Кроме того, различая две смысловые позиции, человек иногда не считает одну из них своей, а другую чужой, каждая из них в какой-то момент времени кажется ему приемлемой. Такое явление часто наблюдается при решении мыслительных задач. Внутренние диалоги с различением своего и чужого голоса встречаются и в патологии, и в норме как реакция на реальный диалог. Важно и то, что образующие внутренний диалог голоса могут осознаваться говорящим как проявление его собственной активности, как результат его намерений, т. е. характеризоваться преднамеренностью, согласованностью с его желаниями. В других случаях один или даже несколько голосов осознаются как возникающие вопреки намерениям индивида. Такая независимость голоса от намерений говорящего часто является важной характеристикой отчужденности голоса. Но иногда, в сновидениях и некоторых других случаях, человек может хотя и узнавать собственный голос, но воспринимать, осознавать его как бы со стороны. Примечательным является в этой связи приводимое В. Х. Кандинским самонаблюдение немецкого психолога Ад. Горвица; в нем зафиксировано слышание в форме псевдогаллюцинации не только чужих голосов, но и собственного голоса [48]. Психиатрам известны и такие случаи, когда больные ведут длительные диалоги со своим двойником [14, 27]. Заметим, что, когда один голос неотчужден и осознается как результат собственной активности, человек воспринимает себя как участника диалога. В других случаях он оказывается как бы свидетелем, наблюдающим за диалогом со стороны, свидетелем, который или с большим вниманием, или даже в состоянии сильного эмоционального волнения следит за диалогом, разворачивающимся в его сознании.

Для понимания возможного разнообразия внутренних диалогов существенно, что образующие его голоса могут иметь разное оформление. Соответственно внутренний диа-

лог может быть «диалогом чистых мыслей» (обычные слуховые представления), «диалогом голосов» (произносимая речь и речь, воспроизводимая в форме эйдетических представлений) и «диалогом персонажей» (если голос сопровождается и соответствующим зрительным образом). Возможны также и смешанные типы. Так, в случае решения мыслительной задачи, испытывая затруднения, человек нередко переходит от внутреннего диалога типа «диалога чистых мыслей» к внутреннему «диалогу голосов», воспроизводимых шепотом или даже вслух.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство. Между смысловыми позициями и выражающими их голосами существуют различные отношения (в принципе, как и между реальными людьми). Голоса могут быть в оппозиции, в конфликте, в споре, но могут находиться и в сотрудничестве друг с другом. Значит, возможен и внутренний диалог-конфликт, и внутренний диалог-согласие. В последнем случае параллельное сосуществование голосов, выраженных в разной форме, открывает новые функциональные возможности перед внутренним диалогом. По такому типу могут разворачиваться размышления индивида, оформленные достаточно развернутой, но беззвучно произносимой речью и сопровождающиеся представляемым голосом, который комментирует произнесенное, задает вопросы, напоминает и т. п.

Описываемое нами многообразие форм внутреннего диалога имеет определенный функциональный смысл в жизнедеятельности личности. Появление тех или иных форм внутреннего диалога в некоторых жизненных ситуациях не случайно, а закономерно. Достаточно даже проследить изменения характера внутреннего диалога Ивана Карамазова, чтобы почувствовать справедливость этих слов. Известно, что такой авторитетный русский психиатр, как П. Б. Ганнушкин, отмечал поразительную клиническую достоверность даваемых Ф. М. Достоевским описаний [9]. Это означает, что только в более широком личностном контексте можно надеяться получить ответы хотя бы на некоторые из вопросов по проблеме внутреннего диалога.

Выводы:

1. Существуют две основные, относительно самостоятельные формы внутренней речи человека: речь произносимая и речь представляемая (в частности, слышимая), воображаемая. Соответственно внутренняя речь как средство общения человека с самим собой может быть: речью громко произносимой или произносимой тихо, беззвучно,

а также речью, воспроизводимой на уровне обычных представлений, почти лишенной звуковой формы, и речью, создаваемой на уровне эйдетических представлений со всеми особенностями звучащего голоса.

2. Существование представляемой внутренней речи обуславливает необходимость пересмотреть взгляды на некоторые существенные свойства внутренней речи. Например, взгляды на внутреннюю речь как на процесс последовательного (во времени) употребления слов, так как представляемая речь может разворачиваться одновременно, параллельно с произносимой. Изменяется и представление о дискретности внутренней речи. Оно бесспорно, на наш взгляд, лишь по отношению к произносимой речи.

3. Существование внутренней речи в форме обычных представлений позволяет объяснить специфику скрытого внутреннего диалога тем, что выраженная в такой речевой форме смысловая позиция как бы лишена чувственной образной формы, симультанна, динамична, трудно осознаваема и т. п., но вместе с тем реально существует и оказывает влияние на вторую смысловую позицию.

4. Многообразие внутренней речи как средства внутреннего диалога определяет и многообразие его конкретных форм. Среди них можно выделить внутренние диалоги, в которых обе смысловые позиции реализованы в произносимой речи, а также такие, в которых одна позиция выражена в произносимой, а вторая в представляемой внутренней речи. Многообразие форм внутреннего диалога обусловлено богатством функций, выполняемых им в жизнедеятельности личности.

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ — ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОДУКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Характер изучения участия внутреннего диалога в мышлении индивида в решающей степени зависит от того, как исследователь представляет себе мышление. Не ставя цели проводить сравнительный анализ различных концепций мышления, отметим лишь, что согласно одному из наиболее распространенных взглядов оно представляет собой особую форму взаимодействия субъекта с познаваемым объектом, осуществляемого в виде различных действий, операций. Но есть и другое не менее обоснованное пред-

ставление о мышлении, в соответствии с которым — это особый диалог, разговор. Вот как, по словам Платона, отвечал Сократ на вопрос Теэтета «Что ты называешь мышлением?»: «Беседу, которую душа ведет сама с собою, когда что-нибудь рассматривает. Вот ты видишь во мне как бы человека незнающего; в эту минуту я представляю душу так: мне воображается, что она, размышляя, не иное что делает как разговаривает — сама себя спрашивает и отвечает, утверждает и отрицает. И тогда, как ею что-нибудь определено, выход из недоумения скорее или медленнее сделан, тождественное высказано и сомнения больше нет, — мы приписываем ей мнение. Поэтому мнить у меня называется говорить, мнением же я почитаю высказанное слово, — высказанное однако же не другому кому и не голосом, а молча, самому себе» [95, 403]. А в одном из последних психологических словарей прямо сказано: «Мышление — это всегда диалог» [103]. Заметим, что это зафиксировано и в специальных экспериментальных исследованиях.

В связи с наличием двух представлений о мышлении существенно подчеркнуть, что они в значительной степени не просто различны, а взаимоисключающи. Как было уже отмечено, в советской психологии благодаря усилиям Б. Ф. Ломова и его учеников стала активно разрабатываться категория «общение». При этом общение, и в частности диалог, рассматривается как особая форма субъект-субъектного взаимодействия, несводимого к формам субъект-объектного взаимодействия. По нашему мнению, выделенные выше определения мышления противоречивы лишь потому, что каждое рассматривается как определение мыслительного процесса в целом, в то время как на самом деле они определяют лишь отдельные, хотя и действительно важные стороны реального мыслительного процесса. Противоречие можно преодолеть, если определить мышление как особый синтез, особое единство форм субъект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия [59]. Если исходить из данного представления о мышлении, то главное оказывается в определении качественного своеобразия этих форм взаимодействия, в детальном анализе каждой из них в реальном мыслительном процессе. Следовательно, цель не в том, чтобы оторвать одно от другого, а в стремлении к всестороннему прослеживанию взаимосвязей и взаимопереходов форм субъект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия в едином мыслительном процессе. Это предпола-

гает их различение, а не отождествление и исключает игнорирование как одного, так и другого.

Поскольку внутренний диалог является речевым процессом, проблему «внутренний диалог и мышление» следует анализировать в связи с актуальной и ныне проблемой «мышление и речь». Вместе с тем если рассматривать эту проблему в онтогенетическом аспекте, то обнаружится одно важное обстоятельство. Чем более ранний возраст мы возьмем для анализа, тем в большей степени проблема «речь и мышление» трансформируется в проблему «речь и действие», важность которой не сразу была осознана психологами. Первоначально речь и действие ребенка исследовались порознь. Известно, например, что на заре детской психологии мышление ребенка изучалось либо как практический интеллект (инструментальное поведение, способность использовать орудия для достижения тех или иных целей, преодолевать различные затруднения и т. п.), либо как вербальный интеллект. Описывая эти исследования, А. А. Люблинская [74] отмечает, что в них специфически человеческое мышление рассматривалось исключительно как речевое. Для подтверждения подобной оценки она ссылается на классические монографии В. Штерна и К. Бюлера по данной проблеме, в которых при анализе мышления рассматривались прежде всего такие аспекты, как возникновение вопросов, образование понятий, суждений. Работы по изучению практического интеллекта ребенка, которые часто проводились с целью сравнения инструментального поведения ребенка на ранних этапах его развития с инструментальным поведением высших приматов, также подтверждают этот вывод [29]. Ведь сравнение инструментальных действий ребенка и шимпанзе обнаруживало либо отсутствие различий, либо преимущества шимпанзе.

Разорванность речи и действий своеобразно проявилась и в концепции Ж. Пиаже. Если В. Штерн особое внимание уделял вопросам, то Ж. Пиаже — ответам, объяснениям. Это наиболее характерно для первых монографий данного автора. В дальнейшем Ж. Пиаже, скорее, рассматривал действие, но опять же без речи. Мы имеем в виду его широко известные исследования сенсомоторного интеллекта, образного мышления, конкретных операций. А при исследовании формальных операций, логического мышления, где участие речи проигнорировать нельзя, она им в значительной степени сводится к действиям. В этом легко убедиться, сравнив между собой цитату из ранней работы

Ж. Пиаже «Речь и мышление ребенка» и цитату из его более поздней работы «Психология интеллекта» [93; 94]. Так, например, в первой из них Ж. Пиаже писал: «...привычка спорить влечет за собой потребность объединить и систематизировать свои собственные мнения. Именно на это обратили внимание Жане и Риньяно по отношению к психологии спора вообще. Они доказали, что всякое размышление есть продукт внутреннего спора... Наши исследования подтверждают эту точку зрения» [93, 117]. И далее: «...логическое рассуждение есть спор с самим собой, воспроизводящий внутренне черты настоящего спора» [93, 379]. А теперь приведем цитату из «Психологии интеллекта»: «П. Жане блестяще показал, как язык отчасти заменяет действие... Вербальное поведение — это действие, пусть сокращенное и интериоризированное, некий эскиз действия, который даже рискует постоянно оставаться в состоянии проекта, но это все равно действие, которое просто замещает вещи знаками, а движения — их восстановлением в памяти, и которое функционирует в структуре мышления при помощи этих посредников. Пренебрегая этим действенным аспектом вербального мышления, интроспекция не видит в нем ничего, кроме рефлексии, рассуждения и понятийного представления» [94, 91].

Интересно, что, задолго до того как вышла в свет «Психология интеллекта», Л. С. Выготский в одной из своих работ, в специальном параграфе «Слово и дело», высказывает ряд существенных положений по данному вопросу. Он стремится опровергнуть те концепции, которые рассматривают слова как специфическую функцию в общем понятии действия. При этом Л. С. Выготский выражает согласие со словами Гутцмана, который писал: «Считать речь более частным случаем действия, — значит опираться на неверное с философской и психологической точки зрения определение понятия „действие“» [29, 87]. Далее он критикует Гутцмана, а с ним и других психологов за попытку рассмотреть речь и действие как параллельные и независимые понятия и процессы и делает принципиальный вывод о том, что речь поднимает на новую ступень действие, прежде независимое от нее. Изучая развитие высших психических функций человека, в частности его мышление, Л. С. Выготский может быть более, чем кто-либо другой, подчеркивал роль речи в этом процессе. Но одновременно основной вопрос, на который искал ответ Л. С. Выготский, касался преобразований, происходящих

с предметными орудийными действиями ребенка под влиянием его речи.

Анализируя процесс решения ребенком практической задачи, связанной с употреблением орудия в ситуации, центральным моментом которой являлась невозможность непосредственных действий, он дает яркое описание сочетания действий и речи в поведении ребенка. «Маленький ребенок, поставленный в ситуацию, где прямое достижение результата кажется невозможным, проявляет очень сложную активность, которая может быть описана как беспорядочная смесь прямых попыток достичь желаемого объекта, эмоциональной речи, иногда выражающей желания ребенка, а иногда подменяющей недостижимое действительное удовлетворение словесным эрзацем, попыток достичь объект путем словесной формулировки способов, обращений к экспериментатору за помощью» [28, 31]. Более того, «помеха на пути ребенка перебивает его активность и словесное обращение к другому лицу, представляет собой попытку заполнить этот разрыв» [28, 31]. Далее отмечается, что ребенок может прямо обращаться к предмету деятельности. Л. С. Выготский считает, что в таких случаях имеется смещение речи и действия у ребенка. Здесь приведено описание поведения ребенка в возрасте около трех лет, у которого обращения к другому человеку, да и к объекту выступают на фоне невозможности достичь цели. Они как бы замещают прямые попытки ребенка осуществить нужное действие. Иными словами, у этих детей попытки достичь цели и различные формы речи являются как бы рядоположными способами поведения, что проявляется и в их причудливом, хаотическом переплетении. Но в более старшем возрасте (около четырех лет) различные формы речи хорошо дифференцируются, а вместе с этим изменяется и их соотношение с выполняемыми действиями. Происходит дифференцировка «социальной речи», т. е. речи-общения с другим человеком, и эгоцентрической речи как речи для себя.

Тут нет необходимости пересказывать исследование Л. С. Выготским эгоцентрической речи, его теорию, согласно которой эта речь является переходной формой от внешней речи к внутренней, его анализ функций, которые эгоцентрическая речь выполняет по отношению к предметным действиям ребенка (превращение импульсивного действия в намеренное, планирование его и т. п.). Все это хорошо известно. Но есть одно обстоятельство, имеющее для нашей темы принципиальное значение, которое не нашло

доляного освещения в работах Л. С. Выготского. Внешняя речь ребенка, из которой, по мнению этого ученого, вырастает и от которой отпочковывается эгоцентрическая речь как речь для себя, является его речевым общением с другим человеком, в первую очередь со взрослым. Своей внешней речью ребенок участвует во внешнем диалоге с другим реальным собеседником. Логично предположить, что эгоцентрическая речь, будучи переходной формой от внешней речи к внутренней, является вместе с тем и переходной формой от внешнего диалога к внутреннему. В пользу подобного предположения говорит и тот факт, что, описывая особенности внутренней речи, сам Л. С. Выготский в работе «Мышление и речь» постоянно обращается к анализу ситуаций внешнего диалога. В некоторых случаях, говоря о внутренней речи, он говорит и о внутреннем диалоге. Сходно звучит и широко известный тезис Л. С. Выготского о превращении форм общения в формы мышления. Если это так, то анализ эгоцентрической речи ребенка должен выявить ранние этапы формирования его внутреннего диалога.

Таким образом, можно сделать вывод, что Л. С. Выготский вплотную подошел к проблеме «диалог и действие в мышлении индивида», но специальную ее разработку он осуществить не успел.

И позже проблеме «речь и действие» большое внимание уделяли многие психологи: А. Валлон [24], Дж. Брунер [44], П. Я. Гальперин [30], С. Л. Рубинштейн [108; 109]. Актуальность этой проблемы особенно возросла в настоящее время в связи с дискуссией о соотношении категорий «общение» и «деятельность».

Проблема «речь и действие», так же как и проблема «речь и мышление», интересует нас не сама по себе, а лишь в связи с возможностью провести анализ форм субъект-объектного и субъект-субъектного взаимодействия в мышлении индивида. Такой анализ позволит определить функции внутреннего диалога в мыслительном процессе, выявить то новое, что привносится вместе с внутренним диалогом в процесс взаимодействия с познаваемым объектом, и показать, как изменяется это взаимодействие под влиянием внутреннего диалога. Начнем этот анализ с рассмотрения форм субъект-объектного взаимодействия.

Во взаимодействии субъекта с реальным, вне его существующим предметом особую роль играют совершаемые субъектом преобразования этого предмета, изменения его качественно-количественной определенности. На-

ряду с этим важны и всевозможные манипуляции с предметом, изменяющие, например, не сам предмет, а, в частности, его пространственное расположение. Есть и другие формы взаимодействия с реальным предметом, которые хотя и осуществляются как бы без непосредственного контакта с предметом, но тем не менее являются именно взаимодействием (обходить препятствие, уклоняться от удара и т. п.).

Подобные перечисленные формы взаимодействия субъекта с объектом могут иметь практическую направленность, но могут быть и проявлением собственно познавательной активности субъекта, которая предполагает его взаимодействие с познаваемым предметом. Это взаимодействие в отличие от практического имеет свою специфическую направленность. Его результатом является знание, представление, понятие об объекте, его свойствах, отношениях, структуре, элементах, закономерностях динамики и прочее. Собственно познавательная активность субъекта при взаимодействии с познаваемым объектом во внешнем плане оформляется в виде специфических познавательных актов обследования предмета, ориентировки в ситуации взаимодействия, опробования способов воздействия, испытания, экспериментирования. Познавательная активность субъекта не ограничивается лишь плоскостью взаимодействия с материальным объектом во внешнем плане. Субъект может взаимодействовать и с воображаемым, образно представляемым объектом во внутреннем идеальном плане. Это именно и характерно для образного мышления, которое обогащает возможности субъекта в познании объекта, позволяет взаимодействовать не только с наличным, но и с отсутствующим предметом, расширяя диапазон его возможных преобразований, включений во взаимодействие с другими предметами и т. п.

Рассматривая взаимодействие субъекта с отражаемым в образе объектом, Б. Ф. Ломов отмечает при этом новые познавательные действия, такие как масштабное преобразование, мысленное расчленение объекта и объединение его в одно целое с другими, комбинация и рекомбинация, умственное вращение, показывает новые возможности антиципации, предвосхищения различных исходов взаимодействия с познаваемым объектом. В последнем особую роль играют трансформации времени протекания тех или иных процессов («растягивания» и «сжатия»). При этом антиципация может обслуживать и потенциальные действия, включаться в процесс их планирования [71, 168].

Характер взаимодействия с познаваемым объектом изменяется и, в частности, значительно расширяется благодаря использованию для этого взаимодействия специальных средств — знаков. Иными словами, возможно такое взаимодействие с познаваемым предметом, при котором этот предмет дан субъекту как содержание представляющего его знака. То есть употребление знаков становится формой взаимодействия с познаваемым объектом.

Между знаком, используемым для взаимодействия с познаваемым предметом, и самим предметом возможны различные отношения, что в известной мере отражается и в названиях различных знаков (изобразительные знаки, знаки-указатели, знаки-имена и т. п.). Подобные отношения нельзя свести к какому-то одному типу. Их богатство определяется богатством отношений «субъект — объект» и отношений «субъект — субъект», в пространстве которых осуществляется взаимодействие с познаваемым объектом.

Отношения «знак — предмет» нельзя свести к чисто поверхностным отношениям, при которых они остаются независимыми себестождественными сущностями. Ведь знак может не только указывать на предмет, но и служить средством выделения и отвлечения различных свойств и отношений познаваемого предмета, в том числе и чувственно невоспринимаемых.

В тех случаях, о которых идет речь, знак используется субъектом в ситуации взаимодействия с познаваемым объектом. Но вместе с тем знак принадлежит плоскости субъект-субъектного взаимодействия, адресован субъекту и только для него имеет значение. Реагируя на знак, понимая его значение, субъект определенным образом представляет себе ситуацию взаимодействия с познаваемым объектом и в соответствии с этим строит свое взаимодействие с ним. Следовательно, когда в процессе взаимодействия с познаваемым предметом субъект употребляет знак, на который затем сам реагирует, имеет место хотя и простая, но все же вполне определенная форма субъект-субъектного взаимодействия, а именно — взаимодействие человека с самим собой. Однако этим значение употребления знака в рассматриваемых случаях не исчерпывается. Когда человек взаимодействует со знаком, замещаемая знаком предметность не исчезает. Суть процесса не в том, что вместо предмета используется знак, а в том, что благодаря ему становится возможной новая форма взаимодействия с предметом. Это происходит потому, что

интерпретация знака постоянно обнаруживает его предметное содержание, в результате чего за знаком открывается предмет. Взаимодействие же со знаком становится формой опосредствованного знаками-заместителями идеального, представляемого взаимодействия с познаваемым предметом. Иначе говоря, общение человека с самим собой может быть формой процесса взаимодействия с познаваемым предметом.

Проведем простой опыт. Попробуем решить, используя знаки-заместители, известную задачу о переправе через реку стариком волка, козы и капусты в лодке, в которой мог поместиться только сам старик и с ним еще что-то одно из перечисленного. Используем следующие знаки: спичечный коробок — лодка, сдвоенные спички — старик, одна спичка — волк, половина спички — коза, головка от спички — кочан капусты. Начнем решать задачу — искать способ переправы. Берем лодку (коробок), в нее помещаем старика и волка. На берегу оставляем козу и капусту... и т. д. Очевидно, что использование замещающих знаков облегчает решение задачи, позволяя фиксировать существенные особенности осмысливаемой ситуации и ее изменений. Конечно, ситуация в данном случае не реальная, а воображаемая, представляемая.

Теперь попробуем решать задачу без использования отмеченных выше знаковых средств, т. е. в уме. Сразу обнаруживается достаточно развернутая речь: «Так, пробуем. Посадим в лодку старика и козу. На берегу остается волк и капуста. Волк капусту не ест» — и т. д. Следовательно, все те особенности ситуации взаимодействия, которые благодаря использованию специальных знаков во внешнем плане становились наглядно воспринимаемыми и «непосредственно» понимаемыми, теперь, при решении в уме, фиксируются словами. Роль словесных знаков оказывается в принципе той же, что и несловесных. При этом количество использованных несловесных знаков можно увеличить, например расположить на столе два карандаша, обозначив ими берега реки. В данном случае новые особенности ситуации, получив специальную знаковую наглядность, утрачивают свое словесное выражение в ходе решения. А если бы даже эту задачу мы решали, находясь на берегу реки, видя реально старика, лодку и прочее, то все равно нам нужны были бы знаки для обозначения промежуточных результатов решения, фиксации существенных отношений.

Таким образом, использование любого рода знаков в

ситуации познавательного взаимодействия с объектом детерминировано особенностями развертывания этого процесса. Знаки вводятся в него по мере необходимости. Уяснить происходящее помогает обращение к известному в психологии понятию «ситуативная речь» [109]. Ситуативная речь — речь, понятная общающимся, если они знают ситуацию, в которой речь употребляется. Ситуативность речи проявляется в ее свернутости. Чем лучше известна ситуация взаимодействия, чем лучше партнеры понимают друг друга, тем более их речь ситуативна. При этом в пределе они могут понимать друг друга и без слов. То есть в некоторых случаях речь им вообще не нужна (понимание с полуслова превращается в понимание без слов). В индивидуальной деятельности картина похожая. Чем лучше субъект представляет ситуацию, чем уверенней в ней ориентируется, чем проще протекает процесс взаимодействия, тем меньшую знаковую активность он проявляет. Например, по мере упражнения в выполнении каких-то действий в уме речь субъекта сворачивается до таких высказываний, как: «так... так... мгу... все», а затем может и вовсе исчезнуть.

Но что значит «исчезнуть»? На наш взгляд, речь исчезает лишь как специальный актуальный процесс, но остается как совокупность ранее актуализированных фоновых речевых представлений. Впрочем, если внутренняя речь может существовать в форме обычных представлений, а значит, быть свернутой, динамичной, почти лишенной образности, то, как отмечалось, отличить актуализированные речевые представления от актуализируемых будет нелегко. Обратимся еще раз к примеру. Игра в шахматы ведется по строгим правилам. При этом нужно знать, что такое мат, шах и т. п. Шахматист, играя, не говорит себе постоянно: «Мат — это шах, от которого нет защиты». Он знает и помнит об этом всегда, постоянно руководствуется этими представлениями. И при решении приведенной выше задачи понимании того, что чем является (коробок — лодка, одна спичка — волк и т. п.) и в каких отношениях между собой находится (волк может съесть козу, но не может съесть капусту, коза может съесть капусту, но в присутствии старика никто никого есть не может и т. д.), невозможно без речевых представлений, т. е. представлений о ситуации задачи, выраженных в речевой форме. Таким образом, исчезает не речь, а использование речевых знаков как специальный актуальный процесс. В первую очередь это относится к произносимой речи.

В других, обычно более сложных случаях употребление знаков может стать актуальным, специально контролируемым и осуществляемым процессом. При этом иногда субъект может обойтись использованием неречевых знаков-заместителей, но иногда ему необходима речь — говорение. В рассмотренных выше случаях решения задачи в уме, говорение становится формой осуществляемых субъектом представляемых, мысленных, идеальных преобразований предмета, формой осуществления различных познавательных действий. Эти действия не сводятся к преобразованиям предмета и ситуации задачи как таковым, а включают измерение, вычисление, сравнение и т. п.

Речевая форма предметного действия представляет собой частный случай речи о действии. Такая речь может стать речевой формой действия, но лишь при определенных условиях. Для этого в речи должны фиксироваться существенные особенности действия (исходное состояние предмета, само действие, его результат). Происходящие с предметом изменения, определяемые воздействиями субъекта, должны отражаться последовательно, по мере их возникновения. Детальная характеристика речевой формы предметного действия дана П. Я. Гальпериним при описании этапов формирования умственного действия [30]. Нам же важно, что речевая форма предметного действия — это всегда речь о действии, в котором отражен процесс представляемого действия.

Каков же механизм отражения в речи изменений, происходящих с предметом? Изменяя контекст обозначающего предмет знака, можно изменять содержание данного знака и тем самым как бы изменять мыслимый, представляемый с помощью знака предмет. Это и будет мысленное представляемое действие над предметом, если при этом описываются еще и все существенные этапы данного действия, включая промежуточные результаты. Важно, что существует некоторый минимальный уровень сложности речи как речевой формы предметного действия, отражающего его существенные особенности, в отличие от речи о действии вообще.

Анализ показывает, что речевой формой осуществляемого субъектом действия с познаваемым предметом является монологическая речь, т. е. речь, выражающая одно понимание, одну смысловую позицию: «Сейчас попробую. Посадим в лодку старика и козу. На берегу останется волк и капуста. Перевозим козу на другой берег, оставляем, возвращаемся, берем капусту, везем на тот берег, где ко-

за. Забираем козу, оставляем капусту» — и т. д. Речь должна быть монологической, так как действие может быть осуществлено в реальном или воображаемом плане лишь тогда, когда у человека в момент его реализации имеется лишь одно представление о том, что, как и в какой последовательности делать. Монологическая речь не только сопровождает действие, но и предшествует ему («Сейчас попробую»), и следует за ним, фиксируя результат, оценку и прочее. Очевидно также, что произносимая субъектом речь обращена к нему самому, им воспринимается, понимается, оказывает на него соответствующее воздействие. Следовательно, есть не просто речь, а монологическое общение, особое субъект-субъектное взаимодействие, осуществляемое высказыванием. Создавая высказывание, субъект стремится к тому, чтобы полностью выразить в нем себя, свое понимание, свою цель и т. п. Кроме того, в высказывании говорящим осуществляется еще и отбор содержания, относящегося к предмету (о чем говорить, какую информацию сообщать). Говорящий при этом решает, что сделать субъектом высказывания, а что его предикатом. Он выбирает соответствующую лексику (ведь у предмета может быть много способов обозначения), устанавливает определенный порядок слов, оформляет содержание соответствующей интонацией и акцентами. Данные особенности оформления предметно-логического содержания и превращают его в сообщение, утверждение, описание, т. е. в высказывание. Подобное высказывание субъект адресует самому себе и реагирует на него как на обращенное к нему высказывание другого человека. В рассматриваемом случае это высказывание одновременно оказывается и речевой формой выполняемых субъектом действий.

Таким образом, осуществляемые субъектом действия с познаваемым предметом могут сопровождаться его монологическим общением с самим собой. Взаимодействие с познаваемым объектом оказывается в данном случае содержанием (во всяком случае одним из компонентов, аспектов содержания) подобного общения.

Мы рассмотрели различные случаи взаимодействия субъекта с познаваемым объектом, выделили среди них такие, как взаимодействие с реальным материальным предметом во внешнем плане, с воображаемым, образно представляемым предметом во внутреннем плане; с предметом, представленным в виде различных речевых знаков (схем, фишек, макетов), которое может осуществляться и во внешнем и во внутреннем плане

[32]; взаимодействие с познаваемым предметом, представленным речевыми знаками. В связи с вопросом о различении форм субъект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия в мыслительном процессе индивида подчеркнем, что наиболее сложными для анализа оказались два последних случая. В них использование знаков, развертывание процесса общения человека с самим собой оказалось и формой особого взаимодействия с познаваемым предметом, которое протекает в форме различных действий. Развернутость, выраженность необходимого для осуществления действия речевого общения человека с самим собой колеблется в широком диапазоне. На одном полюсе речевое общение затухает, превращаясь в фоновые речевые представления, фиксирующие определенное понимание, знание ситуации, представление о ее особенностях, целях деятельности и т. п. На другом — возникает развернутое детальное описание процесса взаимодействия с объектом, включающее выделение промежуточных этапов, их результатов, оценки.

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что мышление не сводится только к перечисленным формам взаимодействия субъекта с познаваемым объектом. В частности, этот процесс включает действия субъекта над разнообразными знаниями об объекте. Действия, которые здесь имеются в виду, — это прежде всего действия над речью, над текстом. Субъект может столкнуться с необходимостью устранить ошибки в тексте и исправить его, отредактировать, сократить, сделать более понятным, переструктурировать. В одних случаях такие действия очевидны субъекту и их осуществление не сопровождается специальным речевым процессом. В других случаях действия над текстом опираются на речь, в которой отмечаются особенности текста, существенные для реализации тех или иных действий с ним, цели этих действий, требования к ним, результаты. Важно, что в значительной степени эта речь является **речью о речи**, так как комментируемый преобразуемый текст становится ее темой. В этой речи о речи есть своя специфическая лексика, свой большой набор специальных знаков-слов, обозначающих различные виды выраженных в речевой форме знаний, которыми субъекту приходится оперировать по ходу познавательного процесса. Это такие слова, как «идея», «гипотеза», «мнение», «текст», «высказывание», «предложение», «вывод» и многие другие. Словом, речь об объекте — основа действий с объектом, а речь о речи — основа действий над текстом, посвященным это-

му объекту. Ясно, что действия над текстом нельзя отождествлять с действиями над познаваемым объектом, даже если это текст о том же самом объекте. Текст обладает собственными свойствами и особенностями, является особым объектом, сложным знаком. Вместе с тем понятно, что действия над текстом могут строиться с опорой на действия с познаваемым объектом. Например, составление описания объекта предполагает и взаимодействие с объектом, его восприятие или припоминание.

Действия над текстом, над знаниями — это действия над выражающими их знаками. Поэтому они очень похожи, а в принципе и неотличимы от действий по созданию различных знаков, в том числе и речевых. Действительно, если знака нет, если процесс его создания начат с самого начала, то он как бы неотличим от обыкновенного предметного действия. Если же знак есть и над ним совершаются новые, дополнительные действия, то этот случай можно уподобить таким действиям над готовым текстом, как его исправление, изменение и т. п.

В индивидуальной деятельности человек создает или использует знак, когда ему нужно что-то зафиксировать, отметить, на что-то обратить внимание. Часто создание знака идет как автоматический процесс, но он может превратиться и в достаточно сложное сознательное действие, о чем свидетельствуют, например, известные многим пишущим муки слова.

Действия по созданию речевых знаков и действия над готовыми знаками-текстами позволяют хорошо продемонстрировать отличие процессов субъект-объектного взаимодействия (и образующих его единиц — действий) от осуществляемого в речевой форме процесса субъект-субъектного взаимодействия (и его единиц — высказываний).

Вопрос этот довольно сложен. Когда субъект взаимодействует с реальным материальным объектом, отличить этот процесс от процесса речевого общения не составляет труда. Но когда взаимодействие с объектом опосредствовано знаковыми формами, различать эти процессы становится сложнее. Получается, что если есть знак и его употребление, то должен быть и субъект, и обращенность знака к субъекту, и понимание субъектом этого знака, т. е. должно быть субъект-субъектное взаимодействие. А с другой стороны, если есть знак, то есть и его предметное содержание, есть и осуществляемое посредством знака взаимодействие с предметом. Кроме того, во время действий над текстами становятся возможными и действия

над высказываниями. В этом случае неясно, чем отличается этот процесс от общения как обмена высказываниями.

На наш взгляд, их различие все же возможно, если обратиться к идеям М. М. Бахтина об отличиях высказывания как единицы процесса общения от предложений, слов и других языковых единиц [16, 262—265]. Им убедительно показано, что предложение, как и слово, — значащая единица языка. Мы понимаем языковое значение отдельно взятого предложения и его возможную роль в высказывании. Но по отношению к нему нельзя занять ответную позицию, так как им сказано не все. Только высказывание в целом непосредственно отражает внесловесную действительность (ситуацию). Только в нем предложение обретает полноту своего смысла и определенность содержания, потому что в высказывании предложение окружено контекстом других предложений. Понятно, что возможны случаи, когда одно предложение, и даже одно слово, может выразить все, что хотел сообщить говорящий, и стать высказыванием. Но нас в первую очередь интересуют высказывания, не совпадающие по объему с простым предложением, а более сложные, чем оно. В таком высказывании предложение — лишь один из его компонентов.

Исходя из изложенного, можно утверждать следующее. Общаясь с самим собой, человек адресует себе свою собственную речь и затем на нее реагирует, соглашаясь с ней, принимая к сведению, следуя содержащимся в ней указаниям, т. е. реагирует на нее как на обращенное к нему высказывание. Когда же речь, текст становятся объектом действий, отношение к ним уже иное. К речи, которая стала объектом действия, не относятся как к высказыванию, на которое следует реагировать в процессе общения. Это изменение отношения достигается за счет особых средств, а именно за счет речи о тексте, необходимой для осуществления различных действий над ним. Если высказывание становится предметом действий, то оно при этом перестает быть высказыванием, а превращается в предложение как компонент нового высказывания. Именно речь о речи (речь о тексте, речь о знаке) совершает подобное превращение, создавая высказыванию как тексту соответствующий новый контекст. Одно дело, когда человек задает себе вопрос «Что делать?» и пытается найти на него ответ (в данном случае вопрос — это высказывание). А другое, когда человек говорит себе: «Пожалуй, вопрос «что делать?» преждевременный. Надо сначала с другими вопросами разобраться». Здесь вопрос является лишь фрагмен-

том более сложного высказывания. И отношение к нему совершенно иное.

Рассмотрим еще один пример. Допустим, кто-то думает над названием статьи. Он говорит: «Попробую так». Дальше следует название. «Получилось слишком длинно», — оценивается результат, и совершаются новые действия, в результате которых пишется новый вариант названия. Текст названия (знак) обрामлен другим текстом и лишь вместе с ним, а не сам по себе образует высказывание как единицу процесса общения. Здесь ясно различимы и действие по созданию знака (названия), и их предмет (это название), и высказывание. Различимы два процесса — субъект-субъектное и субъект-объектное взаимодействие. Аналогично обстоит дело и с логическими действиями, которые своими объектами имеют, например, те или иные языковые единицы (в частности, предложения). Лишь когда логические действия завершаются, их продукт — логический вывод, цепочка рассуждений — сможет образовать самостоятельное высказывание. Таким образом, различение высказывания и его компонентов, не выполняющих самостоятельной коммуникативной функции, однако имеющих благодаря высказыванию вполне определенное значение, позволяет разграничить процессы субъект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия и в тех случаях, когда последнее осуществляется в знаковой форме. Более того, анализ содержания высказывания позволяет понять, является ли оно одновременно единицей общения и формой осуществления субъектом действий или же это высказывание — чистый коммуникативный акт. Его содержанием могут быть результаты ранее совершенных действий или знания, полученные от других субъектов.

Теперь, когда рассмотрены все наиболее существенные формы взаимодействия субъекта с познаваемым объектом, можно перейти к некоторым обобщениям. Единицей взаимодействия субъекта с познаваемым объектом является действие. Общим для любых реально осуществляемых действий является наличие одной исходной смысловой позиции, одного исходного понимания того, как, что и в какой последовательности делать с тем или иным предметом. Если действие простое или хорошо известное, его реализация возможна и без опоры на речь. Если же действие обладает определенной сложностью, новизной и тому подобными особенностями, его осуществление сопровождается монологическим общением человека с самим собой. Единицей такого общения является высказывание. Важно, что

всегда имеется возможность отличить высказывание как единицу монологического общения от действия как единицы взаимодействия субъекта с познаваемым объектом. даже в тех случаях, когда высказывание является формой таких действий.

Следующий момент в предпринимаемом анализе обусловлен тем, что при определенных обстоятельствах монологическое общение (внутренний монолог), сопровождающее действия или являющееся их речевой формой, может смениться внутренним диалогом. Сейчас для нас не существенно, когда это происходит и в силу каких причин. Существенно, что внутренний диалог как особая форма общения человека с самим собой имеет место в мышлении индивида. Легко понять, что отличить внутренний диалог по поводу выполняемых действий от выполнения субъектом этих действий не составляет труда. Либо действие выполняется в неречевой форме, либо его речевой формой служит внутренний монолог. А о различиях между внутренним монологом и внутренним диалогом сказано уже достаточно. Раз внутренний диалог — это взаимодействие минимум двух различных смысловых позиций, то два различных понимания того, как следует осуществлять действие, не могут одновременно быть его основой, исключают возможность осуществить действие как реальный процесс. Либо действие выполняется так, либо иначе, но одновременно выполнять его и так, и по-другому нельзя. Словом, возможно уверенное различие внутреннего диалога и действий, выполняемых субъектом в ходе познавательного взаимодействия с объектом. Трудности подобного различения если и возникают при анализе мыслительного процесса, то связаны они с возможностями обнаружения внутреннего диалога в одних случаях и выполняемых субъектом действий — в других.

Перейдем теперь к непосредственному анализу функций внутреннего диалога в мыслительном процессе индивида. Есть много оснований для того, чтобы начать этот анализ функций с изучения внутреннего диалога у детей дошкольного возраста, так как в психологии существует плодотворная традиция в изучении проблемы «речь и мышление» — обращение за материалом к раннему онтогенезу. Это позволяет фиксировать наиболее простые формы изучаемых явлений, а затем и их последовательное усложнение и изменение. Однако подчеркнем, что, несмотря на многообразие работ по развитию речи ребенка, исследования по проблеме внутреннего диалога среди них практи-

чески отсутствуют. В истории развития исследований речи ребенка можно отметить определенную тенденцию. Первоначально изучалась речь ребенка как исключительно индивидуальный процесс (то, что делает ребенок сам). При этом его речь понималась как монолог, а ее развитие — как развитие языковой компетентности ребенка (овладение звуковым составом речи, лексикой, грамматикой).

Сейчас уже имеется немало работ, посвященных изучению так называемой коммуникативной компетентности ребенка, его умению выражать свои мысли и желания в понятной партнерам форме, способности вступать во взаимодействие с ними, согласовывать с ними действия, достигать в общении тех или иных целей и т. п. [136]. В значительной степени существуя как самостоятельное, развивается и еще одно направление исследований — изучение речевого общения детей, их диалогов [21; 81; 82; 93; 113]. Работы в этом направлении есть, но все же их очень мало. Вероятно, по этой причине недостаточно осознаны и возможность и необходимость изучения внутреннего диалога ребенка, шире — существования и развития разнообразных форм общения ребенка с самим собой.

Для исследования внутреннего диалога у детей дошкольного возраста мы решили использовать богатый эмпирический материал, содержащийся в опубликованных дневниках развития ребенка [33; 54; 63; 84; 90; 110; 112; 115; 116]. В них представлены наиболее значительные (начиная с самых ранних) периоды развития ребенка, воспроизведены разнообразные реальные ситуации его жизнедеятельности. Эти дневники велись обычно кем-то из наиболее близких ребенку людей, в основном матерью или отцом, что способствовало открытости, естественности поведения ребенка. Содержащийся в дневниках эмпирический материал к анализу развития внутренних диалогов ребенка и участия этих диалогов в его мышлении ранее никем из психологов не привлекался.

Первый факт, который можно совершенно четко установить, опираясь на материалы дневников, состоит в том, что речевое общение ребенка с самим собой может протекать как в форме монолога, так и в форме диалога (внутренний диалог и внутренний монолог). Так, например, в дневнике о своем сыне (возраст — 3 года, 2 месяца) Н. Соколов пишет, что он целыми часами разговаривал сам с собой и размахивал шпагой: «Вот идут солдаты... Идет... Идет... Вдруг японцы! Солдат (выхватывает шпагу из пояса) в японца (делает соответствующий жест шпагой),

брюхо проколот, спину отрубил. Японец упал (продельвает). Солдат вырыл яму и закопал туда японца». Автор отмечает, что вся история многократно повторяется, детализируется, мальчик входит в азарт, говорит с пафосом [115, 37]. По форме это, безусловно, монологическое общение. А вот другая запись из того же дневника: «Вообразил Боря, что у него есть сынок Ваня, о котором он иногда рассказывает окружающим и с которым беседует представленный самому себе» [115, 38]. Эта запись относится к тому же возрасту, что и предыдущая. А пять месяцев спустя следует новая запись. «При играх иногда разговаривает сам с собой и на вопрос, с кем разговаривает, уже теперь редко ссылается на своего мифического Ваню, а отвечает, что говорит с собою» [115, 39]. Вторая и третья записи отмечают диалоги ребенка с самим собой, т. е. его внутренние диалоги, разворачивающиеся, когда он представлен самому себе. По нашим наблюдениям, особенно много таких диалогов во время так называемых ролевых игр, когда ребенок играет с игрушками один, разговаривая со своими партнерами — зайцами, куклами, солдатами, говоря и за них, и за себя. Сюжеты и реплики придумываются по ходу игры, часто повторяясь, но часто и изменяясь в той или иной степени.

Второй факт. Общение ребенка с самим собой исключительно тесно связано с его общением со взрослыми и сверстниками. Диалоги ребенка со взрослым и ребенка со сверстниками постоянно колеблются от полюса типичного диалога к полюсу типичных монологов, которые ведут взрослые или сам ребенок. Вопросы ребенка побуждают взрослого к явно монологизированным рассказам, объяснениям. В дневнике А. Д. Павловой [90] отмечается, что все бесконечные диалоги матери с ребенком — это диалог-расспросы о том, что знает мама, но не знает ребенок. Но если мама сама активно рассказывает, то сын внимательно слушает, не перебивая, зато в конце рассказа часто следует «А-а», и на лице ребенка появляется довольное выражение, а в заключение звучит твердое «Да» и производится утвердительный кивок головой. Нередко ребенок и сам начинает что-то рассказывать, пояснять. При этом выясняется, что внешний диалог ребенка со взрослым часто превращается в его внутренний диалог. Обычно это происходит тогда, когда ребенок обращается к взрослому с вопросом, а взрослый по каким-то причинам не дает ему ответа. Ребенок в таких случаях сам и отвечает на собственный вопрос. Так, А. Н. Гвоздев пишет о своем сы-

не (возраст — 3 года, 2 месяца, 11 дней): «Спрашивает меня, как бегает лошадь. Я озадачен вопросом и не отвечаю. Он сам: «Володя так бегает, када в лошадки играет». (Очевидно, Володя, загибающий голову и семенящий ножками, кажется ему идеалом.)» [33, 171]. В том же дневнике ребенок спрашивает: «Что такое дом?» Отец переадресовывает вопрос ему самому, и ребенок отвечает: «Дом — это изба» [33, 228]. Аналогичные примеры есть и в других дневниках [90; 110].

Нередко внутренний диалог или монолог разворачивается во внешний диалог со взрослым. Вот, например, запись из дневника В. А. Рыбниковой-Шиловой о сыне в возрасте четырех с половиной лет: «Отец выливал черную воду из печных труб. Адя спрашивает: «Почему она черная? — От сажи.— Я так и думал (сильно жестикулирует). Там сажа накапливается, вот вода и черная» [110]. Другой выразительный пример на эту тему имеется в дневнике матери Димы Левоневского (возраст — 4 года, 3 месяца, 19 дней). «Мальчик лег. Я работаю в соседней комнате. Вдруг голос: «Мама, что такое легкие?» Бабушка днем сказала, что сажа ложится на легкие. Объясняю кратко и просто.

Он: Я еще никогда не видел легкие. Как их увидеть?

Я: Когда-нибудь увидишь.

Он: А как же? Ведь человека нельзя резать?

Я: Ну на картинке увидишь.

Прошло несколько минут. Я углубилась в работу.

Он: Мама, а если недобрые люди разрежут человека, мы сможем увидеть легкие?» [63].

В этом фрагменте много примечательных моментов. Во-первых, то, что вопросы матери ребенок задавал спустя полдня после услышанных слов бабушки. Есть все основания предполагать, что он уже думал над услышанным. Об этом свидетельствует его вопрос-возражение: «Ведь человека нельзя резать». Во-вторых, в данном случае можно с уверенностью говорить о наличии противоречия во внутреннем диалоге ребенка: есть желание увидеть легкие человека и одновременно понимание, что они находятся внутри человека, а «человека нельзя резать». В-третьих, есть и попытка разрешить противоречие: «человека нельзя резать», это плохо, но если это сделают недобрые люди, то возможность увидеть легкие появится, и при этом не придется совершать плохой поступок.

В плане взаимосвязи внешних и внутренних диалогов представляют интерес и следующие факты. Ребенок может

обращаться к взрослому не с одним вопросом, а с несколькими подряд. И часто бывает так, что первый вопрос — это настоящий вопрос, а второй — одновременно и собственный ответ на первый вопрос, и адресованный взрослому вопрос к собственному ответу. Именно такая серия вопросов содержится в дневнике А. Н. Гвоздева (возраст ребенка — 3 года, 2 месяца, 12 дней): «Какой бывает снег? Из пушка? Как он сделан? Из пушка?» [33]. Здесь второй и четвертый вопросы — это одновременно и собственные ответы ребенка на первый и третий вопросы. Кроме того, ребенок часто начинает адресованное взрослому сообщение с вопроса, ответом на который станет последующее сообщение. Это вопрос типа «Знаешь, что случилось?». Фрагмент этого вопроса «что случилось?» является тем вопросом, на который будет отвечать ребенок в дальнейшем.

Можно отметить, что часто эгоцентрическая речь ребенка — это не столько внешняя по форме и внутренняя по содержанию речь, сколько общение с собой или одновременно и общение с собой, и общение со взрослым. Ведь громкая, соответствующая языковым нормам речь доступна и собственному восприятию ребенка, и восприятию взрослого. Если взрослый пассивен, ребенок сам развивает затронутую тему, разговаривая с самим собой, но он в любой момент готов к тому, что в разговор включится и взрослый, а часто и сам настойчиво обращается к нему. Словом, существует очень призрачная грань между общением с самим собой в присутствии взрослого в доступной его восприятию форме и явным общением ребенка со взрослым.

По вопросу развития форм общения ребенка с самим собой можно отметить следующее: развивается и форма, и содержание монологического и диалогического общения с самим собой. В частности, первыми формами внутреннего диалога, которые можно обнаружить в речи ребенка, являются элементарные вопросы-ответные циклы. У своей дочери первый такой цикл автор этой книги зафиксировал в возрасте полутора лет. Сидя на ковре, дочь сама себя спросила «Где ляля?» и ответила «Вот».

У каждого элементарного цикла имеется своя предыстория. Вначале взрослый говорит и за себя, и за ребенка. Затем на вопрос взрослого следуют неречевые ответы ребенка. Потом появляются собственные вопросы ребенка к взрослому и ответы взрослого на эти вопросы. Только после этого появляется цикл «вопрос-ответ», полностью приносимый ребенком. Встречается и такая интересная

форма общения ребенка со взрослым, при которой цикл внешнего диалога существует как бы одновременно с циклом внутреннего диалога. В дневнике В. А. Рыбниковой-Шиловой есть запись о сыне в возрасте 2 лет, 21 дня: «Часто спрашивает, что как называется. Ответ повторяет». В этом случае вопрос ребенка и ответ взрослого образуют цикл внешнего диалога, а вопрос ребенка и его повтор ответа взрослого образуют цикл внутреннего диалога [110].

Безусловно, трудно восстановить ход развития внутреннего диалога по использованным нами дневникам: они слишком фрагментарны. Но можно установить, что у детей к 5—6 годам внутренние диалоги приобретают значительную сложность. Многие авторы дневников отмечают, что в это время у ребенка появляются особо волнующие, интересующие его темы, к которым он постоянно возвращается в течение нескольких дней, месяцев, а иногда и лет, задавая все новые вопросы и высказывая новые предположения. Вот запись из дневника матери Димы Левоневского (возраст — 6 лет, 9 месяцев, 27 дней): «Последнее время он очень заинтересован проблемой смерти. Все спрашивает, неужели люди должны обязательно умереть, разве человек не может жить вечно. Когда в шутку ответишь ему: „Будешь, будешь“, он серьезно возражает: „Нет, природа сделала, чтобы человек умер, и человек не может жить вечно“» [63]. Здесь очевидно, что во внутреннем диалоге есть и ряд вопросов на одну тему, и явное противоречие, и сложное многоплановое содержание. Еще пример из дневника Э. И. Стапчинской (возраст ребенка — 6 лет, 8 месяцев, 17 дней): «Ребенок воспитывался в антирелигиозном духе, мало сталкивался с верующими, а когда пришлось, они на него повлияли... У ребенка возникли сомнения.

— Мамочка, ведь бога нет?

— Нет.

— Они так много говорят, что бог есть, что я начинаю думать, что он есть!

— Где же?

— На небе.

— Что он делает?

— Все для нас» [116, 138].

Легко понять, что ребенок напряженно размышляет о существовании бога, в нем как бы столкнулись две смысловые позиции, два взаимоисключающих ответа («Бог есть» и «Бога нет»). Этот внутренний диалог зародился во внешнем (из общения с родителями и верующими), про-

должается значительное время, периодически разворачивается во внешний диалог со многими партнерами. Существова-ет, что во внешнем диалоге часто появляются вопросы, продуманные, выношенные во внутреннем диалоге. Так, нередко ребенок адресует взрослому не один вопрос, а целую серию вопросов. В том случае, когда серии вопросов нет, он совершенно явно добивается от взрослого определенного ответа, направляя диалог в определенное русло. По многим вопросам ребенка видно, что тема ему уже знакома, что он ее не раз обсуждал с самим собой и с другими. Например, к каким-то ответам взрослого ребенок уже готов и, ожидая их, заготовил к ним новые вопросы или возражения. О сложности внутренних диалогов в возрасте 5—6 лет свидетельствуют и те диалоги, которые у него возникают во время ролевых игр, особенно во время импровизации.

Внутренние диалоги детей, обнаруженные нами в дневниках, касаются в основном знаний, которые ребенок усваивал в ходе общения со взрослыми. Не случайно эти внутренние диалоги так тесно связаны с внешними диалогами ребенка и взрослого. Функции таких диалогов достаточно очевидны: восполнить пробелы в знаниях, согласовать их, понять, преодолеть возникающие противоречия. Следовательно, они не просто связаны с мышлением, а входят в мыслительный процесс, образуют его речевую форму.

И все же в приводимых материалах нет или почти нет примеров, по которым можно было бы проанализировать более конкретный процесс решения ребенком определенной задачи, выявить соотношение внутреннего диалога и разнообразных действий ребенка с познаваемым предметом. С целью поиска ответов на подобные вопросы нами было проведено несколько серий экспериментов. Испытуемыми были дети в возрасте 3,5—6,5 лет из различных детских садов г. Минска.

В первой серии детям разных возрастных групп предлагались задания с кубиками Косса из теста Векслера или составленные по его образцу. Простейшие задания выполнялись с четырьмя кубиками, более сложные — с девятью. Они предъявлялись ребенку по возрастающей сложности. Если испытуемый не справлялся с заданием, то более сложное ему уже не давалось. Эталонное изображение, которое испытуемый должен был воспроизвести на кубиках, паходилось перед ним, а речь его во время выполнения задания регистрировалась. В эксперименте участвова-

ли дети из средней, старшей и подготовительной групп, по 20 человек в каждой.

Во второй серии испытуемые разных возрастных групп получали задания «Сложение фигуры» из теста Векслера. В одном задании слон, которого нужно было сложить, был разрезан на 4, а в другом — на 8 частей. Сначала предъявлялось легкое, а затем более сложное задание. В этой серии испытуемые подбирались так же, как и в первой серии.

Детям старшей и подготовительной групп, легко справившимся с заданиями «Кубики Косса» и «Сложение фигуры», предъявлялось дополнительное задание-головоломка «Пифагор». Квадрат, разрезанный на 7 частей (семь геометрических фигур), вложен в пластмассовую коробочку. Ее показывают испытуемому. Затем у него на глазах содержимое коробочки высыпает на стол и предлагают уложить все высыпанное вновь в коробочку (т. е. составить квадрат из 7 частей).

В третьей серии экспериментов предлагалось угадывать загадки.

Проведенные эксперименты проводились с целью исследования особенностей речи испытуемых разного возраста, индивидуально решавших различные задания в зависимости от их сложности, характера. Каковы же результаты проведенных экспериментов?

Отметим, что в процессе выполнения заданий у детей можно было обнаружить и простое реплицирование, и внутренние диалоги, и внутренние монологи, осуществляемые посредством громкой речи. Иногда эта речь ребенка была явно адресована взрослому, т. е. превращалась в средство внешнего диалога. При выполнении некоторых заданий у отдельных детей громкая, доступная регистрации речь отсутствовала, но при этом иногда можно было заметить достаточно выразительные шевеления губ, услышать отдельные звуки.

Сравнение внутренних диалогов детей разного возраста позволяет утверждать, что с возрастом их внутренние диалоги, сопровождающие решение задачи, заметно усложняются. Это усложнение касается и формы, и содержания внутреннего диалога, и его функций. Наиболее примитивное проявление внутреннего диалога представлено появляющимися в речи отдельными речевыми актами, характерными для диалога, — вопросами и отрицаниями («А это что?», «Нет» и т. п.). Такие проявления диалогизации речи можно и не относить к внутреннему диалогу, скорее,

это простое реплицирование. Следующая по сложности форма — наблюдаемые в речи ребенка завершённые элементарные циклы внутреннего диалога. Обычно это циклы «вопрос — ответ» и «сообщение — отношение к нему». Например: «А это что? — Хобот, наверное» или «Здесь красный надо. — Нет». Еще более сложная форма внутреннего диалога — сложные циклы, образованные несколькими содержательно взаимосвязанными элементарными циклами. Приведем в качестве примера речь испытуемого Виталия П. (6 лет, 3 месяца) при выполнении одного из сложных заданий с кубиками Косса: «Так. Начнем сверху... Так, так. Стоит. Тут та-а-а-к. Обратно красный... Так, ставим так... Теперь посмотрю, как он подойдет? Так. Нет, не так. Не подходит... Подумаем... Так, правильно я поставил. А как этот? Так не подходит. Так? О вот, построил. Все».

Ясно, что усложнение формы внутреннего диалога неотделимо от усложнения его содержания. У младших испытуемых речь во время выполнения заданий часто была лишена признаков предметной конкретности. Ее образовывали такие выражения: «А это как?», «Так», «Теперь сюда», «Здесь надо», «Не получается», «Как же это?». Младшие испытуемые использовали речь чисто ситуативно, вся непредметность речи снималась лишь в образном плане. То есть в зависимости от того, на что смотрит и что делает такой испытуемый, используемые им слова каждый раз обретают новое значение («такой», «сюда» и прочее). В отличие от этого у детей более старшего возраста в речь постоянно входит лексика, фиксирующая особенности предметной ситуации. Они постоянно говорят о кубиках, полосках, углах, о верхе изображения и т. п. Вводят собственные обозначения для фиксации особенностей выкладываемой фигуры, например: «Ваза какая-то». Подобное введение в речь лексики, фиксирующей в специальном речевом знаке конкретные особенности предметной ситуации, придает диалогу тематическую определенность, облегчает возникновение содержательных связей между циклами. За счет этого и появляются во внутреннем диалоге несколько содержательно взаимосвязанных элементарных циклов, т. е. сложный цикл с одной общей темой, например: «Как построить такую полоску?».

Подтверждение сказанному можно получить при сравнении внутренних диалогов детей при выполнении ими заданий «Сложить слона» и «Кубики Косса». Слон, которого нужно сложить, — фигура знакомая. И младшие и старшие из наших испытуемых хорошо знают лексику,

фиксирующую детали эталонного изображения (голова, глаз, туловище, нога, хвост, хобот), знают взаимное расположение частей тела слона. Все это позволяло и младшим детям легко включать подобную лексику в свою речь, а в результате и усложнять при необходимости ее форму. Иными словами, у младших испытуемых можно было наблюдать несколько более развитые диалоги при выполнении задания «Сложение фигуры», чем при выполнении задания «Кубики Косса». Приведем для примера запись речи испытуемого Андрея Л. (возраст — 4 года, 2 месяца) при выполнении задания «Сложить слона»: «Вот голова. Это сюда нужно... Теперь хобот. Куда этот глаз?.. Дырка... Сюда передвину. Все получилось?» Очевидно, что введение обладающей предметной конкретностью лексики увеличивает связность речи, обнаруживает ее тематическое единство. Отметим заодно, что именно отсутствие предметной определенности не позволяет во многих случаях установить в речи ребенка наличие сложного цикла внутреннего диалога. Например, в его речи следуют подряд два вопроса: «А это что? Как так получилось?» Если это вопросы об одном и том же, то мы имеем начало сложного цикла, если же вопросы о разном, то имеем начала двух элементарных циклов. И все же и в подобных случаях лексика младших испытуемых часто вводилась ими однословно, как словесная констатация видимого факта: «Голова», «Нога». Вообще сложность образующих диалог высказываний у младших испытуемых значительно уступает сложности высказываний в диалогах старших. Можно отметить, что сложность, развернутость внутреннего диалога дошкольника в некоторой степени зависит от легкости вербализации им различных особенностей предметной ситуации, в которой разворачивается его познавательная активность, от уровня исходной знакомости ему этой ситуации.

Вместе с тем из сделанного выше вывода о зависимости сложности внутреннего диалога дошкольника от его возраста нельзя заключить, что внутренние диалоги старших дошкольников всегда более развернуты (т. е. многословнее, включают большее количество высказываний) и структурно более сложны, чем диалоги младших. Таким образом, можно утверждать, что возраст задает лишь доступный уровень сложности диалога, а каким он будет при выполнении задания, решении конкретной задачи, это определяется сложностью решаемой задачи.

В целом по всем сериям экспериментов обнаруживает-

ся определенная закономерность: чем сложнее задание, тем более развернутые и более сложные внутренние диалоги можно обнаружить в речи испытуемого. Но эта общая закономерность требует ряда конкретизирующих ее уточнений. Усложнение задания вызывает соответствующую интенсификацию внутреннего диалога лишь в определенных пределах — пока это задание не превышает некоторый уровень доступности. Самый сложный, самый развернутый диалог у испытуемого всегда наблюдается при выполнении самого сложного из доступных ему заданий. Понятно, что во всех рассматриваемых случаях речь идет о познавательной сложности задания, поскольку другие аспекты — манипулирование кубиками и частями разрезанной фигуры затруднений для испытуемых не представляли. Если определенное задание для конкретного ребенка является слишком сложным и он его выполнить не может, то его внутренний диалог либо переходит во внешний диалог с экспериментатором («А как это сделать?», «А так можно?»), либо прекращается. Но при этом прекращаются и попытки выполнить задание («Нет, у меня не получится», «Тут непонятно как-то»). Если же рассматривать речь ребенка при выполнении заданий разной сложности, двигаясь от наиболее сложного из доступных ему заданий ко все более легким, то нетрудно заметить, что внутренние диалоги становятся все менее выраженными, исчезают все признаки диалогизации речи (вопросы, отрицания, противоречия, сложные, а затем и простые циклы внутреннего диалога). А при выполнении легких заданий речь некоторых испытуемых представляет собой уже тишичный монолог, без признаков диалогизации. Например, Наташа П. (возраст — 6 лет) выполняет одно из простых заданий с кубиками Косса: «Так... А, ерунда, за 1 минуту построим. Желтый так. Теперь нужен желтый. Так... Здесь красный. Тут должен быть желтый. Здесь такой. Все». Некоторые же особенно легкие задания могут выполняться испытуемыми без слов, молча. При анализе экспериментального материала создается впечатление, что для любого из наших испытуемых можно подобрать такую серию возрастающих по сложности заданий, что, решая наиболее легкие из них, он обойдется или без речи (громкой, регистрируемой), или же ограничится монологической речью, а решая наиболее сложные, обязательно будет сопровождать свое решение развернутым внутренним диалогом.

Несколько слов о молчании испытуемых. Ясно, что случай, когда молчит «сильный» испытуемый при решении

легкой задачи, принципиально отличается от случая, когда молчит «слабый» испытуемый при решении слишком сложной задачи. Во втором случае молчание обычно свидетельствует о прекращении попыток решить задачу и об отсутствии активного речевого процесса. В первом же случае речевой процесс оказывается свернутым и переходит в форму внутренней речи. О том, что решение задачи продолжается, свидетельствуют действия ребенка (он активно манипулирует материалом задачи), а если в его действиях наблюдается пауза, то содержание его мыслей легко прояснить вопросом. Если «сильного» испытуемого спросить, о чем он думает, он, как правило, даст вполне осмысленный ответ типа: «Я подумал, что лучше строить иначе» — и т. д. Поэтому у старшего по возрасту испытуемого при выполнении одного и того же задания внутренний диалог может быть менее выражен, чем у младшего. Это происходит в том случае, если для старшего задание оказывается более легким. Но так дело обстоит не всегда, поскольку интеллект ребенка не всегда соответствует его возрасту (ребенок пяти лет иногда выполняет задания лучше шестилетнего).

Итак, речь ребенка при выполнении наиболее легких из доступных ему заданий может быть монологом, а при усложнении заданий превращается в диалог. Почему? Что определяет необходимость превращения монолога в диалог?

Проведенный анализ позволяет утверждать, что выполнение заданий сопровождается монологом, если это задание понятно ребенку. Тогда он с самого начала будет знать, что ему придется сделать для его выполнения. В этом случае ребенок все равно вынужден выполнять познавательные действия. Однако их основа — исходное понимание — остается неизменной в своих наиболее существенных чертах. А это определяет известную шаблонность, стереотипность совершаемых действий. Если же предлагаемое задание ново для ребенка и исходного понимания того, как следует решать задачу, недостаточно, то в его речи обнаруживается более или менее развернутый диалог, который является как бы способом коррекции исходного понимания. Например, вопросы, возникающие у ребенка при выполнении задания, могут предшествовать выполняемым действиям. В их содержании ясно видно, что ребенок чего-то не знает, не понимает, а потому и не может выполнить задание или то или иное действие (вопросы типа: «А что сюда надо поставить?» или «А как эта полоска по-

лучилась?»). Но вопросы могут и следовать за действиями ребенка. В этом случае они свидетельствуют о том, что в результате тех или иных действий ребенок оказался в новой, непредвиденной ситуации. Вопрос типа «А почему у меня кубиков не хватает?» возник тогда, когда ребенок, выполняя задание «Кубики Косса», в котором эталонное изображение получено из 9 кубиков, расположенных квадратом, положил в основание создаваемого им изображения не 3, а 4 кубика. Другой пример. Ребенок неправильно сложил слона и, рассматривая его, спрашивает у себя: «Что это за слон такой у меня получился?» Такой наглядно-действенный характер заданий, выполняемых ребенком во внешнем материальном плане, позволил отчетливо проследить связь возникающего диалога с выполняемыми действиями. Действия включаются ребенком в вопрос-ответный цикл, оформляются им, становятся средством поиска ответа на вопрос, приобретают познавательный характер. Существенна и роль циклов «сообщение — отношение к нему», например: «Здесь — красный. — Да.». Они фиксируют те существенные для ребенка знания, которые он получает по ходу выполнения задания и на основе которых выполняет дальнейшие действия. В то же время циклы сообщений с отрицательными отношениями к ним позволяют корректировать те или иные аспекты представления ребенка о ситуации («Нет, не так. Надо боком его поставить»).

О связи внутреннего диалога с выполняемыми ребенком познавательными действиями по-своему свидетельствуют и материалы эксперимента с отгадыванием дошкольниками различных загадок. Младшие испытуемые при нахождении отгадок к загадкам отвечали обычно одним словом, без каких-либо добавлений или отступлений. Если же ребенок не мог сразу отгадать загадку, то внутренний диалог не возникал. Ребенок молчал. Однако у этих же детей при выполнении других заданий («Кубики Косса» и «Сложение фигур») можно наблюдать достаточно выраженные диалоги. По-видимому, у них в этом возрасте внутренний диалог обслуживает в основном действия, осуществляемые во внешнем плане с материальными объектами. Когда же необходимые для решения действия ребенок должен выполнять «в уме», то ему труднее обсуждать их возможные варианты, оценивать результаты. Можно также утверждать, что отсутствие внутренних диалогов у дошкольников средней группы при отгадывании загадок связано с тем, что в данном задании велик удельный вес

логических действий (определение понятий, вывод), которые еще плохо сформированы в этом возрасте. Об этом свидетельствует тот факт, что дети подготовительной группы, отгадывая загадку, много рассуждают, причем именно в диалогической форме. Таким образом, внутренний диалог ребенка тесным образом связан с осуществляемыми им действиями, выполняет по отношению к ним регуляторную функцию, придавая им познавательную направленность. Этот исходный вывод нам предстоит уточнить и детализировать, однако для этого придется обратиться к новому материалу.

Прежде всего отметим, что факт отсутствия у испытуемых внутреннего диалога при выполнении ими легких заданий, возникновения и усложнения внутреннего диалога по мере роста сложности задания-задачи для испытуемого и исчезновения, разрушения диалога, когда задание оказывалось непосильным, относится не только к испытуемым дошкольного возраста. Аналогичная картина была выявлена и у взрослых испытуемых.

В проведенном нами эксперименте испытуемыми были студенты и научные сотрудники университета. Они индивидуально решали задачи, представляющие собой позиции из игры «Спички» [59]. Условия задачи: «На столе перед игроками находится какое-то количество спичек. Игроки делают ходы по очереди, беря за один ход одну, две или три спички. Проигрывает тот, кому приходится взять последнюю спичку». Каждому испытуемому предлагались последовательно несколько позиций из данной игры. В первой позиции перед испытуемым было 7 спичек, во второй — 8, в третьей — 11, в четвертой — 30 спичек. Испытуемый должен был ответить на вопрос, может ли игрок, делающий первым ход в заданной позиции, заставить своего противника взять последнюю спичку? Всем испытуемым позиции предъявлялись в последовательности со все возрастающим количеством спичек по мере решения предыдущей задачи. На решение всех задач давалось не более часа. Испытуемый решал задачи в уме, проговаривая вслух свои рассуждения. В эксперименте приняло участие 29 испытуемых.

«Спички» — наглядно-действенная задача, но все ее варианты имеют единый алгоритм решения. Предъявление задач в последовательности от минимального количества спичек к максимальному преследовало цель, с одной стороны, вызвать у испытуемых при решении первых задач перебор вариантов (легче перебрать, чем придумать об-

щее решение), а с другой стороны, стимулировать испытуемых к поиску общего решения за счет ситуаций с большим количеством спичек, что затрудняло перебор вариантов. Предполагалось, что количественные изменения ситуации задачи могут привести к качественным изменениям мыслительного процесса индивида и соответственно к изменениям его внутреннего диалога.

Анализ решений испытуемыми задач «Спички» показал, что если исходного понимания ситуации задачи, возникшего при ознакомлении с условиями, достаточно для ее решения, то внутренний диалог у испытуемого не возникает. У некоторых из них это имело место при решении задачи «7 спичек» и «8 спичек». Испытуемые при этом говорили что-то типа: «Спичек мало. Можно перебрать», что и делали в дальнейшем. Их речь при выполнении действий по перебору различных вариантов была более или менее развернутым монологом. Были и такие испытуемые, речь которых оказалась монологом и при решении задачи «30 спичек» — самой сложной из предъявлявшихся. Но это могло быть лишь в том случае, если к моменту решения этой задачи испытуемый уже знал алгоритм решения всех задач данного типа, и, следовательно, для него эта задача переставала быть творческой. В процессе эксперимента были выявлены испытуемые, у которых речь была внутренним диалогом даже при решении самой легкой задачи — «7 спичек». Для них и такая задача была непонятной, так как отсутствовала четкая стратегия решения. Они сомневались в том, можно ли перебрать все варианты, считали, что «спичек много» и «перебрать варианты будет трудно», не понимали, что значит «заставить противника взять последнюю спичку», не были уверены, что это можно сделать при любых ходах противника закономерно, а не случайно. То есть для этих испытуемых и задача «7 спичек» была творческой. Им, решая ее, приходилось изменять собственное исходное понимание и преодолевать значительную неопределенность в условиях этой задачи. Словом, как и в экспериментах с дошкольниками, применение в исследовании взрослых серии задач возрастающей сложности (и к тому же имеющих единый алгоритм решения) позволило обнаружить не случайный характер возникновения внутреннего диалога, его связь с наиболее продуктивными, наиболее творческими фрагментами мыслительного процесса. Внутренний диалог разворачивался, когда этот процесс должен был выйти за пределы известных решающему способов деятельности,

когда испытуемый достигал наибольшего прироста определенности в ситуации задачи.

Подробный анализ эксперимента по решению задач «Спички» проделан нами в другой работе. Не повторяя его здесь, отметим лишь, что он позволил выявить разнообразные регуляторные и собственно когнитивные функции внутреннего диалога человека в его мыслительном процессе [59]. Так, к регуляторным функциям внутреннего диалога можно отнести: изменение замысла, программы решения задач; организацию многопрограммного поведения; образование особых форм мыслительного процесса, в которых действия испытуемого оказываются включенными, погруженными в его диалог, подчинены логике его развития. Собственно когнитивные функции внутреннего диалога — это коррекция, исправление исходного, присущего субъекту понимания, структурирование, развертывание, логизация, актуализация включенных в диалог точек зрения субъекта, создание условий, предпосылок для синтеза, общения включенных в диалог точек зрения, рефлексия над собственной деятельностью, выполняющая и когнитивные, и регуляторные функции. Важнейший же вывод из анализа полученного материала состоял в том, что внутренний диалог испытуемого и совершаемые им действия являются двумя существенными и относительно самостоятельными компонентами мыслительного процесса.

Если, например, рассматривать решение задачи как поиск ответа на содержащийся в ней основной вопрос, то следует признать, что в процессе ее решения создается сложный текст как развернутая система определений, образующая ответ на основной вопрос задачи вместе с ответами на целый ряд других вопросов (таких, как «Как это можно доказать?», «Что для этого необходимо сделать?» и т. п.). И выполнение в процессе решения задачи различных познавательных действий также требует в качестве своей предпосылки известной определенности в том, что, как, в какой последовательности делать. Следовательно, включенные в диалоговые структуры познавательные действия в свою очередь включают в себя более или менее развернутые диалоги, в результате которых и создается необходимая для выполнения действий определенность. Эта взаимная согласованность хода внутреннего диалога и осуществляемых познавательных действий является, на наш взгляд, существенным условием продуктивности мыслительного процесса в ходе решения задачи.

У тех испытуемых, которые нашли общее решение для

всех задач данной серии, выполнение познавательных действий было подчинено движению внутреннего диалога. Они искали ответы на вопросы, проверяли их, опровергали выдвинутые предположения и т. п. У остальных испытуемых, особенно при решении задачи «30 спичек», где перебор вариантов был крайне затруднен, наблюдалось определенное рассогласование внутреннего диалога и осуществляемых в ходе решения интеллектуальных действий. Эти испытуемые обычно выдвигали ту или иную идею об общей закономерности, на основе которой следует решать задачи данного типа. Тем самым они отказывались от предшествующей стратегии решения задач перебором. Но неудачные попытки реализовать новую общую программу решения тем не менее не приводили этих испытуемых к диалогу о выбранной программе, к вопросам типа «Возможно ли это в принципе?», «В чем преимущество нового варианта по сравнению с рассмотренным?», «Что между ними общего?» и т. п.

Таким образом, чем сложнее оказывается задача для испытуемого, тем большую исходную неопределенность он должен преодолеть, различая, объединяя, согласуя между собой наличные знания, дополняя их вновь полученными, конструируя из них ответы на вопросы, устраняя и объясняя противоречия и т. д. Ход этого процесса и отражается в развертывающемся во время решения внутреннем диалоге с его темами и подтемами, различными точками зрения, выражаемыми в сообщениях, вопросах, ответах и т. п. Вместе с тем чем сложнее решаемая задача, тем значительнее разнообразие и сложность интеллектуальных действий, на основе которых только и могут возникнуть очередные этапы внутреннего диалога. Поэтому высокая продуктивность мыслительного процесса в ходе решения задачи имеет место лишь при наличии согласованности, скоординированности внутреннего диалога и осуществляемых испытуемыми интеллектуальных действий.

Основной вывод проведенного исследования, на наш взгляд, хорошо согласуется с результатами других исследований. Это особенно заметно, если для анализа взять наиболее очевидный и легко узнаваемый по своей форме цикл диалога — «вопросо-ответный».

Можно по-разному определять и понимать, что такое мышление. Но тем не менее вряд ли найдется исследователь, который стал бы отрицать ту особую роль, которую играет в мышлении человека формулирование вопросов и самостоятельный поиск ответов на них. Существуют спе-

циальные психологические исследования вопросов. К такому относится фундаментальное исследование С. Шумана [142], который на огромном эмпирическом материале показал тенденции в возникновении и развитии вопросов у детей. В частности, он утверждает на основе анализа собранного многолетними исследованиями материала, что нормальный ребенок с третьего года жизни задает за год в среднем по 2—3 тысячи вопросов [142, 11]. Из новых исследований вопроса в мышлении индивида отметим работу Н. Б. Шумаковой [134]. По данным же О. К. Тихомирова и его сотрудников, по ходу решения шахматной задачи у испытуемого может возникнуть до 70 и более вопросов [122].

В русле рассматриваемой проблемы стоит еще раз обратить внимание на единство вопросов с совершаемыми в процессе решения задачи различными действиями с познаваемым предметом. В этой связи особое значение имеют данные А. А. Люблинской о соотношении речи и действий у детей, решающих мыслительную задачу. Автор указывает на исключительную роль вопроса в оформлении задачи и в поисках путей ее решения [74; 75]. А. А. Люблинская отмечает, что «четкая направленность действий ребенка при решении им задачи обеспечена вопросом», различая, с одной стороны, вопрос и действие в решении задачи, с другой — указывая на их тесную взаимосвязь в мыслительном процессе [75, 327].

Эти данные дополняются материалами исследования А. Р. Лурья и Л. С. Цветковой, показывающими, какие глубокие нарушения мышления возникают (при определенных поражениях головного мозга), если нарушается способность больного запоминать вопросы, содержащиеся в задаче, или формулировать свои собственные. В таких случаях при сохранении способности производить те или иные преобразования материала задачи эти преобразования становятся бессмысленными [73]. Ссылаясь на приведенные исследования, следует подчеркнуть, что ответ — это всегда ответ на вопрос. Поэтому нужно говорить не о вопросах, а о вопросо-ответных циклах и их роли в мышлении. По этой причине и изучение соотношения вербальных и невербальных компонентов мышления должно строиться с учетом того, что вопрос существует до того, как будет найден ответ. Это означает, что утверждение об отсутствии речи в мыслительном процессе после возникновения вопроса можно принимать лишь со многими оговорками.

Тема вопросо-ответных циклов в мышлении индивида, их соотношения с выполняемыми действиями обретает новое звучание, если принять во внимание существование сложных циклов, полученных путем включения цикла в цикл, их пересечения или простого чередования [57; 59]. Такие сложные циклы следует соотносить не с отдельными действиями, а со сложными комплексами познавательных действий. Заметим в этой связи, что когда С. Шуман изучает серии из нескольких задаваемых ребенком подряд вопросов, то фактически имеется в виду сложный вопросо-ответный цикл, полученный пересечением нескольких элементарных (первый вопрос — второй — третий — ответ на первый вопрос — на второй — на третий). Первая половина такого сложного цикла и есть изучаемая С. Шуманом серия вопросов ребенка.

В заключение отметим, что вопросо-ответные сложные циклы не только объединяют, интегрируют отдельные действия в целый комплекс познавательных действий, направленных на решение задачи (вспомним в этой связи традиционную для младших школьников форму записи решения задачи, когда каждому действию предшествует соответствующий вопрос, ответ на который и будет найден действием). Сложные вопросо-ответные циклы — это и основа синтеза знаний. Достаточно учесть, что часто очередной вопрос является вопросом к ответу из предшествующего вопросо-ответного цикла. Именно так из « X равен Y . — Почему? — Потому, что...» получается: « X равен Y , потому что...».

Все рассмотренные примеры по соотношению вопросо-ответных циклов и познавательных действий в структуре индивидуального мышления преследовали цель обозначить проблему, ее наиболее интересные аспекты и таким образом в наиболее очевидном варианте представить единство внутреннего диалога и осуществляемых субъектом познавательных действий в мышлении.

Выводы:

1. Внутренний диалог личности и совершаемые ею познавательные действия являются двумя существенными и относительно самостоятельными компонентами ее мыслительного процесса. В частности, внутренний диалог — обязательный компонент мышления в процессе решения сложной творческой задачи.

2. Внутренний диалог и совершаемые личностью интеллектуальные действия можно различить даже в тех случаях, когда задача решается в уме, т. е. когда речь чело-

века является и речевой формой внутреннего диалога, и речевой формой осуществляемых им интеллектуальных действий. Речевой формой осуществляемых во внутреннем плане действий является предложение, речевой формой внутреннего диалога являются высказывания.

3. Продуктивность мыслительного процесса зависит не от самого по себе уровня диалогизированности речи испытуемого, а от скоординированности, согласованности внутреннего диалога и осуществляемых в ходе мыслительного процесса познавательных действий личности.

ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА

Проблема «личность и общение» не является новой для современной советской психологии. Достаточно вспомнить сформулированный Л. С. Выготским принцип, согласно которому все специфические человеческие высшие психические функции формируются у ребенка первоначально как внешние, т. е. разделенные на двух субъектов, осуществляемые ими совместно в процессе общения, или вспомнить, как, цитируя известные слова К. Маркса («Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку...»), С. Л. Рубинштейн подчеркивает, что общественное отношение к другим опосредствует у человека и самое отношение к природе, к объекту вообще [109].

В последнее время по проблеме «личность и общение» появились новые интересные теоретические исследования К. А. Абульхановой-Славской [5], А. А. Бодалева [20], А. А. Леонтьева [63], Б. Ф. Ломова [71]. У нас есть возможность сослаться не только на теоретические исследования, но и на работу иного жанра — научно-практическую, уникальную по своим результатам. Мы имеем в виду формирование человеческой психики у детей, лишенных слуха, зрения и речи, осуществленное под руководством А. И. Мещерякова. Обобщив накопленный опыт, он пришел к следующему принципиальному выводу: «Развитие психики ребенка, у которого отсутствует зрение, слух и речь, глубоко своеобразно и резко отличается от развития психики всех других детей прежде всего потому, что при слепоглухонемоте катастрофически падает возможность общения ребенка с окружаю-

щими его людьми» [85, 111]. А. И. Мещеряковым доказано, что именно организация, создание общения взрослого воспитателя со слепоглухонемым ребенком открывает путь к формированию у него подлинно человеческой психики [85, 111].

В связи с этим проблема «личность и общение» приобретает большую теоретическую и практическую значимость. Наше внимание будет направлено на один из наименее изученных аспектов данной проблемы. Мы имеем в виду общение человека с самим собой, и прежде всего его внутренний диалог. Дело, конечно, не столько в малой изученности данного аспекта, сколько в том, что во многих отношениях он является центральным. Общение с самим собой центр проблемы «общение и личность» хотя бы потому, что нет ни сложных форм общения человека с человеком, ни сколько-нибудь развитого внутреннего мира личности без общения человека с самим собой, в частности без внутреннего диалога.

Внутренний диалог представляет явление, принципиальное для понимания человека как общественного существа, понимания социальной природы человеческой психики и механизмов социальной регуляции поведения индивида. В анализе этих вопросов исходным, на наш взгляд, является следующее сформулированное К. Марксом положение: «Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни... является проявлением и утверждением общественной жизни» [1, 590]. Как будет понято данное утверждение Маркса, зависит от ответа на два вопроса: что значит «всякое проявление жизни индивида» и какой смысл вкладывается в выражение «проявление и утверждение общественной жизни»? По поводу первого из них Маркс неоднократно поясняет, что имеются в виду не только те проявления жизни индивида, которые совершаются им «непосредственно в действительном общении с другими», совместно с ними, в форме «реальной коллективности», но и те проявления его жизни, которые осуществляются индивидуально, вне непосредственного взаимодействия с другими членами общества. «Но даже и тогда,— писал Маркс,— когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью,— деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими,— даже и тогда я занят общественной деятельностью, потому что я действую как человек. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — да-

же и сам язык, на котором работает мыслитель,— но и мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо» [1, 590].

Что же касается выражения «проявление и утверждение общественной жизни», то здесь важно, что Маркс понимает общественную жизнь не только как «жизнь в обществе», но и как «жизнь общества». Вот это последнее обстоятельство и является, на наш взгляд, решающим. Всякое проявление жизни индивида является не только его жизнью в обществе, но оно является и особой формой жизни общества, коллектива. Жизнь общества проявляется, утверждается в бытии индивида. Причем не только тогда, когда индивид взаимодействует с другими и подвержен их непосредственным воздействиям, но и тогда, когда он обособлен, находится вне действительного общения. Маркс писал: «...если человек есть некоторый *особенный* индивид и именно его особенность делает из него индивида и действительное *индивидуальное* общественное существо, то он в такой же мере есть также и *тотальность*, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества...» [1, 591]. Очевидно, это один из самых существенных и сложных аспектов в понимании социальности психики человека. Как проявляется общественность, коллективность в поведении обособленного индивида? На наш взгляд, внутренний диалог и представляет одну из основных, а может, и основную форму проявления и утверждения общественной жизни в бытии обособленного индивида, в бытии человека как индивидуального общественного существа. Поясним это.

Маркс говорит о том, что человек есть в самом буквальном смысле «общественное животное», т. е. «не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества... такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидов» [4, 18]. Обособление достигается в результате общественного развития индивида, развития в обществе, а не вне его, благодаря общению, взаимодействию с другими людьми.

Именно в этом процессе и формируется личность, которая без некоторого обособления вообще не существует как уникальный, неповторимый внутренний мир, как определенное самосознание, как мышление, способное без

посторонней помощи, индивидуально найти решение сложнейших задач и т. п. Общая психология, традиционно изучающая психику автономного, относительно самостоятельного индивида, может это делать лишь потому, что индивид прошел определенный путь общественного развития и обрел эту самостоятельность, автономность, обособленность. «...Развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении...» [2, 440]. В этой связи Б. Ф. Ломов, перечисляя основные свойства индивидуального сознания (его опосредствованность общественным сознанием, внутреннюю связность, относительную самостоятельность, рефлексивность), подчеркивает, что сознание имманентно связано с общением, не может быть понято без анализа процессов общения [71, 263].

Приведенные здесь мысли Маркса о единстве языка, сознания и общения в целом хорошо известны. Но, на наш взгляд, в них открываются новые смысловые горизонты, если учесть, что, связав в единое целое язык, сознание и общение, Маркс определил язык и как «самоговорящее бытие коллектива»: «Сам язык в такой же мере является продуктом определенного коллектива, как, с другой стороны, он сам есть наличное бытие этого коллектива, к тому же его самоговорящее бытие» [4, 479]. Язык рассматривается при этом как практическое, действительное сознание. И язык, и сознание возникают лишь «из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [2, 29].

Понятно, что язык развивается вместе с развитием коллектива, сообщества взаимодействующих индивидов, занятых совместной деятельностью, и в структуре языка, его лексике, грамматических и прочих формах отражается общественная жизнь. Но в то же время «живой» язык существует, лишь будучи включенным в процесс общения, лишь в речи общающихся индивидов. Поэтому не только язык как абстрактная система, но и речь человека как процесс использования языка в ходе общения также является самоговорящим бытием коллектива. А это наиболее ярко проявляется именно во внутреннем диалоге, который, как было показано, предполагает воспроизведение индивидом чужой речи в собственной. Внутренний диалог — это один из самых прозрачных механизмов, обеспечивающих звучание голосов других индивидов в рупоре сознания человека. (Мамардашвили). Только в этом контексте становится понятным положение Маркса, в котором сознание рассматривается как *«теоретическая форма того,*

живой формой чего является *реальная* коллективность, общность» [1, 590].

Внутренний диалог личности и есть, говоря словами Маркса, «идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества» [1, 594].

Решение проблемы «личность и общение» предполагает преодоление определенного противоречия. С одной стороны, существование личности, как отмечалось, предполагает обособление, но, с другой, для ее развития необходимо общение, а общение с другими индивидами как раз эту обособленность исключает. Как же можно представить обособленность личности в процессе общения? На наш взгляд, внутренний диалог и является механизмом обособления личности как субъекта общения. Одно дело обособление как прекращение общения. Это выход из общения, при котором личность перестает быть субъектом общения. Другое дело выход из внешнего диалога, из непосредственного взаимодействия с другими реальными собеседниками и развертывание внутреннего диалога, в котором личность, оставаясь субъектом общения, создает тем не менее совершенно очевидную собственную обособленность. Единство общения и обособления предстает в данном случае как единство, взаимосвязь и взаимопереходы внешнего и внутреннего диалогов личности. Следовательно, внутренний диалог личности и является центром проблемы «личность и общение». Поэтому представляет особый интерес вывести общение человека с самим собой именно из особенностей его общения с другим человеком.

Общезвестно, что общение со взрослым для ребенка определенного возраста является особо важным источником разнообразных по форме и содержанию знаний об окружающем его мире. Прекрасная иллюстрация к этому — исследование Дж. Брунера [21]. Автор, изучая начальные, самые первые формы общения матери с ребенком, показал, что очень часто мать следит за направлением взгляда ребенка 6—12-месячного возраста. При этом она определяет, на что направлено его внимание, и комментирует в своей громкой, обращенной к ребенку речи все виденное им, т. е. называет предметы, их свойства и т. п. Подобное тотальное комментирование возможно лишь потому, что время бодрствования младенца, как и его способность самостоятельно перемещаться в пространстве, крайне ограничено.

Чем старше будет ребенок, тем чаще ему придется руководствоваться собственным мышлением и тем чаще у

него будет возникать внутренний диалог. Во-первых, чем более развитыми окажутся познавательные потребности ребенка, чем больше вопросов у него появится, тем больше будет среди них таких, на которые ему придется отвечать самому, так как взрослого не оказалось рядом, или взрослый не понял вопрос ребенка, или отделался формальным ответом, или вообще уклонился от него. Ребенку может быть непонятен ответ взрослого, ответ может быть несвоевременным и т. д.

Во-вторых, развитие ребенка — это одновременно и расширение круга его общения. Ведь в его жизнь входят все новые и новые лица: воспитатели, учителя, сверстники, родственники, тренеры и т. п. Различный жизненный опыт и образовательный уровень окружающих ребенка индивидов — все это создает предпосылки для возможных различий в их взглядах на те или иные вопросы, в их мнениях, оценках, суждениях. А это означает, что усваиваемая в процессе общения с ними система знаний ребенка может быть противоречива. С определенного момента развития ребенок обнаруживает чувствительность к логическим противоречиям. Их обнаружение активизирует его мышление, вызывает развертывание его внутреннего диалога.

В-третьих, по мере развития личный жизненный опыт ребенка становится все более неповторимым, а в связи с этим все большую определенность приобретает его собственное мнение и представление о различных сторонах окружающей действительности. Определенное содержательное своеобразие собственного мнения ребенка — это еще одна предпосылка для возникновения противоречий в формируемой на основе общения с другими людьми системе знаний и соответственно предпосылка для развертывания самостоятельного мыслительного процесса и его обязательного компонента — внутреннего диалога.

Таким образом, очевидно, что общение человека с другими людьми никогда не может полностью удовлетворить его потребность в информации об окружающем мире. Ему всегда будет необходимо собственное мышление, а следовательно, и внутренний диалог как обязательный компонент продуктивного мышления. В участии внутреннего диалога в мыслительном процессе личности особенно ярко проявляется его **познавательная функция**.

Вместе с тем анализ познавательной функции внутреннего диалога личности должен быть углублен. Дело не только в том, что внутренний диалог участвует в добыва-

нии информации, необходимой для достижения тех или иных жизненных целей личности. Гораздо важнее, что есть особо значимая для личности информация, в значительной степени определяющая, что собой представляет сознание личности. Сводить личность к сознанию, к совокупности знаний нельзя, но и игнорировать личность как определенное мировоззрение, систему знаний о мире, природе, обществе тоже нельзя. Следует учитывать, что нередко ответы на мировоззренческие вопросы приходят к личности в результате мучительных раздумий, сопровождаемых часто внутренними диалогами. Это подтверждает эмпирический и теоретический материал о смысле жизни, представленный в работе К. Обуховского «Психология влечений человека» [89]. Как показано автором, потребность получить ответ на вопрос «В чем смысл жизни?» в некоторых случаях может крайне обостряться, а неверный ответ на этот вопрос может привести даже к жизненной катастрофе. О смысле жизни, его значении и поиске содержится много важных сведений в работе В. Франкла [128]. Заметим, что диалогический характер размышлений в ходе поиска ответа на этот вопрос подчеркивается уже самой вопросо-ответной формой этих размышлений. Очевидно и то, что внутренний диалог участвует и в определении жизненной перспективы личности, что ярко проявляется в подростковом и юношеском возрасте, например, в связи с выбором будущей профессии, с поиском ответа на вопрос «Кем быть?». Но вопросы, связанные с определением личностью своей жизненной перспективы, характерны не только для указанного возраста. Они появляются перед личностью в течение всей жизни. Большой интерес в этом отношении представляют появившиеся сравнительно недавно данные о так называемом кризисе середины жизни, возникающем обычно между тридцатью и сорока годами. Именно в это время человек осознает, что многое в его жизни приобретает необходимую определенность, что уже далеко не «все возможно», как казалось в юности. В соответствии с множеством обстоятельств, появившихся в его жизни (семья, профессия, социальный статус), ему необходимо изменить, переосмыслить ответ на вопросы «Что меня ждет в будущем?», «Какой будет моя дальнейшая жизнь?» [76]. Все ответственные поступки человека, связанные с сознательным выбором той или иной линии поведения, сопровождаются размышлениями о возможных последствиях. Размышления эти предполагают более или менее развернутые внут-

ренние диалоги личности, за которыми следуют те или иные поступки. Из таких поступков складывается жизненный путь личности. В них получает определенность человеческая судьба. Богатый материал на данную тему можно найти в дневниках Л. Н. Толстого. Одна из самых ярких записей сделана великим писателем незадолго до смерти, 7 января 1910 года: «Душевное состояние немного лучше. Нет беспомощной тоски, есть только неперестающей стыд перед пародом. Неужели так и кончу жизнь в этом постыдном состоянии?» [124, 5]. Запись неопровержимо свидетельствует: внутренний диалог личности по важнейшим жизненным вопросам, в том числе и о перспективе собственного бытия, может продолжаться до самой смерти. О судьбе Л. Н. Толстого мы знаем, что и за этим диалогом также последовал поступок!

Есть еще один аспект соотношения мышления (а значит, и внутреннего диалога) и личности не как внешних и независимых, а как взаимопроникающих, органически взаимосвязанных явлений. Личность — это не только определенное сознание, но и самосознание, в частности определенная «Я-концепция». «Кто я?» — один из важнейших вопросов, отвечая на который личность как бы решает задачу самоопределения, формирования понятия о собственном «Я». Общеизвестно, что то или иное представление о себе, например та или иная самооценка или определение своей принадлежности к той или иной социальной группе, может существенно повлиять на выбор линии поведения в конкретной жизненной ситуации. Соответственно совершенный личностью поступок, воплотивший сделанный ею выбор, может радикально изменить и жизненную ситуацию, и саму личность, потребовать новых самоопределений. Значит, «Я-концепция» — это динамическое, постоянно изменяющееся в течение всей жизни образование. Соответственно и внутренний диалог участвует в самоопределении, самопознании личности, начиная с определенного возраста, в течение всей жизни.

Поэтому не только мышление и внутренний диалог личности оказывают столь явно выраженное влияние на развитие ее самосознания, но также и развитие самосознания личности оказывает существенное влияние на особенности ее внутренних диалогов. Мы имеем в виду процесс осознания личностью своего внутреннего мира, его уникальности и неповторимости, существование прочной связи между индивидуализацией внутреннего мира и его интимизацией [52; 53]. Вообще, по определению, интим-

ное — это то, что может обсуждаться лишь с крайне ограниченным кругом лиц [137]. Речь идет о том, что на определенном уровне развития личности, ее социализации возникает интимный внутренний мир личности и одновременно — интимный внутренний диалог. Внутренний диалог ребенка является внутренним в том смысле, что он развивается одним субъектом и может осуществляться во внутренней, недоступной для восприятия другого человека речи. Но принципиально важно, что внутренний диалог ребенка легко переходит во внешнюю речь, становясь доступным восприятию взрослых. До определенного возраста внутренний диалог не является скрываемым, тайным, т. е. интимным. Лишь в подростковом возрасте происходит окончательное открытие собственного внутреннего мира, осознание его неповторимости, уникальности, завершение его интимизации. В подростковом возрасте для личности становятся обычным явлением такие темы, содержание которых не позволяет находить реальных собеседников. Подобное содержание можно было бы назвать «сверхинтимным». Исходы интимных внутренних диалогов весьма значимы для личности. Они могут оказывать сильнейшее влияние на ее судьбу. Примеры, подтверждающие подобное утверждение, легко найти в практике психотерапевта [137]. Именно в поиске ответов на какие-то никому несообщаемые вопросы, в разрешении глубоко скрываемых личных проблем особенно важен внутренний диалог личности, поскольку здесь он часто просто не может быть заменен внешним диалогом, совместным поиском решений.

Анализ познавательной функции внутреннего диалога не сводится к обоснованию его необходимости для продуктивного мыслительного процесса личности. Появляется новый исключительно серьезный вопрос о функционально-ролевой структуре внутреннего диалога, т. е. вопрос о его участниках, о «микросоциуме его собеседников» [18], о тех смысловых позициях, взаимодействие которых и создает внутренний диалог. В этом вопросе необходимо выделить два основных аспекта: о содержательной определенности взглядов, позиций, точек зрения, представленных в диалоге (т. е. «Что и о чем говорится?»), и об их авторской, личностной определенности, персонифицированности.

В процессе художественного, научного и технического творчества в высказываниях внутреннего диалога автора могут отражаться и соотноситься различные культуры (Восток и Запад, средневековье и античность), мировоз-

зрения (религиозное и атеистическое), стили мышления, научные школы, теории, принципы, аксиомы. Именно такого типа внутренние диалоги привлекли внимание В. С. Библера [18, 19], Ю. М. Лотмана [72]. Конечно, не любой внутренний диалог обретает культурологический мировоззренческий характер. Ведь взятый конкретно внутренний диалог содержательно ограничен кругозором автора. Но подобный аспект анализа внутреннего диалога, выявляющий содержательную определенность представленных в нем точек зрения, особенно явно связанный с его познавательной функцией, сохраняется и в том случае, если диалог утрачивает культурологический мировоззренческий характер, становится житейским, локальным.

Существенно, что, каким бы ни был внутренний диалог, остается и второй аспект его анализа, вносящий ясность в авторскую, личностную определенность, персонафицированность взаимодействующих в диалоге позиций, взглядов и т. п. Специфика обсуждаемой научной проблемы влияет на круг актуальных для ее анализа теорий, взглядов, гипотез. Другая проблема потребует для своего обсуждения других содержательных элементов диалога. Но вот социум участников внутреннего диалога, достигающих высокой степени персонафицированности, уже почти полностью определяется личным опытом индивида, его социальным окружением и т. п. Вот как это описывает А. Н. Шогам: «Процесс суждения с психологической стороны не сводится к той или иной фигуре силлогизма. Слово «суждение» — это отглагольное существительное от слова «судить». Психологический анализ показывает, что «суждение» действительно возникает как приговор суда: судит актуальное «Я», оно же ведет «расследование», допрашивает «свидетелей», выслушивает мнение сторон и совещается с членами суда...» [133, 204]. Далее свою мысль автор конкретизирует на примере мышления полководца: «Обдумывая план военной операции, полководец, рассматривая его с разных точек зрения, т. е. мысленно, даже сама того не замечая, играет роль своего противника, его соседей, его начальников и подчиненных, своих соседей, командиров приданных ему подразделений, своих начальников и подчиненных. Он мысленно выступает на военном совете, защищая свой план, и на военном совещании выслушивает мнение подчиненных. Он смотрит на свой план глазами других людей и «мысленно» слышит их голоса» [133, 204]. В данном случае особенно

очевидно, что у каждого полководца будет свой круг участвующих во внутреннем диалоге голосов.

Анализ функционально-ролевой структуры внутреннего диалога, фиксация участвующих в нем голосов и позиций сразу выявляет ее зависимость от структуры внешнего диалога личности. Во-первых, возможны прямые воспроизведения во внутреннем диалоге структуры внешнего, прямое воспроизведение персонажей внешнего диалога во внутреннем (например, во внутреннем диалоге человек нередко продолжает спор, начатый во внешнем диалоге). Во-вторых, может произойти введение во внутренний диалог новых персонажей или замена одних «действующих лиц» другими. Так, во внутреннем диалоге может продолжаться диалог-спор, диалог-конфликт, но может быть и его замена, например, диалогом-согласием с другом. И теперь вместо продолжения спора с партнером во внутреннем диалоге будет жалоба, адресованная другому человеку по поводу диалога-конфликта, или сожаление и даже раскаяние. Одно дело говорить с кем-то, другое — говорить о нем. При этом происходит перевод собеседника реального диалога из позиции «ты» в позицию «он». Собеседник как бы выводится из диалога, лишается голоса в нем.

Отметим, наконец, что персонажи внутреннего диалога могут быть результатом различных форм смысловой проработки и переработки материала, поставляемого внешним диалогом. Так, возможно возникновение, например, собирательного образа, т. е. такого персонажа внутреннего диалога, в котором можно узнать черты разных лиц из социального окружения автора. Подобное нередко бывает во сне [120]. Возможны своеобразные обобщенные образы, как в случае, когда оппонентом во внутреннем диалоге ученого оказывается «обобщенный», типизированный представитель определенной научной школы, использующий ее идеи, гипотезы, эмпирический материал, примеры и контрпримеры и т. п. Очевидно, что в оформлении персонажей участников внутреннего диалога принимают участие и механизмы символизации, замещения и другие [50]. Важно и то, что различные смысловые проработки и переработки во внутреннем диалоге касаются и собственного голоса автора. Достаточно в этой связи обратиться к материалу сновидений. В них человек может видеть себя во сне разговаривающим с другим человеком и при этом еще в какой-то степени осознавать себя и как сновидца. В известной мере затронутые здесь вопросы рассматривались

в теории психоанализа [50], имела место и научно-материалистическая интерпретация подобных явлений [120]. Наша цель в данном случае состоит не в том, чтобы найти ответ на вопрос, как формируются персонажи внутреннего диалога. Она заключается в том, чтобы в решении этого вопроса выделить в качестве ограниченного, крайнего случая такой, при котором во внутренний диалог прямо переносятся персонажи внешнего диалога, и отметить, что есть и иные, гораздо более сложные и менее очевидные варианты.

В завершение анализа вопроса о соотношении персонажей, участников внешнего и внутреннего диалогов отметим еще два момента. О персонажах внутреннего диалога можно с уверенностью говорить, если они имеют достаточно развитое образное оформление, т. е. когда участвующие во внутреннем диалоге голоса узнаваемы, наделены чувственной определенностью и когда к этому добавляется еще и определенность зрительного образа персонажа. Но такое встречается далеко не всегда. Этого нет, когда голоса внутреннего диалога воспроизводятся на уровне обычных, а не эйдетических представлений. Если при этом еще и предметное содержание голоса лишено признаков, позволяющих его идентифицировать с тем или иным участником внешнего диалога, то следует говорить не об участниках и персонажах внутреннего диалога, а об участвующих в нем обезличенных смысловых позициях. В плане соотношения структур внутреннего и внешнего диалогов в этом случае можно говорить об анонимности голосов внутреннего диалога.

В то же время, если во внутреннем диалоге есть некоторая чувственная определенность участвующих в нем голосов, позволяющая отнести их к определенному персонажу, соотносить его с определенным участником внешнего диалога, то обнаруживается, что во внутреннем диалоге не всегда какой-то определенный персонаж воспроизводит именно свою смысловую позицию. Он может частично или полностью заимствовать чужую смысловую позицию, как бы говорить «не своим голосом». Факты, подтверждающие подобный вывод, можно встретить и при анализе сповидений, и при анализе совместных решений. В последнем случае обнаружено, что нередко в ходе совместного решения задачи испытуемый «присваивает» себе мысли, утверждения, идеи своего партнера, в иных же случаях он легко переходит от отстаивания своих положений к отстаиванию противоположных поло-

жений, выдвинутых партнером [58]. Встречается не только «присвоение» чужих мыслей, но и отчуждение собственных («Этого я не говорил»). Все это наглядно демонстрируется в экспериментах по индивидуальным пересказам партнерами содержания только что завершенного внешнего диалога, участниками которого они были [60]. Да и данные из области психопатологии, приведенные в разделе, посвященном внутренней речи, свидетельствуют, что границы между различными голосами внутреннего диалога могут стираться (больные говорят о стирании границ между своим и чужим голосом). Таким образом, очевидна зависимость функционально-ролевой структуры внутреннего диалога (взаимодействующих во внутреннем диалоге персонажей или смысловых позиций и отношений между ними) от структуры внешнего диалога. Но прямые соответствия являются лишь одним из возможных типов отношений между этими структурами.

Анализ познавательной функции внутреннего диалога смыкается в этом пункте с анализом его **коммуникативной функции**. Мы имеем в виду, что внутренний диалог играет особую роль в реальном общении личности, не отделим от него, а в силу этого связан с тончайшими нюансами самоопределения личности, с динамикой самого интимного личностного содержания. Перейдем к более детальному рассмотрению коммуникативной функции внутреннего диалога личности.

В современной науке накоплен большой фактический материал по психологии и психопатологии одиночества, собранный в монографии О. Н. Кузнецова и В. И. Лебедева [57], а также в других публикациях [55; 56]. Этот материал имеет самое непосредственное отношение к психологии внутреннего диалога, в частности к анализу его коммуникативной функции. Многочисленные свидетельства лиц, в одиночку совершавших длительные путешествия, дневники тех, кому пришлось длительное время находиться в тюремных камерах-одиночках, экспериментальные данные, полученные от испытуемых, продолжительное время находившихся в изоляции, без или с предельно ограниченным общением с другими людьми — все это свидетельствует об одном. В условиях крайнего дефицита общения с другими реальными партнерами у человека интенсифицируется общение с самим собой. Как утверждают названные авторы, спонтанная речевая активность людей, падающих в условиях одиночества, может иметь монологическую форму. В этом случае человек перечис-

ляет, описывает все, что видит, слышит, делает. Но его речевая активность может иметь и форму диалога, при котором он разговаривает сам с собой, задает вопросы и сам отвечает на них, спорит сам с собой, доказывает сам себе, заставляет себя что-то делать, успокаивает себя, разъясняет себе, убеждает и т. д. [55, 32]. Удельный вес таких внутренних диалогов среди других форм общения человека с самим собой по мере изоляции нарастает.

В условиях одиночества общение с собой имеет тенденцию к экстерииоризации, т. е. к различным формам развёртывания вовне. Все это проявляется в использовании в процессе общения с собой громкой речи. Но могут быть и другие, более специфические экстерииоризационные реакции: использование различных табличек с обращенными к самому себе приказами, напоминаниями, предостережениями и т. п. [55, 34].

Все это позволяет утверждать, что одиночество, доведенное до определенного предела, приводит к тому, что общение с самим собой интенсифицируется, диалогизируется и экстерииоризируется, становится все более похожим на ту или иную форму общения человека с другим реальным человеком. Поэтому вполне логичен и сделанный О. Н. Кузнецовым и В. И. Лебедевым принципиальный вывод: речевая активность в условиях одиночества полностью подтверждает мысль Л. С. Выготского о том, что «человек наедине с собой сохраняет функции общения» [55, 35].

Но все же зачем личности внутренний диалог? Какие личностные потребности он удовлетворяет? На наш взгляд, уже по приведенным выше данным понятно, что, по крайней мере в некоторых случаях, общение с собой компенсирует отсутствие общения личности с другим реальным собеседником [91]. Ведь одиночество — это результат изоляции, отсутствия возможности вступить в общение с реальным собеседником. Именно такой материал собран и проанализирован О. Н. Кузнецовым и В. И. Лебедевым. Но к этому материалу есть существенные дополнения. Многочисленные данные по психологии и психопатологии одиночества хорошо согласуются с исследованиями возрастных особенностей личности подростка. Симптоматично, что именно в подростковом возрасте на фоне индивидуализации и интимизации внутреннего мира личности у многих подростков вспыхивает страсть вести дневник, т. е. обостряется потребность в самообщении. Причем, как отмечает И. С. Кош, страсть к ведению днев-

ников проходит почти у всех. Она сохраняется лишь у наиболее одиноких [52, 316]. Можно понять, когда одиночество наблюдается в условиях физической изоляции, но ведь у подростков такой изоляции нет. Они окружены людьми: родителями, сверстниками, знакомыми — и даже общаются с ними. А одиночество все равно есть!

Состояние одиночества, переживаемое подростками, позволяет глубже понять и состояние одиночества, возникающее в условиях физической изоляции. Что значит одиночество? Недоступность всех возможных собеседников? Но испытали бы мы одиночество, если бы нас изолировали от незнакомых нам людей, с которыми нет потребности вступать в общение? Очевидно, нет. Вывод может быть только один: состояние одиночества возникает потому, что человеку небезразлично, с кем он общается и какого именно общения лишается. Одиночество — это результат отсутствия не любого, а какого-то определенного общения, того, которое является для личности желанным, в котором она нуждается. **Одиночество — это отсутствие необходимого личности общения.** Одиночество — это всегда, и в условиях физической изоляции тоже, отсутствие значимого, необходимого именно в данной конкретной жизненной ситуации собеседника. В некоторых жизненных ситуациях, например при разлуке с любимым человеком, одиночество может длиться годами. В подтверждение приведем пример из жизни. В семье умирает мать. Дети разъезжаются, и в доме остается один отец. Однажды, приехав домой, дочь услышала, что отец с кем-то разговаривает. Войдя в помещение, она увидела, что занятый делами отец разговаривает с матерью, фотографию которой он поставил на видном месте на столе.

Существующая потребность личности в общении определяется особенностями ее жизненного опыта и той конкретной ситуацией, в которой она находится. Наличие потребности личности в общении равносильно наличию избирательности потребности личности в общении. Есть потребность личности в общении с определенным собеседником на определенную тему и, видимо, потребность в определенной форме общения, т. е. в определенном характере обращений партнеров друг с другом и их взаимоотношениях. Поэтому конкретная жизненная ситуация — это еще и определенный круг индивидов, с которыми личность может (или не может) вступить в общение, а жизненный опыт личности, в частности опыт ее общения с другими, конечно, влияет на представления личности о

том, каким должно быть общение. Представление о необходимом общении — один из важных компонентов «Я-концепции» личности, ее самосознания. Ответы на вопросы, как ко мне относятся другие люди, как они должны ко мне относиться, каким должно быть мое общение с ними, бесспорно, зависят от «Я-концепции» человека, включая ее осознаваемые и неосознаваемые компоненты. Можно, следовательно, утверждать, что избирательность потребности личности в общении основана на существовании ее некоторой ситуативно определенной **«модели потребного общения»** (по аналогии с «моделью потребного будущего» Н. А. Бернштейна). Такая модель позволяет личности оценить наличное общение как «положительное» (если оно соответствует модели потребного общения) или как «отрицательное» (если оно отклоняется от задаваемого моделью образца).

В существовании потребности личности в общении и избирательности этой потребности — ключ к пониманию внешнего диалога. Этой потребностью определяется выбор партнера по общению, выбор темы общения, стремление к определенным взаимоотношениям, удовлетворенность общением. В частности, оценка жизненной ситуации на основе модели потребного общения может выявить дефицит «положительного», потребного личности общения, или избыток «отрицательного», нежеланного общения. Оба этих случая определенным образом влияют на поведение личности по отношению к реальным индивидам, составляющим ее социальное окружение.

Но в существовании потребности личности в общении — ключ и к пониманию внутреннего диалога. Его собеседники, участники, активизирующиеся в нем смысловые позиции столь же необходимы и значимы, как аналогичные компоненты внешнего диалога. Может показаться, что выбор партнера во внешнем диалоге нередко павязан обстоятельствами, а во внутреннем диалоге личность не ограничена в выборе собеседника (друг, любимый, авторитетный человек и т. п.). Но в том-то и дело, что внутренний диалог и его ролевая структура связаны с особенностями внешнего диалога. Эти диалоги взаимосвязаны и взаимопределяют друг друга, хотя приоритет остается за общением с реальным собеседником.

Изложенное выше позволяет выдвинуть гипотезу о том, что **основная коммуникативная функция внутреннего диалога заключается в компенсации дефектов реального общения личности.** Формулируя подобную гипотезу, мы

имеем в виду прежде всего рассмотренные факты, подтверждающие, что дефицит необходимого личного реального общения (реального, внешнего диалога) увеличивает интенсивность ее внутренних диалогов (и других форм общения с собой). Но, на наш взгляд, коммуникативная функция внутреннего диалога, состоящая в компенсации дефектов реального общения личности, может быть обособлена гораздо более обстоятельно. Для этого следует рассмотреть взаимосвязи внутреннего и внешнего диалогов личности, выяснить, когда личность предпочитает одним другим. Необходимо рассмотреть компенсацию не только отсутствия необходимого общения, но и компенсацию избытка нежелательного общения. Доказывать правоту выдвинутой гипотезы следует, привлекая данные не только «нормы», но и патологии. Перейдем к анализу намеченных аспектов.

Хороший материал для понимания взаимозависимостей и взаимопереходов внешних и внутренних диалогов дают эксперименты по совместному решению мыслительной задачи двумя испытуемыми в условиях непосредственного речевого общения.

Содержание внутреннего диалога самым тесным образом связано с особенностями мыслительного процесса индивида, этапами продвижения. Следовательно, если человек решает новую задачу, требующую творческого подхода, то во время ее решения содержание внутреннего диалога, его тема не могут не быть актуальными для этого индивида.

Существенно, что и совместное решение мыслительной задачи двумя испытуемыми не только не упрощает индивидуальный мыслительный процесс, но во многих отношениях даже усложняет его за счет необходимости согласовывать свои действия с действиями другого человека, а следовательно, и понимать этого другого человека. Словом, в совместном решении мыслительной задачи имеются те же, если не еще более сложные, мыслительные процессы партнеров, а значит, и их внутренние диалоги. Сказанное справедливо по крайней мере для одного из участников совместного решения. Если предположить, что один из партнеров пассивен и его вклад в решение мыслительной задачи минимален, то придется считать, что все решение реализовал второй партнер.

Если есть совместное решение, то обязательно есть и внешний диалог, так как без него решение не может быть совместным. Но из изложенного выше вытекает необхо-

димность и внутренних диалогов для успешного совместного решения. Соответственно требует анализа вопрос о соотношении внешнего и внутренних диалогов в ходе совместного решения мыслительной задачи испытуемыми.

При интенсивном внешнем диалоге, при быстрых реакциях на слова партнера, когда слова участников образуют как бы сплошной речевой поток, представить еще и параллельно идущий внутренний диалог трудно. Чем выше степень включенности партнера во внешний диалог, тем меньше у него возможностей для одновременно и параллельно идущего внутреннего диалога. Но даже и в этом случае возможности для его реализации есть. Реплики внутреннего диалога могут быть и во время чужой речи, и во время пауз в собственной речи, а в некоторых случаях (вспомним о представляемой, воображаемой внутренней речи) и одновременно с собственной речью.

Вместе с тем при совместном решении периоды интенсивного речевого взаимодействия, в котором участвуют оба партнера, сменяются периодами, когда активен лишь один из них. В этом случае у того, кто говорит вслух, может развернуться внутренний диалог во внешней речи.

Во время выраженной во внешней речи активности одного из партнеров второй участник может быть включен во внешний диалог лишь формально. Это участие может осуществляться на уровне простейших стереотипных вопросов («Да?», «Ну и что?» и т. п.), на уровне неопределенных, многозначных, автоматических речевых реакций («Ага», «Могу» и т. п.). Тогда у партнера, который лишь формально участвует во внешнем диалоге, может развернуться внутренний диалог во внутренней речи.

Во время совместных решений в интенсивном речевом взаимодействии (во внешнем диалоге) часто возникают паузы, в ходе которых партнеры продолжают обдумывать решение индивидуально. В это время у них могут возникать соответствующие внутренние диалоги во внутренней речи. Таким образом, очевидно, что во время совместного решения наряду с внешним диалогом существует немало возможностей и для возникновения внутренних диалогов у участников совместного решения. Поэтому психологический анализ содержания диалога должен выявить их взаимосвязи и взаимопереходы [61].

Одним из важных факторов, определяющих взаимосвязи и взаимопереходы внешних и внутренних диалогов, является соотношение их тем. Если испытуемый во время совместного решения оказывается инициатором какого-то

внешнего диалога, т. е. обращается к своему партнеру с вопросом, сообщением или побуждением к действию, то обычно тема этого внешнего диалога самым непосредственным образом связана с темой его внутреннего диалога. Именно невозможность решить задачу самостоятельно часто служит мотивом обращения к другому. Мотивом может быть и желание объективировать свой мыслительный процесс, проверить его, узнать мнение партнера и т. п. Следовательно, переход от внутреннего диалога к внешнему для этого индивида мотивирован ходом его мыслительного процесса. Внешний диалог как бы замещает в этом случае внутренний, заменяет его, оказываясь даже более необходимым для мыслительного процесса индивида, чем его внутренний диалог.

Если партнер поддерживает предложенную тему, возникает внешний диалог. Поддержка предлагаемой первым из участников темы диалога может быть мотивирована по-разному. Возможен случай, когда предлагаемая первым тема становится актуальной и для второго, т. е. приобретает непосредственные содержательные взаимосвязи с темой его внутреннего диалога. Этот случай стоит выделить особо, так как в нем имеет место обоюдная заинтересованность партнеров в одной и той же теме внешнего диалога.

В другом случае партнер может поддерживать тему внешнего диалога, хотя она и не связана непосредственно с темой его внутреннего диалога. Одним из мотивов его поведения может быть желание вступить в интеллектуальный обмен с партнером по принципу: сначала я отвечу на интересующие тебя вопросы, а потом мы обсудим вопросы, интересующие меня. Если такой план внешнего диалога будет реализован, то в нем фактически параллельно будут развиваться не одна, а две темы в соответствии с темами внутренних диалогов партнеров.

Возможен и такой случай, когда тема внешнего диалога, предлагаемая первым партнером, не будет представлять интереса для второго, и он откажется ее поддерживать, станет уклоняться от общения, участвовать в нем формально или навязывать собственную тему. Именно в таких случаях чаще всего и разворачиваются в структурах речевого общения внутренние диалоги. При этом происходит переход от совместного развития темы во внешнем диалоге к ее индивидуальному развитию, но в режиме внутреннего диалога. Таков и упоминавшийся случай, когда один из партнеров обращается к другому с вопросом, а второй этот вопрос игнорирует. Первому в такой ситуации

часто приходится самому искать ответ на вопрос, вести самостоятельное размышление. Тот факт, что при совместном решении внутренние диалоги нередко идут в форме внешней речи, часто можно объяснить следующим. Когда один из партнеров развивает вслух неинтересную, неактуальную для другого партнера тему, то он тем самым мешает другому, отвлекает его. Поэтому если партнеры не видят содержательных взаимосвязей между интересующими их темами, то они стремятся привлечь партнера к обсуждению своей темы или даже просто завладеть звуковым пространством с одной лишь целью — не дать партнеру вслух развивать его тему, для чего перебивают партнера, заглушая его голос. И когда один из собеседников замолкает, уступив другому звуковое пространство, второй через некоторое время тоже перестает говорить. В этом случае его внутренний диалог переходит из внешней речи во внутреннюю. Внутренний диалог оказывается для личности важнее и нужнее ее внешнего диалога.

Как уже отмечалось, у внешнего диалога при совместном решении может быть не одна, а несколько тем. Поэтому те или иные темы развиваются с перерывами, вызванными обращениями к другим темам. Все это свидетельствует о том, что на разных этапах решения задачи темы внешнего диалога могут обретать разную актуальность для партнеров и, более того, актуальность одной и той же темы для решающего задачу может существенно меняться.

Подобные явления во многом находят свое объяснение в ходе мыслительных процессов индивидов и соответственно в ходе отражающего их внутреннего диалога. Этим определяются такие непонятные на первый взгляд явления, как внезапное прекращение обсуждения одной темы и обращение к другой, многократные возвраты к обсуждению первоначальной темы, этим определяется и внутренний резонанс, который вызывает у партнера обращение к нему другого участника диалога. В динамике внутренних диалогов часто находят свое объяснение и отсутствие содержательных связей между соседними фрагментами внешнего диалога, и непонятность перехода от обсуждения одной темы к обсуждению другой, нелогичность, бессвязность подобного перехода. Иными словами, содержательные связи между темами различных эпизодов общения могут быть скрыты во внутренних диалогах участников совместного решения.

Изложенное выше свидетельствует о следующем: в одних случаях включение во внешний диалог — это продол-

жение внутреннего диалога. В других — это прекращение внутреннего диалога, его разрушение, вытеснение, зашумление внешним диалогом. Прекращение внешнего диалога в последнем случае — это способ его перевода во внутренний диалог, сохранение и продолжение его в новой форме. В других случаях — это способ сохранения внутреннего диалога, способ уклонения от внешнего диалога, защита от него как от помехи. Таким образом, в совпадении и расхождении тем внутренних диалогов партнеров, в оживлении и затухании их внешнего диалога и проявляются особенности реального взаимодействия партнеров в процессе совместного решения мыслительных задач.

Почему в одних случаях испытуемый сам желает вступить в общение и активно отвечает на обращение партнера, а в других — избегает внешнего диалога и стремится продолжать свой внутренний диалог? Ответить на этот вопрос позволяет обращение к «модели потребного общения личности». Механизм здесь таков: свой внутренний и внешний диалоги личность соотносит с моделью потребного общения. Если этой модели больше соответствует внешний диалог, то личность прекратит внутренний диалог, и он заменится внешним. Если модели больше соответствует внутренний диалог, то личность будет избегать внешнего диалога, будет стремиться его прекратить или участвовать в нем чисто формально. Например, возможна ситуация, когда для личности актуальна одна тема, а партнер навязывает другую. В таком случае личность, конечно, будет стремиться уклониться от внешнего диалога. Если же внутренний диалог зашел в тупик или вырождается в псевдообщение, то личность будет стремиться заменить его более содержательным внешним диалогом. Внешний диалог может быть для личности помехой в тех случаях, когда он больше, чем внутренний, отклоняется от модели потребного общения. Но внешний диалог может стать для личности желанным, если будет совершеннее, более соответствующим модели потребного общения, чем внутренний. Таким образом, сравнение внешнего и внутреннего диалогов личности делает понятными колебания общительности партнеров в процессе совместного решения задачи, объясняет их готовность вступить в диалог или уклониться от него.

В описанных экспериментах совместное решение мыслительных задач длилось всего лишь час. В реальной жизни ученого решение той или иной творческой задачи часто длится годами. И все это время продолжается, затухая и

вновь возникая, его общение с коллегами. «Ученый постоянно находится в ситуации спора, ибо каждое новое движение его мысли означает преодоление устоявшихся альтернативных воззрений, их оспаривание. Он вступает в спор с предшественниками, современниками или возможными оппонентами из будущего» [135, 98]. Конкретизируя эту свою мысль, известный советский специалист по психологии научного творчества М. Г. Ярошевский в качестве характерного примера рассматривает творчество И. М. Сеченова и отмечает, что оно от начала и до конца — сплошная полемика с другими учеными: Л. Германом, А. Фиком, Г. Гельмгольцем, М. Шифом, Н. Е. Введенским и др. [135]. Профессиональное общение ученого с коллегами может быть опосредствованным публикациями и непосредственным (в процессе работы в одном институте, лаборатории и т. п.). В литературе по научному творчеству отмечается огромное значение профессионального общения ученого для его творчества. Конечно, трудно представить продуктивно работающего ученого, лишённого профессионального общения [8]. Вместе с тем иногда утверждают, что относительная изоляция порой бывает полезной ученому, так как способствует выявлению его творческой индивидуальности, стимулирует выдвижение им оригинальных идей. Так, Л. Инфельд приводит слова Эйнштейна, где великий физик отмечает, что до тридцати лет он фактически не встречался с настоящими физиками-теоретиками, и рассматривает это обстоятельство как благо судьбы. Подтверждением этого тезиса могут служить лишь ссылки на творческие биографии отдельных выдающихся личностей [8].

Интенсивность общения ученого зависит порой от чисто внешних обстоятельств: где работает ученый, есть ли рядом коллеги, занимающиеся сходной темой, каковы их взаимоотношения и т. д. Но даже в том случае, когда ученого окружают коллеги, занятые разработкой сходной темы, общение не может быть все время интенсивным и содержательным. Ученый может обсуждать с ними лишь их проблемы, избегая обсуждения своих, может говорить лишь о готовых, опубликованных результатах и молчать о том, над чем думает в настоящее время. Возможны и обратные случаи, когда именно в общении с коллегами осуществляется совместное решение проблемы. Словом, в научном творчестве, как и в совместном решении мыслительной задачи, есть непрерывные взаимосвязи и взаимопереходы общения ученого с коллегами и его общения с самим

собой. В каких-то обстоятельствах он ищет общения, в каких-то — избегает его. Так же обстоит дело и в случае относительной изоляции. И вероятно, в определенной жизненной ситуации близость реального общения или внутреннего диалога ученого к модели потребного общения и определяет выбор им той или иной формы общения. В этой связи находит некоторое объяснение и тот факт, что именно выдающимся ученым удается добиться значительных творческих результатов в условиях относительной изоляции. Им удается создать необходимый для творчества внутренний диалог, превосходящий по содержательности, актуальности доступный ученому уровень реального общения с коллегами. Выдающийся ученый способен сам выявить содержательные вопросы и найти на них ответы, обнаружить противоречия и преодолеть их, обосновать свои результаты, предусмотрев возможные возражения. Конечно, это удастся немногим. Кроме того, нам остается только гадать, каких высот могло бы достичь его творчество, если бы вместо относительной изоляции его окружало полноценное общение. И все же создание необходимого для творчества внутреннего диалога при отсутствии удовлетворяющего модели потребного общения реального диалога ученого с коллегами — одно из проявлений возможности внутреннего диалога компенсировать дефекты реального общения личности.

Анализ совместного решения мыслительных задач и профессионального общения ученых обнаруживает, что внутренний диалог может компенсировать дефекты реального общения не только в рассмотренном выше отношении. Одно дело — компенсация дефектов реального общения в предметно-содержательном плане, другое — в сфере взаимоотношений личности с другими реальными индивидами, входящими в ее социальное окружение. И взаимоотношения партнеров, и отношения каждого из них к себе также вносят свой достойный вклад в динамику взаимоотношений партнеров, и внешнего диалогов участников совместного решения сложной мыслительной задачи (и испытуемых, и ученых). При всей важности предметно-содержательного аспекта диалога вряд ли можно понять стремление человека к общению с другим или уклонение от него, не затрагивая область их отношений друг к другу. Для понимания возможности внутреннего диалога компенсировать дефекты реального общения личности необходим анализ взаимоотношений партнеров в диалоге. Ведь даже если внутренний диалог ученого бла-

годаря особой содержательности обеспечивает высокую продуктивность его познавательного процесса, то все равно остается область межличностных отношений, формирующихся в реальном общении. Через продукты своего труда ученый, как и любой другой человек, оказывается в сложной сети взаимоотношений: признания, игнорирования, сотрудничества, симпатий, вражды и т. д. Поэтому внутренний диалог реализует не только познавательную функцию. Он связан не только с решением познавательных задач. Внутренний диалог нужен личности и для того, чтобы компенсировать дефекты реального общения, связанные со сферой взаимоотношений личности с другими людьми и ее отношением к себе.

Дефицит «положительного» реального общения может проявиться в отсутствии возможности вступить в общение с конкретным реальным человеком. Таким необходимым собеседником может быть друг, любимый, родители. Во внутреннем диалоге голоса этих лиц могут утешать, поддерживать, советовать, давать оценку совершенным поступкам, предупреждать и т. п. Вместе с тем нередко имеет место не отсутствие общения с реальным собеседником, а невозможность осуществить с ним общение на определенную тему. Можно было бы привести большое число случаев, когда один человек, будучи влюблен в другого, встречается с ним, разговаривает, но не может признаться в любви и лишь бесконечное количество раз совершает это признание во внутреннем диалоге. Необходимый собеседник — это не обязательно человек, к которому личность относится с симпатией. В научном диалоге, например, необходимым собеседником часто становится ученый, придерживающийся иных взглядов, в спорах с которым проходят проверку выдвигаемые гипотезы, идеи. Потребное личности общение может приводить и к отрицательным эмоциям (стыд, чувство вины и др.). Но тем не менее в силу каких-то причин оно может быть необходимо личности. А когда его нет, возникает соответствующий внутренний диалог.

Вместе с тем реальное общение личности, сравниваемое с моделью потребного общения, может представлять собой избыток «отрицательного» общения, которое личность хотела бы, но не может избежать, которое не может прекратить. Случается, что родители все время недовольны ребенком и постоянно выражают ему свое мнение, ругают, осуждают, негативно оценивают его намерения, старания. А ребенок уверен в том, что родители ошибаются,

и стремится доказать им свою правоту. Нередко в реальном общении ему это не удается, и тогда возможно возникновение внутреннего диалога с попыткой реабилитации себя в глазах взрослых. Еще пример. Некто высказал свое мнение, но другие его не поняли, не поддержали. И он вновь и вновь пытается найти во внутреннем диалоге еще более убедительные слова, еще более точные аргументы.

Однако не всегда, когда к человеку плохо относятся другие индивиды из его социального окружения, у него возникает внутренний диалог. Во-первых, этот человек должен быть не согласен с таким отношением, не принимать его, считать ошибочным, несправедливым. Такое отношение должно угрожать самооценке личности, противоречить ее представлению о себе, не соответствовать наличной «Я-концепции». Значит, у личности должен быть свой взгляд, интерпретация собственного поведения с позиции своей «Я-концепции». Во-вторых, для возникновения внутреннего диалога необходимо, чтобы неудовлетворяющее личность отношение рассматривалось как проявление чужой воли, чужого сознания, чужого умысла, т. е. было персонифицировано. В-третьих, необходимо, чтобы такое отношение было для личности значимым. Иными словами, если у личности возникает внутренний диалог, то за ним стоит что-то существенное в ее реальном общении. И наконец, в-четвертых, такое отношение должно быть выражено преимущественно в словесной форме. Мы имеем в виду, что обидными могут быть какие-то поступки человека, те или иные его действия. Но чтобы возник внутренний диалог, необходимо прежде всего обидное слово. Более того, иногда катализатором внутреннего диалога человека могут стать какие-то формы невербального поведения взаимодействующих с ним лиц, но для этого они должны обрести характер высказывания, стать выражением чьей-то смысловой позиции (согласия, сомнения, негодования и т. п.).

Таким образом, общая направленность внутреннего диалога личности в случае избытка «отрицательного» реального общения заключается в том, чтобы сохранить самооценку, защитить ее от неприемлемых отношений, компенсировать угрожающие «Я-концепции» оценки, источником которых стало реальное общение. Необходимость внутреннего диалога кроется в тех объективных обстоятельствах, которые сложились в реальном общении личности. Так, например, при наличии всех отмеченных

выше предпосылок внутренний диалог не возникает, если у личности имеется возможность вступить в реальный диалог с субъектом — источником негативного отношения. Внутренний диалог возникает, когда личность не может реализовать потребный ей внешний диалог, в котором она могла бы реально влиять на своего партнера по общению, добиться понимания с его стороны, заставить себя уважать, достойно ответить на насмешки. Такое поведение во внешнем диалоге для личности, однако, не всегда возможно по многим причинам. Существуют различные формы зависимости, подчинения одного человека другому, например социальное неравенство, определяющее, кто и что может говорить в реальном диалоге. Зависимость от другого, боязнь причинить себе вред своей откровенностью и тому подобные факторы могут тормозить необходимый личности внешний диалог и способствовать возникновению внутреннего диалога. Иными словами, открытому, искреннему, а потому и полноценному внешнему диалогу способствует социальное равенство участников диалога [23]. При наличии неравенства партнеров у подчиненного, зависимого человека появятся предпосылки для развертывания внутреннего диалога, который в этих условиях будет тайным, скрываемым.

Объективной причиной, превращающей внешний диалог в своего рода псевдообщение, является отсутствие взаимопонимания между партнерами. Какая-то степень непонимания в диалоге имеется почти всегда, но она обычно преодолевается его участниками. Если же непонимание опустилось ниже критического уровня, то внешний диалог затрудняется и создаются предпосылки для возникновения внутреннего диалога, в котором можно будет более полно выразить партнеру то, что задумано, не опасаясь, что не дадут договорить до конца, сказать самое главное, что сразу бы расставило все по своим местам.

И наконец, есть еще одна причина, затрудняющая превращение «отрицательного» общения в «положительное», — ограниченность реального общения во времени. Личность очень часто ведет себя так, словно уверена, что если бы у нее была возможность сказать все ею желаемое другому человеку, то тот, другой, обязательно бы ее понял, согласился с ней. Поэтому в некоторых случаях прекращение реального общения стимулирует возникновение компенсирующего внутреннего диалога. То есть внутренний диалог возникает во всех тех случаях, когда человек не успел найти нужные слова, не сумел придумать, как пе-

реубедить партнера, развеять его неверные представления и прочее.

Появление внутреннего диалога в результате обрыва, прекращения внешнего диалога является лишь одним из случаев его возникновения. В действительности же внутренний диалог может не только следовать за внешним, но и разворачиваться одновременно с ним и даже предшествовать ему.

Следуя за внешним, внутренний диалог как бы продолжает его. Но это продолжение может иметь разный смысл. Если внешний диалог представляет собой «отрицательное» общение, то продолжение его во внутреннем диалоге является способом устранения или ослабления отрицательного результата внешнего диалога за счет указания на его случайность, на возможность иного исхода, за счет простого эмоционального реагирования, например выражения возмущения. В тех же случаях, когда обрывается «положительное» общение, прерывается желанный, реальный диалог, то следующий за ним внутренний диалог как бы продолжает, сохраняет его на некоторое дополнительное время. На наш взгляд, внутренний диалог, предшествующий внешнему, также выполняет определенные компенсаторные функции. В таких случаях во внутренних диалогах прежде всего происходит подготовка к предстоящим внешним диалогам. Это как бы стремление избежать возможных дефектов будущего реального общения, стремление сделать его наиболее совершенным, соответствующим модели потребного общения. Очевидно, что внутренний диалог предваряет собой особо важные по содержанию внешние диалоги, исход которых для личности чрезвычайно значим.

Здесь уместно обратить внимание на то, что предшествующий внешнему внутренний диалог может повторяться многократно. В этом случае он как бы представляет собой своеобразный социально-психологический тренинг. Значение его не только в том, чтобы выработать и закрепить определенные формы поведения, которые потом будут использованы во внешнем диалоге с реальным партнером, но также и в том, чтобы обрести возможность познания будущего внешнего диалога, познания возможного поведения тех, с кем придется вступать в общение. Представляя мысленно вновь и вновь будущий диалог, человек проясняет для себя его возможный сюжет, подчеркивает нужные детали, привыкает к новой роли. В подобных случаях, на наш взгляд, особенно хорошо прослеживаются ком-

муникативные функции внутреннего диалога, а также взаимосвязь его познавательной и коммуникативной функций. Вообще, подчеркнем, повторение внешнего диалога во внутреннем, равно как и предвидение, предвосхищение внешнего диалога во внутреннем,— это способы активного воспроизведения человеком чужих смысловых позиций, пониманий, взглядов, а значит, способы познания человека человеком. Не тогда, когда личность захвачена реальным взаимодействием с его непредсказуемыми поворотами, с его скоростью, эмоциональной напряженностью, а в другой, более спокойной обстановке, имеющей свои возможности для познания другого человека.

Таким образом, коммуникативная функция внутреннего диалога проявляется в его неразрывной связи с внешним диалогом, в том, что он разворачивается как попытка личности компенсировать дефекты реального общения. Поэтому внутренний диалог может предшествовать внешнему, сопровождать его, следовать за ним и даже в некоторых случаях вытеснять его.

Рассматривая коммуникативную функцию внутреннего диалога, мы исходили из наличия у личности определенной потребности в общении, избирательности этой потребности, обусловленной существованием личностной модели потребного общения, из отношения личности к реальному общению как «положительному» или «отрицательному» и сделали вывод о возможных дефектах реального общения личности в виде дефицита «положительного» или избытка «отрицательного» общения. Но остается еще не до конца выясненным вопрос, что конкретно означает выражение «внутренний диалог компенсирует дефекты реального общения личности». Суть вопроса в том, что если, скажем, личность испытывает дефицит реального «положительного» общения, то при любых внутренних диалогах его больше не станет. Все равно внутренний диалог останется внутренним и никогда не станет внешним и не устранит дефицит последнего. Что же с учетом сказанного означает «компенсирует»?

Внешний диалог — значимый аспект жизнедеятельности личности. Это реальное взаимодействие личности с реальными индивидами из ее социального окружения. Он необходим личности, так как выполняет в ее жизни различные познавательные и регуляторные функции. Есть и собственно коммуникативные функции внешнего диалога, состоящие в установлении связи, объединении индивидов в некий социальный организм, в какую-то социальную общ-

ность с теми или иными взаимоотношениями. Это реальная общность с реальной структурой взаимоотношений между ее членами. Поскольку мы говорим о речевом взаимодействии, то ясно, что все отмеченные функции и отношения реализуются в слове, посредством слова. В этом плане реальность партнера по речевому общению — это реальность его (чужого) слова.

Принципиальный момент в понимании компенсаторной функции внутреннего диалога связан с утверждением способности личности достаточно объективно, т. е. в соответствии с действительностью, воспроизводить во внутреннем диалоге чужие голоса и чужие смысловые позиции. В познавательном аспекте способность воспроизводить чужую (отличную от своей, наличной) смысловую позицию — это способность повлиять на свою собственную позицию (способствовать ее активизации, детализации, развитию, а в некоторых случаях и существенному изменению).

В коммуникативном аспекте особенно важно, что, разворачивая внутренний диалог, личность не имеет возможности повлиять реально на голоса других людей и на их отношение к себе, но она тем не менее создает условия для изменения собственного отношения к участникам реального общения. А тем самым в некоторой степени изменяет и взаимоотношения. Представим, например, что некто А, угрожая В, достаточно сильно напугал его. Но в своем внутреннем диалоге В может найти собственные слова, обращенные к А, или чьи-то слова, обращенные к самому себе (типа «Ничего не бойся, он только пугает, а сделать ничего не может»). Возможно, в результате найденных слов В станет меньше бояться А. Тем самым, изменив свое отношение к А, В изменит и их реальные взаимоотношения. Следовательно, результатом внутреннего диалога может стать изменение реальных взаимоотношений личности с партнерами.

Таким образом, способность внутреннего диалога компенсировать дефекты реального общения действительно существует. Здесь же следует вспомнить и влияние внутреннего диалога на потребность во внешнем диалоге. В одних случаях внутренний диалог может сделать реальный диалог с партнером ненужным, а в других — внутренний диалог может частично ослабить потребность личности в реальном общении, уменьшить остроту этой потребности.

Утверждение о том, что компенсаторные возможности внутреннего диалога основаны на способности личности объективно воспроизводить в нем чужие голоса, чужие

смысловые позиции, объективно воспроизводить отношение другого человека к себе, основано не только на анализе внутренних диалогов психически здорового человека. Своеобразным «доказательством от противного» здесь может служить и анализ внутренних диалогов при тех или иных формах психопатологии личности.

При патологическом внутреннем диалоге личности со слышимыми голосами подобные голоса обладают своеобразной автономностью, выходят из-под контроля сознания, а также «проецируются во «вне Я» и во внешний мир (и даже персонифицируются)» [80, 67]. Но, как отмечает А. А. Меграбян, патологическая продукция, какой являются и слышимые больным голоса, выражает противоположные личностным, неадекватные тенденции, принимает чужой, недоброжелательный, враждебный характер. «Подобное содержание психики постоянно, отрицательно, навязчиво, принудительно воздействует на нормальную сторону логических и свойственных этой личности мыслей. Все это используется для насильственной реализации в психике и поведении больного патологического психотического содержания. И это обстоятельство может привести к опасным последствиям как для больного, так и для окружающих» [80, 67].

«Отрицательное» содержание галлюцинаторных и псевдогаллюцинаторных голосов чаще всего отмечается психиатрами. Но в действительности встречаются примеры и иного рода. На них специально останавливается А. М. Холецкий. Этот психиатр отмечает следующее: наряду с тягостным синдромом (таким, какой был нами только что описан) нередко наблюдаются бредовые идеи величия, обогащения, изобретательства, которые несут на себе признаки «положительного» варианта синдрома. «Переживаемое больным воздействие посторонней силы воспринимается им как свидетельство особого предназначения и духовного богатства» [129, 48]. Как утверждает А. М. Холецкий, отношение бредовых идей величия к синдрому психического автоматизма не устанавливается в клинической картине потому, что в сообщениях больных «отсутствует недовольство постоянным вмешательством посторонней силы, нет сознания чуждости, сделанности мыслей, чувственных движений» [129, 48]. Примеры «положительных» вариантов синдрома психического автоматизма можно найти и у других авторов [98].

Существуют разные подходы к объяснению подобных явлений, наблюдаемых в патологическом внутреннем диа-

логе. Прежде всего замечается стремление объяснить «отрицательный» вариант синдрома психического автоматизма с неприятным, чуждым сознанию личности содержанием. Так, например, О. Н. Кузнецов и В. И. Лебедев объясняют возникновение чуждой личности психической продукцией существованием ультрапарадоксальной фазы, при которой «сколько-нибудь сильное возбуждение одного представления производит его затормаживание и через это индуцирует, т. е. вызывает возбуждение и усиление противоположного представления» [57, 218—219]. На наш взгляд, с помощью такого механизма нельзя объяснить развертывание внутреннего диалога больного, ведь в нем актуализируются поочередно и положительное, приемлемое для личности, и отрицательное, чуждое ей содержание. Имеют место и другие попытки осмыслить подобные явления [117; 133]. Мы же отметим, что патологический внутренний диалог должен рассматриваться как результат определенной деформации, преобразования внутреннего диалога психически здорового человека. Что же при этом происходит?

Прежде всего утрачивается объективность внутреннего диалога. У психически здорового человека при внутреннем диалоге отношения его участников к автору диалога соответствуют реальным отношениям к нему других индивидов из его социального окружения. В патологическом внутреннем диалоге отношения его участников к больному, выражаемые в их вербальном поведении в виде угроз, оскорблений или, наоборот, похвал, не соответствуют реальности. Возможность воспроизводить реальные чужие отношения и голоса, как и возможность отчуждать собственный голос во внутреннем диалоге, — основа адекватности собственной мысли автора, которая корректируется, оспаривается, перерабатывается во внутреннем диалоге с помощью воспроизводимых чужих голосов. Мысль не рождается готовой. Даже когда появляется правильная мысль, она должна выдерживать проверку сомнениями, возражениями, опровержениями и т. п. Как известно, в основе способности адекватно воспроизводить чужие мысли лежит умение «войти в положение» другого человека, взглянуть на происходящее его глазами. Если же во внутреннем диалоге не воспроизводятся реальные голоса или они воспроизводятся искаженно, то нарушается вся диалоговая основа адекватности мысли человека об окружающей его действительности. Внутренний диалог в силу своей функции компенсировать дефекты реального общения будет разво-

рачиваться, но это приведет к противоположным результатам — внутренний диалог только усугубит данные дефекты.

Еще одной особенностью патологического внутреннего диалога следует считать его застойность. Если нормальный внутренний диалог способен к адекватному саморазвитию, то патологическому внутреннему диалогу это не свойственно. Условие обогащения, развития внутреннего диалога — подлинное взаимодействие голосов. А в патологическом внутреннем диалоге такого подлинного взаимодействия голосов нет. Отчужденный голос (галлюцинаторный или псевдогаллюцинаторный) почти не изменен, не поддается влиянию собственного голоса личности. Сказанное не означает, что патологический внутренний диалог совершенно не меняется. Он меняется, но преимущественно под влиянием внешних причин (тех или иных событий в жизни больного, его встреч и т. п.), а не в результате непосредственного взаимодействия голосов во внутреннем диалоге. Для нас существенно, что застойность патологического внутреннего диалога определяет его своеобразный отрыв от актуальной жизни личности, от ее реальных внешних диалогов. Под влиянием внешнего диалога в патологическом внутреннем диалоге могут произойти какие-то изменения. Но он связан с внешним диалогом значительно слабее, чем нормальный внутренний диалог. А связь с внешним диалогом — это основа объективности внутреннего диалога, основа его коррекции, устранения накапливающихся субъективных ошибок.

Необходимо высказать некоторые соображения и о содержании патологического внутреннего диалога. Из изложенного выше следует необходимость его возникновения в тех или иных жизненных ситуациях. Он будет обладать своей структурой, т. е. своими персонажами и своими смысловыми позициями. На наш взгляд, обилие отрицательного, неприемлемого для личности содержания нельзя объяснить превращением положительного, присущего личности содержания в отрицательное с помощью механизма ультрапарадоксальной фазы. Ведь такое объяснение предполагает, что все больные только хорошие люди и у них только хорошие мысли, так как если бы они думали и о плохом, то с помощью механизма переворачивания должны появиться чуждые им хорошие мысли. Видимо, дело в том, что неприемлемое содержание, произносимое галлюцинаторными и псевдогаллюцинаторными голосами, — это проявление отрицательного отношения других

участников внутреннего диалога к его автору: ругань, оскорбления как стремление унижить или как убежденность в виновности того, к кому они адресованы, настаивание на противоположном — негативизм и т. д. Но чье это отношение воспроизводят таким образом участники внутреннего диалога? Ведь патологический диалог характеризуется тем, что воспроизводимая в нем структура отношений не соответствует реальности. Такие отношения могут быть результатом ошибочного восприятия автором внутреннего диалога отношений к нему со стороны других индивидов из его социального окружения или же могут возникнуть в результате приписывания другим лицам своего собственного отношения к себе. И первое, и второе во многом совпадают между собой, так как систематическая ошибка, тенденциозность в восприятии равносильны проявлению собственных отношений к воспринимаемому. Следовательно, отношение других участников патологического внутреннего диалога к его автору — это проявление отношения автора внутреннего диалога к самому себе. Но ведь во внутреннем диалоге есть не только смысловая позиция, реализуемая слышимыми голосами. Есть и позиция, которую большой считает своей, есть отраженное в этой позиции его отношение к себе. Это означает, что в основе патологического внутреннего диалога лежит раздвоенность отношения личности к себе. Одно из несовместимых отношений личности к себе и отчуждается в патологическом внутреннем диалоге как проявление слышимого голоса. Отчуждение какого-то содержания (хотя и не обязательно в формах, характерных для патологии) — обычный способ избегания личностью двоения образа действительности. Ведь окружающая личность действительность обладает однозначной определенностью. Предмет или такой, или иной, он или здесь, или в другом месте и т. п. С позиции личности двоение образа — ошибка восприятия [86]. В завершение подчеркнем еще, что и в нормальном внутреннем диалоге существует некоторая степень субъективности в воспроизведении чужих смысловых позиций. Но все же сохраняется возможность адекватной оценки внутреннего диалога, степени его правдоподобия, сохраняется возможность коррекции, вмешательства в его ход, вплоть до прекращения. Здесь мы подошли к новому кругу вопросов, связанных с участием внутреннего диалога в регуляции поведения личности.

Если в сознании субъекта актуализирована одна смысловая позиция, то проблем с интерпретацией его поведе-

ния не возникает. Действительно, моноцентрическое сознание выполняет свою регуляторную функцию, поведение оказывается соответствующим наличной смысловой позиции, наличному пониманию предмета активности или шире — всей ситуации жизнедеятельности человека. Собственно, иначе и быть не может, так как в моноцентрическом сознании представление о ситуации жизнедеятельности как бы сливается с самой ситуацией. Они с точки зрения субъекта неразличимы. Для него ситуация такова, какой он ее представляет, понимает, какова его смысловая позиция. Это как раз и будет ситуация, типичная для интерпретации на основе выдвинутого С. Л. Рубинштейном фундаментального принципа единства сознания и деятельности.

Положение осложняется, если поведение личности оказывается в каких-то существенных моментах не соответствующим осознаваемым ею целям и мотивам, ее интерпретации происходящего. Здесь мы сталкиваемся с патологией или по крайней мере с проблемой неосознаваемого в поведении личности.

Определенные сложности с интерпретацией поведения личности возникают также в связи с признанием факта существования внутреннего диалога и соответственно признания наличия и взаимодействия у субъекта двух или более различных смысловых позиций. Возникает вопрос о единстве, цельности сознания личности, о поведении, основанном на диалогическом сознании. Если смысловая позиция — основа поведения вербального и невербального, то каким должно быть поведение личности при наличии двух различных смысловых позиций? Как две различные смысловые позиции соотносятся, взаимодействуют не во внутреннем диалоге, а в поведении личности? И еще: что собой представляет сознание личности, если его нельзя свести к одной смысловой позиции? Можно ли его отождествить с одной смысловой позицией? С какой? Как быть с другими? Ведь все смысловые позиции, представленные во внутреннем диалоге, разворачивает сама личность, даже тогда, когда эти позиции исключают друг друга.

Начнем с вопроса о соотношении смысловых позиций и поведения личности. Как быть с принципом единства сознания и деятельности в случае развертывания в сознании различных смысловых позиций, особенно если учесть, что для многих исследователей утверждение о наличии внутреннего диалога тождественно утверждению о раздвоенности сознания, личности? «Уже в самом факте существования самосознания заложена его двойственность, диа-

логизм „Я“» [117, 178]. Этим положением начинает В. В. Столин раздел, посвященный внутреннему диалогу, совершая одновременно и отмеченное отождествление.

Один из способов преодолеть указанные трудности в понимании соотношения сознания и деятельности при наличии внутреннего диалога состоит, видимо, в том, чтобы рассмотреть его по аналогии с внешним диалогом.

Есть человек. Поведением этого человека управляет его собственное сознание. А есть другие люди с их сознаниями и голосами. Но каким бы ни был внешний диалог личности, ее поведение регулируется ее сознанием. По такой схеме строит свою модель поведения личности А. Н. Шогам [133]. Рассматривая процесс рассуждения как своеобразный суд, который ведет актуальное «Я» личности (или «актуальная личность»), которое допрашивает свидетелей, выслушивает мнения сторон, принимает решения, автор подчеркивает, что при этом все время господствует «актуальная личность» [133]. Именно это актуальное «Я» организует диалог и управляет поведением. Сходно выглядит участие сознания, включающего внутренний диалог, в организации поведения личности и в работах М. С. Кагана. Говоря о внутреннем диалоге, этот автор отмечает, что каждому человеку в ситуациях необычных, нестандартных или экстремальных «приходится искать решения проблемы, прислушиваясь к разным голосам внутри своего сознания» [47, 187]. При этом утверждается возможность найти некоторую равнодействующую, интегрирующую устремления, интенции собеседников внутреннего диалога, а также подчеркивается, что обретение внутреннего согласия, цельность сознания и поведения всегда является целью личности. Важно, что подобная модель позволяет описать душевный разлад личности и состояние цельности сознания и поведения. В то же время на ее основе трудно описать поведение личности в состоянии душевного разлада, при незавершенном внутреннем диалоге. Неясно также, как согласовать данную модель с такими случаями, когда актуальное «Я» человека и его поведение находятся под влиянием другой смысловой позиции, например выражаемой галлюцинаторным голосом, т. е. голосом «чужим». И наконец, не всегда личность различает свою смысловую позицию и чужую. Иногда каждая из представленных во внутреннем диалоге смысловых позиций является для личности «своей».

По всей видимости, решение этих сложных вопросов о соотношении сознания и поведения личности при наличии

внутреннего диалога предполагает несколько более развитый понятийный аппарат. Так, совершенно необходимо при описании участвующих во внутреннем диалоге смысловых позиций различать такие их характеристики, как «своя» — «чужая», «центральная» — «периферийная», «доминирующая» — «подчиненная», «актуализированная» — «фоновая».

Своя и чужая — так можно определить смысловую позицию по ее авторству, как оно осознается личностью: весь внутренний диалог порождается личностью, являющейся его подлинным автором; но именно для самой личности какие-то слова и мысли являются своими, а какие-то чужими. Отметим, что чужие не всегда означает чуждые. Когда верующий «слышит голос бога», то это для него чужой, но не чуждый голос. При таком понимании выражения «своя смысловая позиция» можно утверждать, что во внутреннем диалоге у личности может быть не одна, а несколько своих смысловых позиций, взаимодействующих в диалоге. В других случаях, например, личность может наблюдать за разворачивающимся во время сна диалогом, не вмешиваясь в его развитие. Такой диалог представлен чужими смысловыми позициями. Личность всегда участвует в своем внутреннем диалоге. Та позиция, которую она занимает во внутреннем диалоге, в данный момент времени и является центральной, остальные — периферийными.

Личность в своем внутреннем диалоге — центральная фигура, вокруг которой группируются другие. Она может не участвовать в диалоге, а лишь наблюдать за ним. Но позиция, занимаемая личностью в данный момент, — **центральная. Именно этой позиции будет соответствовать поведение личности.** С ней личность идентифицирована. Это актуальное «Я» личности. Существенно, что в каждый момент времени центральная позиция личности уникальна, единственна. Иногда во время сна или в некоторых формах патологии [14; 120] личность может видеть себя со стороны, наблюдать за собой, слышать свой голос. В подобных случаях центральная позиция личности — та, которая наблюдает, видит, слышит, переживает. Если во внутреннем диалоге при решении мыслительной задачи взаимодействуют две собственные смысловые позиции, то все равно в каждый момент времени лишь одна из них является центральной. Личность видит ситуацию в соответствии с этой позицией, строит свое поведение на ее основе. Центральная позиция для личности всегда своя, но не любая своя позиция является центральной. И наконец, чужая по-

зиция всегда является **периферийной**. Чтобы определить, какая позиция личности является центральной, следует сопоставить ее позиции с осуществляемым личностью поведением. Поскольку в каждый конкретный момент времени за организацию поведения личности отвечает одна смысловая позиция, то наличие внутреннего диалога в целом не тождественно раздвоению сознания и поведения личности.

Различение **доминирующей** и **подчиненной** смысловой позиции позволяет выделить ту смысловую позицию, которая оказывает на поведение личности основное влияние. Можно сказать, что в рассмотренных выше моделях доминирующей является центральная смысловая позиция. Вспомним: актуальное «Я» судит, выслушивает, принимает решение и т. п. Но так бывает не всегда. Известны случаи, когда больной слышит галлюцинаторный голос (или голоса), ведет с ними диалог, сам не хочет совершить какой-то поступок, но совершает его под влиянием слышимого голоса. В таких случаях получается, что не личность сама является инициатором определенного поведения, а какая-то иная позиция, иной голос. Человек воспринимает себя как добровольного или вынужденного исполнителя чужой воли. Значит, между центральной и доминирующей смысловой позициями могут быть различные отношения. В одних случаях они совпадают, в других — актуальное «Я» соглашается с доминирующей позицией добровольно, в третьих — в страхе покоряется ей.

Различение **актуализированных** смысловых позиций и **фоновых** необходимо для выделения круга смысловых позиций, взаимодействующих во внутреннем диалоге среди других возможных потенциальных смысловых позиций.

Таким образом, среди актуализированных в ходе внутреннего диалога личности ее смысловых позиций в любой момент имеется одна центральная смысловая позиция, которая чаще всего является и доминирующей, по крайней мере в норме. Занимая центральную смысловую позицию, сливаясь с ней, личность тем не менее знает и о других смысловых позициях (как и во внешнем диалоге, человек, оставаясь на своей позиции, знает и позиции других участников диалога). Но вторая смысловая позиция, как отмечалось, — это не просто фрагмент, часть первой, а относительно самостоятельный смыслопорождающий центр, влияющий на центральную позицию, а в некоторых случаях и подчиняющий ее себе.

Теперь, чтобы закончить анализ вопроса о цельности-

раздвоенности личности при наличии внутреннего диалога, представим, что некто ведет спор со своим коллегой-ученым, пытаясь убедить его в том, в чем сам уверен, но это не удается. И, расставшись с коллегой, он продолжает соответствующий внутренний диалог. Причиной диалога в данном случае является нежелание личности смириться с тем, что другой думает иначе. Свое поведение личность будет строить в соответствии с отстаиваемой позицией. В подобном случае, на наш взгляд, несмотря на наличие внутреннего диалога, раздвоения в сознании и поведении личности не наблюдается. Напротив, есть явная цельность позиции личности, демонстрируемая и во внешнем, и во внутреннем диалогах.

Явление иного рода представляет собой процесс индивидуального решения творческой задачи, в котором по ходу мышления центральная смысловая позиция личности может радикально меняться. Например, в вопросе о том, имеет ли задача решение. В зависимости от характера центральной позиции будет строиться и поведение личности (прекращение решения, его возобновление, новый отказ и т. п.). Так же бывает и при апробировании различных способов решения. Характерной чертой подобных случаев является наличие у личности нескольких смысловых позиций, каждая из которых рассматривается как своя и каждая из которых может стать центральной, т. е. стать основой поведения личности. Позиции могут быть несовместимы (типа «делать» — «не делать»). Как же построено поведение личности на основе подобного сознания?

Личность сохраняет возможность остановиться на той или иной смысловой позиции, потому что в любой момент в силу каких-то причин продолжение диалога может оказаться невозможным. Иными словами, существует процесс монологизации сознания. В частности, напряженный диалог на тему «Как поступить?» личность может прекратить волевым решением, а выбор линии поведения осуществить, например, с помощью жребия. Это оказывается возможным, поскольку даже при наличии несовместимых смысловых позиций они не являются взаимоисключающими по каждому из своих компонентов. В них многое повторяется, совпадает. Словом, диалогизация сознания в каждый конкретный момент времени не является абсолютной, так как остаются и области монологического сознания. Это не означает, что диалог как бы всегда погружен в монологический контекст, ведь монологичность одних аспектов существования личности не исключает диалогичности дру-

гих. Несовместимые смысловые позиции останавливают одни формы активности, но разрешают другие и даже подталкивают к ним. Применение жребия при выборе пути к цели — это ведь способ прекратить внутренний диалог, когда он затягивается или становится бесполезным. Нередко перестройка поведения личности приводит к интенсификации познавательной активности как реакции на существование несовместимых смысловых позиций. При подобной перестройке ведущие к цели действия могут обрести характер проб и стать, по сути, познавательными («Что делать? Попробую так...»). И наконец, одним из вероятных следствий наличия в сознании двух собственных несовместимых позиций является установление между ними состояния динамического равновесия, при котором периодически в сознании человека центральной становится то одна, то другая позиция. Замена одной центральной позиции на другую может происходить под влиянием результатов деятельности на ее основе, собственных эмоциональных состояний, воздействий со стороны других субъектов, их оценок, мнений и т. п. Периферические смысловые позиции оказывают постоянное, хотя и не всегда осознаваемое, влияние на центральную позицию, а следовательно, и поведение личности. Такое поведение от других форм отличается легкостью, с которой человек может перейти на противоположную позицию. Здесь, на наш взгляд, существует определенная двойственность или раздвоенность сознания и поведения личности.

Следовательно, о раздвоенности, по-видимому, можно говорить не всегда, когда есть внутренний диалог, но лишь при наличии последовательности радикальных изменений центральной позиции личности и ее поведения: «Все решено. Делаю... Нет, пожалуй, не стоит... Хотя все же, пожалуй, можно...» Кроме того, к случаям раздвоенности сознания и поведения личности следует отнести и формы психопатологии в виде отчуждения и независимого от личности развертывания тех или иных психических процессов. Если в первом случае раздвоенность проявляется в непоследовательности поступков личности, ее колебаниях, в отсутствии единой логики поведения, то во втором случае — в отчужденности, неподвластности личности каких-то ее проявлений. Это показывает, что в анализе поведения личности мало учитывать лишь ее внешнюю сторону. В первом случае единая последовательность действий личности распадается на две. Каждая из них воплощает свою особую смысловую позицию. Во втором случае имеется при-

надлежащая личности, но чуждая ей смысловая позиция и соответствующие ей действия, хотя и выполняемые личностью, однако вопреки ее сознательной воле. Подчеркнем, что если есть внутренний диалог, но нет раздвоенности, то все равно он не является феноменом «чистого» сознания, а обнаруживает себя в вербальном и невербальном поведении личности. Фактически об этом шла речь, когда рассматривались изменения внешней речи человека под влиянием внутреннего диалога во внутренней речи (паузы, повторы, изменения акцентов, тона и прочее). Однако, как следует из изложенного, раздвоенность сознания личности имеет более специфические проявления в поведении личности, в том числе и в ее речевом поведении.

Таким образом, раздвоенность сознания и поведения личности наблюдаются не при любом внутреннем диалоге, а лишь при таком, который радикально мешает центральную позицию личности, и эти изменения носят повторяющийся характер, свидетельствующий о незавершенности внутреннего диалога. Раздвоенность встречается и при некоторых формах психопатологии.

Что же касается сведения личности к одной смысловой позиции, например центральной, то при наличии внутреннего диалога это, видимо, невозможно ни тогда, когда раздвоенность есть, ни тогда, когда ее нет. Сознание личности проявляется во всех взаимодействующих во внутреннем диалоге смысловых позициях, ведь они все (и отчужденные, и чуждые в том числе) порождаются сознанием человека в процессе его общения с самим собой. Причем порождаются не как последовательно сменяющие друг друга, а как взаимодействующие, следовательно существующие одновременно.

Рассматривая собственно личностные функции внутреннего диалога, мы остановились на анализе его познавательных коммуникативных и регуляторных функций. Одновременно речь шла о различных особенностях внутреннего диалога. Нам осталось сделать на эту тему несколько дополнительных замечаний, позволяющих лучше понять соотношение взаимодействующих во внутреннем диалоге смысловых позиций и то, как они участвуют в регуляции поведения личности.

Важнейшей особенностью внутреннего диалога является то, что все участвующие в нем смысловые позиции особым образом взаимосвязаны друг с другом, включены в единую смысловую структуру. Это проявляется прежде всего в единстве темы внутреннего диалога. Все смысло-

вые позиции — это разные понимания одной и той же темы, одного и того же предмета, разные отношения к нему, разные представления о нем. Единство сознания не в том, что оно представлено одной смысловой позицией, а в том, что все позиции соотнесены с одной темой, являются разными пониманиями одного и того же явления. Именно единство темы обеспечивает единство сознания при всем разнообразии возникших в нем смысловых позиций.

Однако взаимосвязь участвующих во внутреннем диалоге смысловых позиций проявляется не только в единстве, общности темы, но и в сонастроенности, согласованности, взаимозависимости этих смысловых позиций. Внешний диалог может перейти в монолог или в простое реплицирование, может смениться и псевдообщением. В последнем случае есть независимость того, что говорит и думает один собеседник, от того, что говорит и думает другой участник речевого общения. То есть в общении человека с человеком может существовать независимое течение двух речемыслительных процессов. В общении же человека с самим собой такое независимое течение различных речемыслительных процессов невозможно. Смысловые позиции личности никогда не могут достичь полной автономии внутри ее сознания. Два человека могут общаться, могут прекратить общение. У каждого из них будет свое дело. Индивиду такое раздвоение недоступно. Но не только в действиях, в поступках взаимозависимы смысловые позиции личности. Они и в диалоге не могут быть независимы. Человек всегда слышит свою спонтанную речь (он может не слушать подготовленную, заученную, заранее продуманную и тому подобную речь). Это важный момент в целостности сознания. При наличии внутреннего диалога каждая смысловая позиция развивается с учетом другой, как реакция на другую. Поэтому во внутреннем диалоге выражаемые в речи смысловые позиции сонастроены, соотнесены, взаимосвязаны, находятся в тех или иных содержательных отношениях: дополняют друг друга, уточняют, опровергают и т. п. Даже при таких формах психопатологии, как галлюцинации и псевдогаллюцинации, отчуждение одного речевого процесса не означает полной дезинтеграции субъекта, раздвоения его на две совершенно независимые системы. Может быть поэтому как галлюцинаторные, так и псевдогаллюцинаторные голоса не только возникают помимо воли больного, но и **приковывают к себе его внимание**, заставляют себя осмысливать. Поскольку внимание больного, его понимание, его реакции

комментирования, оценки, интерпретации прикованы к автоматическому психическому процессу, то сохраняется координация, связь различных психических процессов. Существование же двух независимых психических процессов, продуцирующих различное смысловое содержание, потребовало бы одновременной смысловой адаптации одного и того же сознания к каждому из них. Это было бы равносильно полному раздвоению сознания большого, возникновению двух и независимо, и одновременно существующих в голове сознаний, что невозможно. При любых формах патологии психики человека целостность сознания все же должна сохраняться. По отмеченным причинам у одного человека в одно и то же время может быть только **один** внутренний диалог.

Важной особенностью внутреннего диалога является своеобразная прозрачность, пронизываемость различных смысловых позиций друг для друга. Во внутреннем диалоге одна смысловая позиция не может вводить преднамеренно в заблуждение вторую позицию, т. е. нельзя думать одно и, скрывая это, говорить себе другое. Поскольку человек сам творец, автор своего внутреннего диалога и сам же его участник, то все, что задумано, что обрело речевую форму, становится известно всем смысловым позициям, отражено и в них. Человек не может сознательно, преднамеренно сфальсифицировать во внутреннем диалоге. Он может вложить в уста своего оппонента угодные себе слова, но будет знать, что это не слова оппонента, а собственные слова, вложенные в его уста. Человек может прекратить внутренний диалог, но будет знать, что в диалоге было сказано не все. Во внутреннем диалоге каждой позиции известно и то, что сказано, и то, что хотелось сказать. Каждая позиция помнит все, что помнят и другие позиции из сказанного в диалоге. Во внутреннем диалоге нет недосказанного.

Несмотря на то, что весь диалог порождается одним человеком, он не является его полным хозяином. У человека есть большие возможности в произвольной регуляции внутреннего диалога, во всяком случае в норме. Он может его начать, остановить, прекратить, придать ему определенную направленность за счет выбора и уточнения темы. Интересно, что человек не может сознательно ввести себя в заблуждение, но зато может сознательно исправить произвольный субъективизм, какую-то неадекватность своего внутреннего диалога. И все же в значительной степени внутренний диалог является произвольным, непреднамеренным. Речевые реакции, представляющие во

внутреннем диалоге различные смысловые позиции, являются результатом почти неосознаваемой работы смыслопорождающих механизмов. Поэтому непроизвольность внутреннего диалога проявляется прежде всего в непредсказуемости того, что в нем произойдет в следующий момент, т. е. даже в ближайшем будущем (какие возникнут новые вопросы, возражения, замечания и т. п.). Отмеченная выше прозрачность включенных во внутренний диалог смысловых позиций касается лишь уже произошедшего во внутреннем диалоге, а не того, что должно произойти. Для самой личности содержательный исход ее внутреннего диалога неизвестен. Она не знает заранее, чем завершится ее внутренний диалог и на какой позиции в результате она останется, каково будет соотношение смысловых позиций и т. п. Видимо, можно сказать, что порождается внутренний диалог в основном непроизвольно, непреднамеренно, хотя его содержание и динамика осознаются и в известной мере сознательно контролируются и регулируются. Значительная прозрачность смысловых позиций друг для друга определяет и характерную для внутреннего диалога (как и для внутренней речи вообще) свернутость речевых реакций. Только при особо серьезном, принципиальном по содержанию внутреннем диалоге становятся нужными, существенными все детали, все нюансы. Такие внутренние диалоги требуют развернутой, законченной речевой формы.

Одной из существенных особенностей внутреннего диалога является значимость его тем для личности. Ранее уже шла речь об особо интимных темах, о мировоззренческих вопросах и т. п. Значимость тем внутреннего диалога хорошо просматривается и в материалах дневников наблюдений за развитием ребенка.

Как отмечалось, на определенном уровне сформированности внутреннего диалога у ребенка (в возрасте 4—5 лет) появляются особо интересующие его и важные для него темы, к рассмотрению которых он возвращается постоянно (иногда в течение нескольких лет!), обнаруживая все новые и новые аспекты, вопросы и т. д. Это такие темы, как тема рождения, смерти, роста, бесконечности, волшебства и т. п. Например, по нашим наблюдениям, у одного мальчика в возрасте пяти лет такой актуальной темой стала тема смерти. Он обращался к взрослым со все новыми и новыми вопросами типа: «А что бывает с человеком, когда он умрет?», «А зачем его в землю кладут?», «А почему умирают?» и т. п. Вопросы, с которыми он обращал-

ся, были явно подготовлены заранее. Видимо, ребенок уже искал на них ответы в своем внутреннем диалоге. Существовало, что так продолжалось примерно полгода. Вопросы становились все более эмоциональными. И наконец, последовал прямой вопрос: «Все умрут? А я тоже умру?» Поскольку вопрос был задан в состоянии сильного волнения, родители сделали свой ответ несколько уклончивым: «Человек живет долго. Ученые думают, как преодолеть смерть, и, может быть, что-нибудь придумают и т. п.» Видимо, такой ответ снял внутреннее напряжение, и с этими вопросами ребенок уже больше по собственной инициативе не обращался, хотя повышенный интерес к данной теме у него был замечен еще длительное время.

О значимости тем внутреннего диалога для личности свидетельствует и эмпирический материал, касающийся внутренних диалогов ребенка с вымышленными или реальными друзьями. Об этом же говорят и ролевые игры ребенка, разворачивающиеся в форме его внутреннего диалога, ведь персонажи ролевой игры ребенка нередко входят в круг его значимого общения. Большой материал о значимости тем внутреннего диалога дают некоторые личные дневники, и среди них дневник Л. Н. Толстого. В этом дневнике можно обнаружить следы, отголоски и прямые проявления многих внутренних диалогов автора, а среди его тем такие, как вопрос о собственном предназначении, о том главном деле, которому стоит посвятить жизнь, о личной свободе и т. д.

Отметим, впрочем, что внутренние диалоги не всегда имеют темы такой открытой, прямой непосредственной значимости. В некоторых случаях важен не сам обсуждаемый предмет, а создаваемые в ходе обсуждения отношения с другими субъектами. Обсуждаемый предмет при этом может быть лишь поводом для выяснения отношений, нередко встречающихся при различных конфликтах, и, наконец, интересно, что личность, пользуясь некоторыми возможностями воздействовать на собственный внутренний диалог, может избегать некоторых значимых тем. Это всевозможные попытки заглушить «голос совести» или уклониться от необходимости принять важное решение, взять на себя ответственность за какие-то действия, поступки. С целью избежать развертывания внутренних диалогов на определенные темы личность обращается к заимствованным, посторонним сюжетам, историям, широко использует в собственной речи речь заученную, многократно повторяемую, превращенную в речевой штамп, отключающий потреб-

ность думать. Есть и много других способов. И тем не менее именно значимость темы внутреннего диалога для личности — его характерная черта. Важно и то, что многие темы внутреннего диалога в принципе не могут быть исчерпаны, так как обладают неустранимой неопределенностью. Такова, например, тема оценки личностью собственных способностей, тех или иных собственных достижений: успех является закономерным, значительным — он результат затраченного труда или случая, является «подарком судьбы», несущественен и т. п.? Рассуждая так во внутреннем диалоге, человеку трудно прийти к окончательному ответу, и при каждом удобном случае он будет вновь и вновь обращаться к такой теме.

В завершение предпринятого анализа внутреннего диалога подчеркнем, что и познавательные, и коммуникативные функции внутреннего диалога неразрывно связаны с его регуляторными функциями. В первую очередь мы имеем в виду такую сторону регуляторной функции внутреннего диалога, которая состоит в изменении исходного собственного понимания, исходной смысловой позиции. Именно противопоставив одной смысловой позиции другую, отличную от нее, можно поставить под сомнение соответствие исходной смысловой позиции представленной в ней действительности. Ведь как отмечалось, в монологическом сознании, когда актуализирована одна смысловая позиция, представление человека о конкретной ситуации, интерпретация этой ситуации как бы сливаются с самой ситуацией. Изменение исходной смысловой позиции во внутреннем диалоге — это и замена ее на другую, и ее развитие. Взаимодействие исходной смысловой позиции с другими может ее разрушить, а может и укрепить, создать предпосылки для развития: сомнения потребуют разъяснений, вопросы — ответов, возражения — доказательств, непонимание — подробных описаний и т. п. В изменении исходной смысловой позиции в процессе решения творческой задачи особенно очевидно слияние познавательной и регуляторной функций диалога.

Не менее существенно и то, что в процессе взаимодействия с другими индивидами личность сталкивается с необходимостью не только изменить исходную смысловую позицию, отказаться от нее, преобразовать в более совершенную, более адекватную. Нередко возникает потребность личности в сохранении своей смысловой позиции. Например, возникает потребность отгородиться от чужого слова, вскрыть его ошибочность, тенденциозность. Внутренний

комментарий, репликами которого личность встречает и окружает чужое слово, оказывается своеобразным барьером, выполняющим защитные функции. В таких случаях легко видеть единство коммуникативных и регуляторных функций внутреннего диалога.

Одним из проявлений регуляторной функции внутреннего диалога является организация многопрограммного поведения. Не всегда возможен четкий выбор лучшей программы поведения. В таком случае поведение личности может строиться по нескольким конкурирующим программам, в основе каждой из которых будет лежать своя смысловая позиция. Смена центральной позиции личности будет вести к переходу к новой программе поведения. Неудача на пути реализации одной жизненной программы будет вызывать переход к другой. В рассмотренных нами случаях раздвоенности сознания и поведения личности при некоторых внутренних диалогах дело так и обстоит. Но в случае патологии отчуждение каких-то программ поведения нуждается в дополнительном комментарии, который в силу неразработанности данных вопросов может быть лишь предположительным.

Известно, что отчужденный, чужой голос может быть очень влиятельным. Он оказывает воздействие на поведение личности, регулирует его. Но ведь это голос, порожденный личностью, личность сама разворачивает свой внутренний диалог. Это важный принципиальный момент. Отражая в сознании и свою, и чужую речь, воспроизводя их, человек управляет своим поведением. Следовательно, чужой голос — не просто чужой, если человек, например, ему подчиняется. Если кто-то мне говорит «делай» и я делаю, то, значит, есть основания для того, чтобы я это делал, как в том случае, когда я этого хочу, так и в том, когда не хочу это делать. Есть внутренние условия действия. Сходно обстоит дело и при самоприказе: когда больной слышит приказ чужого голоса, то это все же его болезненное сознание ему приказывает, а не другой реальный голос. Таким образом, воспроизведение чужой речи, отчуждение собственной и т. п. — это не просто отбрасывание, отделение какого-то содержания от себя, это переструктурирование собственной смысловой позиции, изменение собственного сознания как регулятора собственного поведения. Следовательно, и раздвоение голоса личности, и его отчуждение должны быть поняты в контексте регуляторных функций внутреннего диалога.

Возможно, что для понимания таких явлений нам при-

дется привлечь представления о механизмах саморегуляции поведения личности на неосознаваемом уровне. Причастность внутреннего диалога к неосознаваемым формам саморегуляции можно показать, например, следующими рассуждениями. Какое содержание партнеры будут сообщать друг другу во внешнем диалоге, а какое будут утаивать, умалчивать, зависит от их взаимоотношений. Скрываемое содержание, бесспорно, существенно в плане взаимоотношений партнеров, иначе бы его не нужно было скрывать. Следовательно, такое содержание оказывает влияние на поведение скрывающего его субъекта. Во внутреннем диалоге ситуация в некоторой степени аналогичная. Есть отношение человека к самому себе. Есть «образ „Я“», его концепция «Я». Вероятно, есть и какие-то механизмы регуляции содержания внутреннего диалога в зависимости от отношения человека к самому себе. Подобным образом мы попытались проинтерпретировать механизмы возникновения отчужденной, неприемлемой для личности патологической продукции. Это, видимо, лишь один способ развертывания внутреннего диалога с голосом, выражающим неприемлемое для личности содержание. Второй способ — это маскировка подлинного содержания в виде его символизации и тому подобные механизмы.

Рассмотренные функции внутреннего диалога (познавательные, коммуникативные и регуляторные) существуют в неразрывном единстве. Это единство находит свое воплощение и в такой функции внутреннего диалога, которую нельзя однозначно отнести ни к одному из трех выделенных типов функций. Скорее, эта функция относится к каждому из выделенных типов. Мы имеем в виду функцию внутреннего диалога, состоящую в осознании субъектом присущих ему смысловых позиций. Речь идет о рефлексии над собственной деятельностью. Когда по поводу одного и того же предмета сталкиваются два различных понимания, две смысловые позиции, выраженные двумя высказываниями, то именно тогда обнаруживается несовпадение представлений о предмете с самим представляемым предметом и диалогически соотнесенные высказывания осознаются как самостоятельная реальность. В результате субъект осознает и выраженные в них смысловые позиции. Очевидно, что это осознание своей смысловой позиции имеет и выраженный познавательный аспект, например аспект самопознания. Есть и коммуникативный аспект, который проявляется в неразрывной связи внешнего диалога и внутреннего, в зависимости поведения во внешнем диалоге

от осознания собственных смысловых позиций во внутреннем диалоге. Регуляторный аспект рефлексии очевиден. Осознание своей смысловой позиции — условие сознательного усилия по ее сохранению или изменению. Нам важно подчеркнуть, что рефлексивный процесс использует своим средством, способом осуществления и внутренний диалог личности, который открывает возможности для самостоятельного сопоставления и противопоставления различных смысловых позиций их познания и преобразования.

Выводы:

1. Внутренний диалог — обязательная форма общения человека с самим собой. Формируясь в раннем детстве, почти одновременно с внутренней речью, он сопровождает важнейшие события в течение всей жизни личности.

2. Внутренний диалог личности выполняет существенные познавательные функции, связанные с обработкой особо важной личностной информации, в частности мировоззренческого характера, а также сугубо интимного. Он разворачивается во всех случаях принятия личностью нестандартных решений в сложных жизненных обстоятельствах.

3. Внутренний диалог неразрывно связан с процессом общения человека с другим человеком. Более того, внутренний диалог, принадлежа внутреннему миру личности, одновременно является обязательным компонентом сложных форм общения человека с другим человеком, он принадлежит и общению, и личности, образует точку подлинного пересечения этих двух сфер, точку их подлинного единства. Внутренний диалог выполняет существенные коммуникативные функции, которые состоят прежде всего в компенсации дефектов реального общения личности. Существует и компенсация дефицита «положительного» общения, и компенсация избытка «отрицательного» общения, определяемого сравнением реального общения с личностной «моделью потребного общения». Компенсаторные функции внутреннего диалога проявляются на всех этапах реального общения, начиная от подготовки к нему и кончая состояниями, являющимися отдаленными личностными реакциями на те или иные эпизоды реального общения.

4. В условиях совместного решения творческих задач внутренний диалог в некоторых случаях может замещать, заменять внешний диалог. Вообще, в каждом эпизоде совместного решения задачи личность осуществляет выбор

между внешним или внутренним диалогом на основе их сравнения с моделью потребного личностного общения. Этим можно объяснить постоянные смены оживленных диалогов с партнером периодами их прекращения и даже избегания в ходе совместного решения задачи в условиях непосредственного речевого общения.

5. К числу важнейших относятся и регуляторные функции внутреннего диалога. Это прежде всего изменение исходной смысловой позиции (отказ от нее или ее развитие), а также организация многопрограммного поведения. В последнем случае каждая программа основана на своей смысловой позиции и неудача в реализации одной из них ведет к актуализации другой программы. Существуют и разнообразные защитные функции внутреннего диалога, суть которых состоит в сохранении смысловой позиции личности, обеспечении ее устойчивости к влияниям со стороны других субъектов, поддержка самостоятельности, автономности личности.

6. Внутренний диалог имеет отношение к регуляции поведения на разных уровнях. Он причастен к уровню сознательной произвольной саморегуляции личности, а также имеет отношение и к неосознаваемым уровням саморегуляции. Кроме того, он служит речевой формой рефлексии как особого процесса осознания личностью своей деятельности, т. е. к уровню своего рода «надсознательной саморегуляции».

7. Неверным является отождествление внутреннего диалога и состояний раздвоенности сознания и поведения личности. Возможны внутренние диалоги, при которых личность, как и во внешнем диалоге, сохраняет целостность своей смысловой позиции и основанного на ней поведения. О раздвоенности можно говорить лишь при наличии неоднократных, чередующихся изменений центральной позиции внутреннего диалога, т. е. позиции, соответствующей актуальному «Я» личности и определяющей ее поведение, а также в случае отчуждения до уровня психического автоматизма каких-то смысловых позиций и основанных на них форм речевого или неречевого поведения.

8. Внутренний диалог — лишь одна из форм общения человека с самим собой. Именно потому что он не является единственной формой общения человека с самим собой, внутренний диалог не является непрерывно, постоянно продолжающимся, постоянно наличным процессом. Внутренний диалог может превращаться во внутренний монолог или в простое реплицирование.

9. Представленные в данной работе материалы по внутреннему диалогу позволяют утверждать его неразрывное единство с эмоциональными процессами личности. Правомерность подобного утверждения заключается в особой значимости тем внутреннего диалога, в том, что темы внутреннего диалога не могут быть безразличны для личности. Можно предположить, что эмоции оказывают существенное влияние на динамику внутреннего диалога, вызывают актуализацию, усиление одних смысловых позиций и ослабление других, определяют их устойчивость или, напротив, изменчивость. Очевидно, существуют взаимосвязи между эмоциями и процессами осознания или неосознания личностью тех или иных смысловых позиций. Эти вопросы ждут своего исследования. Впрочем, эмоциональные аспекты общения до настоящего времени слабо освещены и в теории внешнего диалога, диалога реальных собеседников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая проведенные исследования, подведем некоторые итоги, значимые, на наш взгляд, в теоретическом и практическом отношении, а также наметим возможные направления дальнейших разработок проблемы внутреннего диалога.

На фоне имеющихся разногласий по поводу существования внутреннего диалога нужны не мнения, а доказательства или того, что он есть, или того, что его нет. Эти доказательства и были представлены в данной работе. Человек не только погружен в океан общения во время непосредственного взаимодействия с другими реальными собеседниками, но и, оставаясь наедине с собой, он продолжает взаимодействовать с ними в той особой форме, какой является внутренний диалог.

Вместе с тем при исследовании внутреннего диалога следует помнить, что это именно особый вид диалога, особая форма речевого общения. Она отличается как от форм неречевого общения, так и от других (недиалоговых) форм речевого общения (например, монолога). Поэтому недопустимо все речевое общение человека с самим собой сводить к внутреннему диалогу. Тем более недопустимо включать в него формы неречевого общения человека с самим собой. Сказанное означает, что термины «внутренний диалог», «аутообщение» или «самообщение» не являются синонимами. В любом достаточно сложном и длительном эпизоде речевого взаимодействия партнеров можно обнаружить периоды типичного диалога, типичного монолога, простого реплицирования и даже псевдообщения. Это относится и к общению человека с другим человеком, и к его общению с самим собой. Более того, сложные формы общения человека с другим человеком включают в качестве своих обязательных компонентов и формы общения че-

ловека с самим собой. Существуют многообразные взаимосвязи и взаимопереходы между ними.

Признание факта существования внутреннего диалога требует соотносить его с традиционно разрабатываемым в психологии понятием «внутренняя речь», которое при этом следует сделать более определенным. Во-первых, если внутренняя речь — это «речь для себя» (Л. С. Выготский) или «не предназначенная для другого речь» (С. Л. Рубинштейн), то в качестве внутренней речи следует рассматривать все случаи использования естественного языка в процессе общения человека с самим собой, включая и представляемую, воображаемую речь, и отчужденную и т. п. Главное, чтобы эта речь была организована в высказывания и чтобы человек реагировал на нее именно как на высказывание. Поскольку все виды внутренней речи порождает он сам, включая и те голоса, которые он приписывает другим, то это и будет означать ее использование в качестве средства организации процесса общения человека с самим собой. Разнообразие используемых в таком процессе форм внутренней речи — это фактор, определяющий и разнообразие форм внутреннего диалога. Справедливо и то, что не любая внутренняя речь является внутренним диалогом, так как есть и другие формы общения человека с самим собой (внутренний монолог, простое реплицирование и даже псевдообщение).

В проблеме «речь и мышление» внутренняя речь является узловым, центральным пунктом. Уже этого достаточно было бы для постановки вопроса о функциях внутреннего диалога в мыслительном процессе индивида. Очевидно, что нельзя свести мышление человека к его внутреннему диалогу. Ведь есть еще и неречевое общение человека с самим собой, которое также включено в мыслительный процесс. Есть также диалоговые формы общения человека с самим собой, которые используются в мышлении. И самое главное — есть взаимодействие с познаваемым предметом, единицами которого и являются, на наш взгляд, действия, операции. Следовательно, главное состоит не в том, чтобы свести одно к другому, а в том, чтобы, различив их, выявить конкретные формы их подлинного единства в реальном мыслительном процессе. В теоретическом плане существенно, что особенно очевидно единство форм общения человека с самим собой (в том числе и его внутреннего диалога) и различных форм взаимодействия с познаваемым предметом (действиями) у детей, решающих задачу во внешнем материальном плане.

Самый сложный узел вопросов возникает при анализе личностных аспектов внутреннего диалога. Признание внутреннего диалога — лишь первый шаг, после которого исследователь будет вынужден совершить новые шаги в области теоретического анализа проблем психологии личности. Например, совершенно новые вопросы возникают в этом случае при разработке личностного подхода к мышлению — старой проблеме, получившей в настоящее время новое интересное звучание [6]. Достаточно указать в этой связи на вопрос о составе голосов и смысловых позиций во внутреннем диалоге в процессе мышления личности. Здесь ключевой остается идея М. М. Бахтина, согласно которой «внутренний мир и мышление каждого человека имеет свою стабилизированную социальную аудиторию, в атмосфере которой строятся его внутренние доводы, внутренние мотивы, оценки и пр.» [27, 87]. Внутренние диалоги появляются у человека в возрасте от 3 до 5 лет и продолжают в течение всей жизни. Во внутреннем мире личности представлены и имеют своеобразную жизнь голоса других индивидов, их мысли, взгляды, отношения. Язык человека и его речь являются подлинным «самоговорящим бытием» того коллектива, в который он включен. Эту мысль четко осознавал К. Маркс. Он возвращался к ней неоднократно и в ранних, и в поздних своих работах.

В приведенных выше словах Бахтина лишь конкретизируется данное положение Маркса.

Внутренние диалоги тесно связаны с самыми глубинными, социальными по своей природе механизмами регуляции поведения личности, с принятием решений и отказом от них, с непоследовательностью, противоречивостью мыслей и поступков и, напротив, с удивительной предусмотрительностью, обеспечивающей возможность все учесть, т. е. учесть все возможные будущие возражения, сомнения, непонимание реальных собеседников и провести свою линию, доказать собственную правоту.

Многоголосие, диалогичность сознания индивида — принципиальный факт, без учета которого нельзя в полной мере понять человека как индивидуальное общественное существо. Голоса других не оказывают прямого непосредственного воздействия на личность. Они включаются в ее внутренний диалог, погружаются в контекст диалогических реплик личности, выражающих ее сомнения, несогласие, одобрение и т. п. Тем самым внутренний диалог предстает механизмом обособления личности и в ходе непосред-

ственного взаимодействия с другими индивидами, и вне его как продолжение реальных диалогов или их предвосхищение. И чужие голоса, и собственный голос личности претерпевают во внутреннем диалоге значительные преобразования. Здесь и присвоение чужих голосов, их слияние с собственным, и отчуждение собственного голоса, отстранение от него, и развертывание голосов, развитие, обогащение новым содержанием, и их свертывание, вплоть до вытеснения в область неосознаваемого. В этой связи отметим, что неотторжимость внутреннего диалога личности от ее общения с другими реальными собеседниками в некоторых особых случаях становится аналогичной той связи, которая существует между сновидениями личности и ее жизнью в состоянии бодрствования. Это тем более так, если учесть, что внутренние диалоги нередко продолжают-ся и во время сна, образуя его смысловое ядро.

Проблема внутреннего диалога имеет большое значение не только для понимания психически здорового индивида, но и для понимания психопатологии личности. Если внутренний диалог — обязательный компонент продуктивного мыслительного процесса, то естественно предположить, что патология мышления личности связана с патологией внутреннего диалога, его неадекватностью, инертностью, неподвластностью сознательной коррекции, своеобразным отрывом от общения с реальными собеседниками и т. п. Подобных фактов очень много, но они по-прежнему остаются теоретически недостаточно осмысленными.

Какое практическое значение может иметь исследование внутреннего диалога?

По-видимому, наиболее очевидно отношение этих исследований к задачам совершенствования развивающего обучения, в частности такого, которое ставит своей целью формировать самостоятельное, продуктивное, творческое, оригинальное мышление. Принципиальное значение для организации такого обучения имеет вывод А. М. Матюшкина о том, что воспитание творческого мышления предполагает специально организованный дидактический диалог, а также ситуации группового мышления [79, 16]. Здесь фактически утверждается необходимость внешнего диалога для развития мышления. Но если цель состоит в развитии продуктивной познавательной активности, которая, как отмечает А. М. Матюшкин, имеет диалогическую структуру [79, 15], то понятно, что необходим не любой внешний диалог, а такой, в котором будут формироваться необходимые мышлению структуры внутреннего диалога.

Причем существенно, что внутренний диалог может не только порождаться внешним диалогом, но и вытесняться им, например, если взрослый так построит свой рассказ о каком-то явлении, что этим рассказом будут упреждаться любые вопросы ребенка, своевременно даваться все необходимые пояснения и т. п. То, что ребенок при этом усвоит какую-то информацию, сомнений не вызывает. Но при подобном обучении реализованы далеко не все возможности в развитии внутреннего диалога ребенка и, следовательно, его продуктивного самостоятельного мышления.

На наш взгляд, более адекватной задачам развития мышления ребенка является такая организация обучения, при которой целенаправленно создаются условия и для появления у ребенка самостоятельных вопросов, и для поиска ребенком ответов на вопросы взрослого. Но для развития продуктивного мышления этого также недостаточно. Особенно существенно создание условий, при которых у ребенка появятся и собственные вопросы, и собственные самостоятельные ответы на них.

Для этого, если во время внешнего диалога вопросов со стороны ребенка нет, взрослый сам создает доступную пониманию ребенка проблемную ситуацию, обращает его внимание на возможные вопросы по поводу обсуждаемого материала, помогает их сформулировать, фиксирует их повторением. При обилии детских вопросов взрослый должен стремиться создать условия для поиска ребенком собственных ответов. Для этого может потребоваться упростить возникшие у ребенка вопросы, упорядочить их. В некоторых случаях достаточно просто переадресовать ребенку заданный им вопрос, а затем помочь ему в поиске ответа. Словом, важно, чтобы циклы внешнего диалога, такие как «вопрос взрослого — ответ ребенка», «вопрос ребенка — ответ взрослого», становились основой для возникновения у ребенка соответствующих целостных структур внутреннего диалога.

Одним из действенных способов стимулирования внутренних диалогов ребенка является демонстрация ему взрослым образцов своего мышления вслух, образцов своего внутреннего диалога. Речь идет о том, что в процессе внешнего диалога с ребенком взрослый может превратить некоторые из своих реплик в развернутые внутренние диалоги, доступные восприятию ребенка. То есть взрослый может сам формулировать в громкой речи вопросы и сам на них отвечать. Причем и вопросы, и ответы должны

быть такими, какие могли бы возникнуть у ребенка, понятными ему, интересными и т. п. Когда ребенку сообщаются знания, которые не вызывают у него ни вопросов, ни ответов, мы знакомим его с результатами чужого мыслительного процесса. А в рассматриваемом случае ребенку демонстрируется именно ход мыслительного процесса и его диалоговая форма.

Не менее важно и то, что взрослый имеет возможность сделать мышление ребенка, его внутренний диалог более доступным для своего контроля. Для этого следует стимулировать размышления ребенка (в том числе и его внутренний диалог) в форме громкой речи, например, с помощью вопросов: «Что ты об этом думаешь?», «Что здесь неясно?» и т. п. Тем самым намечается еще один вариант развития внутреннего диалога ребенка как путь от понимания им внутренних диалогов-размышлений взрослого через участие во внешнем диалоге со взрослым в виде обмена с ним вопросами и ответами к контролируемому взрослым собственному внутреннему диалогу ребенка. Ясно, что контроль внутреннего диалога ребенка необходим именно для оказания ему эффективной помощи, направленной на формирование у него самостоятельного мышления. Следовательно, цель взрослого — в поддержке внутреннего диалога ребенка, его укреплении и развитии. Взрослый не перебивает размышления ребенка, не замещает внутренний диалог внешним, а стимулирует внешним диалогом внутренний, уточняя вопросы, дополняя ответы, подчеркивая их важность и т. п. В этом направлении у педагога есть большие возможности.

Следует отметить, что подобные проблемы могут возникнуть и при организации обучения, развивающего мышление взрослых. Так, положительный пример влияния специально организованного внешнего диалога на активизацию внутреннего диалога испытуемых и повышение продуктивности их самостоятельного мышления можно найти в работе П. Я. Гальперина и В. Л. Даниловой [31]. Впрочем, авторы этой работы термином «диалог» не пользуются и тем более не говорят о внутреннем диалоге. Они описывают, как испытуемый, вынужденный, решая задачу, отвечать на вопросы оппонента, через некоторое время начинает сам себе систематически задавать вопросы, спорить с собой и т. п. Заметим также, что нужно стимулировать внутренний диалог, который увязан в единое целое с процессом взаимодействия человека с познаваемым предметом, управляет этим взаимодействием. Очевидно также, что

развитие теоретического мышления [36] предполагает, кроме овладения различными способами реального или идеального преобразования познаваемого предмета, еще особый уровень организации внутреннего диалога, соответствующего некоторой научной норме. Диалога, включающего возражения, опровержения, объяснения, критику, примеры и контрпримеры и т. п. [62].

Развитие мышления ребенка происходит не только в его диалогах со взрослыми. Огромно и влияние совместной деятельности со сверстниками, если в ней возникает групповое мышление. Однако оценить качество группового мышления, лишь учитывая внешний диалог, нельзя. Требуется учесть и внутренние диалоги партнеров. Во-первых, совместное решение имеет место только при особом уровне внешнего диалога, который объединяет в единое целое индивидуальные мыслительные процессы. Во-вторых, если есть индивидуальное мышление, то, как правило, есть и внутренний диалог. Поэтому совместное мышление возможно лишь как особое соотношение внешнего и внутреннего диалогов партнеров.

Если темы внутренних диалогов партнеров совпадают и при этом разворачивается их внешний диалог, то возможно возникновение особого типа взаимодействия партнеров. Его суть в том, что внутренние диалоги обретают согласованность во времени. При этом границы между внутренним и внешним диалогами исчезают, так как совпадение тем внутренних диалогов создает общую смысловую перспективу для восприятия внешнего диалога каждым из партнеров. В результате диалог с другим не перестает быть диалогом с самим собой, а является его продолжением, фрагментом. Внутренний диалог в свою очередь не разрывает внешний диалог, а дополняет его. У внешней речи появляются новые функции. В отдельные моменты она становится средством внутреннего диалога, способом рассуждения вслух в присутствии другого, контролируемого другим, дополняемого, подхватываемого им. Вместе с тем тематическое сближение внутренних диалогов партнеров не означает превращение этих партнеров в двойников из-за полного совпадения их внутренних диалогов. Суть описанного уровня взаимодействия участников совместного решения в том, что при постоянных расхождениях внутренних диалогов они не утрачивают своих взаимосвязей, своего единства, достигаемого за счет постоянной осведомленности о ходе внутреннего диалога партне-

ра и развертывания собственного внутреннего диалога под его влиянием. Важно также, что подобное соотношение внешних и внутренних диалогов изменяет соотношение между личностью и выражаемой ею смысловой позицией. Личность оказывается несводимой к собственным смысловым позициям, к тем позициям, с которыми она себя отождествляет. Она овладела и смысловыми позициями партнера, что, собственно, и является прямым проявлением влияния эффективного общения с ним. Вероятно, именно такой тип взаимодействия партнеров и соответствует точному содержанию термина «совместное мышление», являясь необходимым условием существования обозначаемого этим термином процесса.

Все сказанное означает, что нужны серьезные знания о функциях внутреннего диалога в индивидуальном мыслительном процессе, о проявлениях внутреннего диалога во внешней речи человека и т. п., чтобы со знанием дела организовывать такое совместное мышление сверстников, которое будет способствовать развитию их мышления, их творческого потенциала.

Сходные проблемы возникают и при организации коллективного научного и технического творчества. Коллективное творчество предполагает не только разделение функций и обмен продуктами самостоятельных интеллектуальных усилий. Возможны, и нередко имеют место в действительности, процессы совместных решений различных задач в условиях непосредственного общения. Представление о функциях внутреннего диалога в индивидуальном мыслительном процессе и о его соотношениях с внешним диалогом, в частности возможностях внутреннего диалога компенсировать дефекты реального общения, позволяет искать новые формы взаимодействия партнеров в процессе совместного решения творческих задач.

Есть еще по крайней мере два направления практического использования знаний о внутреннем диалоге личности. Одно из них — процесс воспитания. В любых сложных формах общения воспитателя и воспитуемого от воспитателя требуется глубокое понимание воспитанника, а значит, и понимание его внутренних диалогов. Создание атмосферы откровения, доверия — это предпосылка, необходимое условие для перевода внутреннего диалога воспитуемого во внешний диалог, возможность придать внешнему диалогу глубину и действенность.

Во многом аналогичные вопросы возникают и при организации психотерапевтического общения.

В настоящее время проблемы внутреннего диалога интересуют и философов, и литературоведов, и представителей других наук. Психологический анализ не отменяет другие подходы к изучению внутреннего диалога. Он лишь дополняет их и оттеняет их специфику.

Представляется, что на пути познания внутреннего диалога личности основные открытия еще впереди.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 517—644.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Соч.* 2-е изд. Т. 3. С. 7—545.
3. *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* *Соч.* 2-е изд. Т. 23. 904 с.
4. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* *Соч.* 2-е изд. Т. 46, ч. 1. 559 с.
5. *Абульханова-Славская К. А.* Личностный аспект проблемы общения // *Проблема общения в психологии.* М., 1981. С. 218—240.
6. *Абульханова-Славская К. А.* Личностные типы мышления // *Когнитивная психология: Материалы фин.-сов. симпозиума (май 1983 г., г. Турку).* М., 1986. С. 154—172.
7. *Аккерман В. И.* Слуховые словесные галлюцинации и внутренняя речь // *Здравоохранение Белоруссии.* 1959. № 1. С. 54—58.
8. *Алферов А. А.* Научное общение // *Наука и научное творчество.* Ростов н/Д, 1985. С. 21—33.
9. *Аменицкий Д. А.* Эпилепсия в творческом освещении *Ф. М. Достоевского* // *Памяти Петра Борисовича Ганнушкина.* М.; Л., 1934. С. 417—431.
10. *Ананьев Б. Г.* К теории внутренней речи // *Психология чувственного познания.* М., 1960. С. 348—369.
11. *Ахутина Т. В.* Нейролингвистический анализ динамической афазии. М., 1975. 143 с.
12. *Ахутина Т. В.* Теория речевого общения в трудах *М. М. Бахтина* и *Л. С. Выготского* // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 1984. № 3. С. 3—13.
13. *Балаян А. Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 19 с.
14. *Банщиков В. М., Невзорова Т. А.* Психиатрия. М., 1969. 338 с.
15. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. 320 с.
16. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.
17. *Беляева А. В., Коротков В. Л., Тарабрина Н. В.* Личностный аспект вербального взаимодействия в диаде // *Психологические исследования общения.* М., 1985. С. 192—207.
18. *Библер В. С.* Мышление как творчество. М., 1975. 400 с.
19. *Библер В. С.* Понимание Выготским внутренней речи и логика диалога // *Методологические проблемы психологии личности.* М., 1981. С. 117—134.

20. *Бодалев А. А.* Личность и общение // Избр. тр. М., 1983. 271 с.
21. *Брунер Дж.* Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М., 1984. С. 21—49.
22. *Будагов Р. А.* Человек и его язык. М., 1976. 430 с.
23. *Буш Г. Я.* Диалогика и творчество. Рига, 1985. 319 с.
24. *Валлон А.* От действия к мысли. М., 1956. 232 с.
25. *Ветров А. А.* Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968. 263 с.
26. *Волошинов В. Н.* Фрейдизм: Критический очерк. М.; Л., 1927. 164 с.
27. *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1930. 157 с.
28. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 2. С. 5—361.
29. *Выготский Л. С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 6. С. 6—90.
30. *Гальперин П. Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. М., 1969. Т. 1. С. 441—469.
31. *Гальперин П. Я., Данилова В. Л.* Воспитание систематического мышления в процессе решения малых творческих задач // Вопр. психологии. 1980. № 1. С. 31—38.
32. *Гамезо М. В., Ломов Б. Ф., Рубахин В. Ф.* Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем // Психологические проблемы переработки знаковой информации. М., 1977. С. 5—48.
33. *Гвоздев А. Н.* От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов, 1981. 323 с.
34. *Горелов И. Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980. 104 с.
35. *Горький М.* Люди наедине с собою // Собр. соч.: В 30 т. М., 1973. Т. 17. С. 169—174.
36. *Давыдов В. В.* Виды обобщения в обучении. М., 1972. 424 с.
37. *Демьянков В. З.* Проблемы анализа разговора и некоторые вопросы теории аргументации // Общественные науки за рубежом. Сер. 6. Языкознание. 1982. № 6. С. 37—43.
38. *Дубровский Д. И., Черноснигов Е. В.* К анализу структуры субъективной реальности (ценностно-смысловой аспект) // Вопр. философии. 1979. № 3. С. 57—69.
39. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопр. языкознания. 1964. № 6. С. 26—38.
40. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М., 1982. 160 с.
41. *Иванов В. В.* Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. С. 5—44.
42. *Иммерман К. Л.* О клинической специфичности синдрома психического автоматизма при затяжных реактивных психозах // Синдром психического автоматизма. М., 1969. С. 148—157.
43. *Исенина Е. И.* Психолингвистические закономерности речевого онтогенеза (Дословесный период). Иваново, 1983. 78 с.
44. Исследования развития познавательной деятельности. М., 1971. 392 с.
45. Исследования речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. 236 с.

46. *Йотов Ц.* Диалог в общении и обучении. София, 1979. 128 с.
47. *Каган М. С.* Внутренний диалог как закономерность художественного творчества // Сов. искусствознание. М., 1985. Вып. 19. С. 184—219.
48. *Кандинский В. Х.* О псевдогаллюцинациях. М., 1952. 176 с.
49. *Каргаполов Ю. А., Лубенец Ю. П.* О феномене отчуждения при вербальном галлюцинозе // Науч. тр. Краснояр. мед. ин-та. Красноярск, 1971. Т. 3, вып. 8. С. 154—157.
50. *Клеман К. Б.* Истоки фрейдизма и эволюция психоанализа // Марксистская критика психоанализа. М., 1976. С. 41—155.
51. *Ковалев Г. А., Радзиховский Л. А.* Общение и проблема интериоризации // Вопр. психологии. 1985. № 1. С. 110—120.
52. *Кон И. С.* Открытие «Я». М., 1978. 367 с.
53. *Кон И. С.* В поисках себя. М., 1984. 335 с.
54. *Кричевская Е. К.* Моя Маруся. Записки матери: (От рождения до 5 лет). Пг., 1919. 127 с.
55. *Кузнецов О. Н., Лебедев В. И.* Об экстериоризационных реакциях в условиях длительного одиночества и их значение для понимания механизмов раздвоения личности // Вопр. психологии. 1968. № 1. С. 31—41.
56. *Кузнецов О. Н., Лебедев В. И.* Необычные психические состояния, их сущность и философская интерпретация // Вопр. философии. 1968. № 9. С. 97—108.
57. *Кузнецов О. Н., Лебедев В. И.* Психология и психопатология одиночества. М., 1972. 336 с.
58. *Кучинский Г. М.* Диалог в процессе совместного решения мыслительных задач // Проблема общения в психологии. М., 1981. С. 92—121.
59. *Кучинский Г. М.* Диалог и мышление. Минск, 1983. 190 с.
60. *Кучинский Г. М.* О взаимодействии смысловых позиций в процессе диалога // Категории, принципы и методы психологии: Психические процессы. Ч. 2: Тез. науч. сообщ. сов. психологов к 6-му Всесоюз. съезду Общества психологов СССР (18—23 августа 1983 г., г. Москва). М., 1983. С. 302—304.
61. *Кучинский Г. М.* Психологический анализ содержания диалога при совместном решении мыслительной задачи // Психологические исследования общения. М., 1985. С. 252—264.
62. *Лакатос И.* Доказательства и опровержения. М., 1967. 152 с.
63. *Левоневский А.* Мой ребенок: Наблюдения над развитием мальчика в течение первых 4-х лет жизни. М., 1914. 216 с.
64. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порожденные речевого высказывания. М., 1969. 305 с.
65. *Леонтьев А. А.* Деятельность и общение // Вопр. философии. 1979. № 1. С. 121—132.
66. *Лейбин В. М.* Четыре основные концепции психоанализа // Вопр. психологии. 1983. № 2. С. 153—155.
67. *Линдсей П., Норман Д.* Переработка информации у человека. М., 1974. 550 с.
68. *Ломов Б. Ф.* Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 124—135.
69. *Ломов Б. Ф.* Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 151—164.
70. *Ломов Б. Ф.* Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1977. С. 64—92.

71. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 444 с.
72. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М., 1977. 18 с.
73. Лурия А. Р., Цветкова Л. С. Нейропсихологический анализ решения задач. М., 1967. С. 251—253.
74. Люблинская А. А. Причинное мышление ребенка в действии // Изв. АПН РСФСР. 1948. Вып. 17. С. 5—44.
75. Люблинская А. А. Ранние формы мышления ребенка // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966. С. 319—348.
76. Массен П., Конгер Дж., Каган Дж., Гивитц Дж. Развитие личности в среднем возрасте // Психология личности: Тексты. М., 1982. С. 182—186.
77. Матюшкин А. М. Актуальные проблемы психологии в высшей школе. М., 1977. 44 с.
78. Матюшкин А. М. Деятельность человека и исследование психологических закономерностей продуктивных процессов // Деятельность и психические процессы: Тез. докл. Всесоюз. съезда психологов СССР (27 июня—2 июля 1977 г., г. Москва). М., 1977. С. 68—69.
79. Матюшкин А. М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности // Вопр. психологии. 1982. № 4. С. 5—17.
80. Меграбян А. А. Личность и сознание. М., 1978. 176 с.
81. Менз К. Проблема анализа диалогического общения // Текст как психолингвистическая реальность. М., 1982. С. 14—18.
82. Менз К. Коммуникативно-речевая деятельность старших дошкольников в ситуативной обусловленности (компоненты и градиенты) // Психолингвистика. М., 1984. С. 241—259.
83. Менделевич Д. М. Вербальный галлюциноз (клиника, условия развития, лечение). Казань, 1980. 246 с.
84. Менчинская Н. А. Дневник о развитии ребенка: (От рождения до 8 лет). М., 1948. 192 с.
85. Мецереяков А. И. Как формируется человеческая психика при отсутствии зрения, слуха и речи // Вопр. философии. 1968. № 9. С. 109—118.
86. Мучник Б. С. Двоение образов // Вопросы исследования речемыслительной деятельности: Учен. зап. Казах. пед. ин-та им. Абая. Алма-Ата, 1977. Вып. 7. С. 32—44.
87. Мышление: Процесс, деятельность, общение. М., 1982. 287 с.
88. Наумова В. В. Слуховые галлюцинации и слуховой эйде-тизм // Сов. психоневрология. 1934. № 6. С. 129—132.
89. Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972. 247 с.
90. Павлова А. Д. Дневник матери: Записки о развитии ребенка от рождения до 6½ лет. М., 1924. 186 с.
91. Парыгин Б. Д. Научно-техническая революция и личность. М., 1978. 239 с.
92. Перельмутер Е. А. К анализу некоторых галлюцинаторных образований // Сов. психоневрология. 1937. № 4. С. 80—84.
93. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.; Л., 1932. 412 с.
94. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 55—232.
95. Платон. Тезтет // Сочинения. М., 1879. С. 320—437.
96. Погодиин А. Л. Язык как творчество. Харьков, 1913. 560 с.

97. *Познанский А. С.* О развитии галлюцинаций у психозфреников // Сов. психоневрология. 1934. № 6. С. 133—138.
98. *Полонецкая Б. С.* Синдром психического автоматизма при психозах позднего возраста // Синдром психического автоматизма. М., 1969. С. 183—187.
99. *Пономарев Я. А.* Роль непосредственного общения в решении задач, требующих творческого подхода // Проблема общения в психологии. М., 1981. С. 79—91.
100. *Полов Е. А.* Зрительные галлюцинации и зрительный эйдетизм // Сов. психоневрология. 1934. № 6. С. 126—128.
101. Проблема общения в психологии. М., 1981. 278 с.
102. Психологические исследования общения. М., 1985. 344 с.
103. Психологический словарь. М., 1983. 447 с.
104. *Радзиховский Л. А.* Проблема диалогизма сознания у М. М. Бахтина // Вопр. психологии. 1985. № 6. С. 103—116.
105. *Родионова Е. А.* Формирование представлений о личности и социальных механизмах регуляции поведения: Культурно-исторический аспект // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 128—150.
106. *Рохлин Л. Л.* Проблема личности в психиатрическом аспекте // Проблемы личности: В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 183—210.
107. *Рохлин Л. Л., Климусева Т. А.* Самоописание синдрома Кандинского — Клерамбо больными параноидной психозфренией // Синдром психического автоматизма. М., 1969. С. 133—148.
108. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. 1940. 596 с.
109. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973. 424 с.
110. *Рыбникова-Шилова В. А.* Мой дневник: Записки о развитии ребенка от рождения до 3,5 лет. Орел, 1924. 171 с.
111. *Савицкая А. Б.* О речедвигательном варианте синдрома Кандинского — Клерамбо // Синдром психического автоматизма. М., 1969. С. 117—124.
112. *Сибилева Надежда.* Путь матери в воспитании ребенка. М., 1930. 296 с.
113. *Слама-Казаку Т.* Особенности диалога маленьких детей // Вопр. психологии. 1961. № 2. С. 97—106.
114. *Соколов А. Н.* Внутренняя речь и мышление. М., 1977. 248 с.
115. *Соколов Н.* Жизнь ребенка. По дневнику отца: Записки о развитии ребенка от рождения до 5 1/2 лет. М., 1926. 48 с.
116. *Станчинская Э. И.* Дневник матери: История развития современного ребенка от рождения до 7 лет. М., 1924. 215 с.
117. *Столин В. В.* Самосознание личности. М., 1983. 286 с.
118. *Страхов И. В.* Л. Н. Толстой как психолог // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та. Саратов, 1947. Вып. 10. 316 с.
119. *Страхов И. В.* Вопросы психологии внутренней речи // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та. Саратов, 1948. Вып. 12. С. 220—237.
120. *Страхов И. В.* Психология сповидений // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та. Саратов, 1955. Вып. 20. 140 с.
121. *Страхов И. В.* Психология внутренней речи. Саратов, 1969. 56 с.
122. *Терехов В. А., Васильев И. А.* К анализу процессов целеобразования // Психология творческой деятельности. М., 1975. С. 100—142.
123. *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности. М., 1969. 304 с.

124. *Л. Н. Толстой*. Дневник // Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1934. Т. 58. 672 с.
125. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма: Тр. по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 17. 160 с.
126. *Ушакова Т. Н.* Проблема внутренней речи // Вопр. психологии. 1985. № 2. С. 39—51.
127. *Ушакова Т. Н.* Речь как когнитивный процесс и как средство общения // Когнитивная психология: Материалы фин.-сов. симпозиума (май 1983 г., г. Турку). М., 1986. С. 131—143.
128. *Франкл В.* Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности: Тексты. М., 1982. С. 118—126.
129. *Холецкий А. М.* О контрастных формах синдрома психического автоматизма // Синдром психического автоматизма. М., 1969. С. 47—57.
130. *Харитонов Л. Р., Марш Д.* Диалог Кваттроченто. Классическая традиция и нововведения гуманистов // Общественные науки за рубежом. Сер. 7. Литературоведение. 1982. № 5. С. 70—73.
131. *Черниговская Т. В., Деглин В. Л.* Проблема внутреннего диалогизма // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма: Тр. по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 17. С. 48—67.
132. *Шевелев Е. А.* О мышлении вслух при психических заболеваниях // Сов. психоневрология, 1937. № 4. С. 28—41.
133. *Шогам А. Н.* Проблема сознания и психологическая модель личности // Проблемы сознания. М., 1966. С. 195—210.
134. *Шумакова Н. Б.* Роль вопроса в структуре мышления // Вопр. психологии. 1984. № 1. С. 91—95.
135. *Ярошевский М. Г.* Дискуссия как форма научного общения // Вопр. философии. 1978. № 3. С. 94—103.
136. *Badania nad rozwojem języka dziecka.* Warszawa, 1980. 647 s.
137. *Grzesiuk L., Trzebińska E.* Jak ludzie porozumiewają się? Warszawa, 1983. 183 s.
138. *Grodziński E.* Mowa wewnętrzna. Wrocław, 1976. 186 s.
139. *Kuchinski G.* Inner dialogue in individual's thinking process // Proceedings of the first Finnish-Soviet Symposium on Creativity (Moscow, October 11—17, 1982). Helsinki, 1986. P. 70—76.
140. *Lewi-Walensi E. A.* Le dialogue psychanalytique. Paris, 1972. 238 p.
141. *Micro Robert.* Dictionnaire du français primordial. Paris, 1973. T. 2. P. 630—1213.
142. *Szuman S.* Rozwoj pytań dziecka. Warszawa, 1936. 392 p.
143. *Wallon A.* Les origines de la pensée chez l'enfant. Paris, 1945. Vol. 1. 449 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Существует ли внутренний диалог?	6
Основные направления психологического исследования внутреннего диалога: от теории М. М. Бахтина к проблемам современной психологии	19
Основные формы межличностного общения	35
Внутренний диалог и другие формы общения человека с самим собой	53
Внутренний диалог во внутренней речи	73
Внутренний диалог — обязательный компонент продуктивного мышления личности	106
Личностные аспекты внутреннего диалога	141
Заключение	191
Литература	200

Научное издание

Кучинский Геннадий Михайлович

ПСИХОЛОГИЯ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА

На обложке использован
плакат худ. К. В. Хотяновского

Заведующая редакцией И. В. Смеян
Редактор С. М. Смирнов
Младший редактор Г. Н. Школьник
Художник Д. А. Милованов
Художественный редактор С. В. Баленок
Технический редактор В. П. Безбородова
Корректор Е. Б. Гурова

ИБ № 1141

Сдано в набор 12.11.87. Подписано в печать 14.03.88. АТ 08557. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,22. Уч.-изд. л. 12,11. Тираж 2440 экз. Заказ 597. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Университетское» Госкомиздата БССР. 220048, Минск, пр. Машерова, 11.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. 220041, Минск, Ленинский пр., 79.

Кучинский Г. М.

К 95 Психология внутреннего диалога.— Мн.: Университетское, 1988.— 206 с.
ISBN 5-7855-0012-4.

Книга посвящена психологическому анализу особенностей и функций внутреннего диалога как процесса общения человека с самим собой. Показано, что внутренний диалог обязательно входит в структуру продуктивного, творческого мышления личности, участвует в регуляции поведения на осознаваемом и неосознаваемом уровнях, играет существенную роль в сложных формах межличностного общения. Использован богатый эмпирический материал, в том числе и из области психопатологии.

Для психологов, педагогов, филологов, философов.

К 030400000—033
М317(03)—88 БЗ-48—88

ББК 88

1 р. 80 к.

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

АУТОКОММУНИКАЦИЯ

САМООБЩЕНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ

ВЕРБАЛЬНЫЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

ЛИЧНОСТЬ

МЫШЛЕНИЕ

САМОРЕГУЛЯЦИЯ